

Оксана Станишевская

**НЕСКОЛЬКО
ЭПИЗОДОВ
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ
И ДЕМОНОВ**

Оксана Станишевская

**Несколько эпизодов
из жизни людей и демонов**

«Издательские решения»

Станишевская О. Ю.

Несколько эпизодов из жизни людей и демонов /
О. Ю. Станишевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858200-4

В загадочные Средние века существование чёрта было для человека неоспоримой реальностью. И чёрт неизменно являлся, чтобы рушить судьбы и потрясать устои. «Настоящий демон в своей жизни должен сделать три вещи. Во-первых, купить душу у чернокнижника. Во-вторых, растлить девственницу. И, в-третьих, совратить священника» — вот их жизненное кредо! Но что, если черт — совсем молоденькая особа, да к тому же считает себя влюбчивой девушкой? Тогда и для неё в мире людей найдётся слишком много искушений.

ISBN 978-5-44-858200-4

© Станишевская О. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Эпизод 0. «Воздушный Департамент. Частный Суд. Отдел Тревоугодия»	6
Эпизод 1. «Человеческое тело – ненадёжное жильё...»	19
Эпизод 2. «Проза жизни»	24
Эпизод 3. «Гнездо порока»	31
Эпизод 4. «Лики Судьбы. Часть I. Воин»	40
Эпизод 5. «Лики Судьбы. Часть II. Чернокнижник»	44
Эпизод 6. «Переговоры»	50
Эпизод 7. «Бес в храме Божьем»	54
Эпизод 8. «Война полов»	62
Эпизод 9. «Ветер дует туда, куда прикажет тот, кто верит в себя»	71
Эпизод 10. «Искушение»	76
Эпизод 11. «Последнее слово»	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Несколько эпизодов из жизни людей и демонов

Оксана Юрьевна Станишевская

© Оксана Юрьевна Станишевская, 2017

ISBN 978-5-4485-8200-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Часть вечной силы я,
Всегда желавшей зла...»

Мефистофель. (И. В. Гёте. «Фауст»)

Эпизод 0. «Воздушный Департамент. Частный Суд. Отдел Чревоугодия»

«...О том, что православная догматика называет воздушными мытарствами. Напомню дорогим радиослушателям, что в традиционном понимании это сорокадневное путешествие души по слоям, населенным различными демонами, разрывающими пораженное грехом сознание на части».

В. Пелевин. «Вести из Непала»

«Когда душа христианина, оставив свою земную храмину, начнет стремиться через воздушное пространство в горнее отечество, демоны останавливают ее, стараются найти в ней сродство с собою, свою греховность, свое падение и низвести ее во ад, уготованный диаволу и ангелам его (Мф. 25, 41). Так действуют они по праву, приобретенному ими».

Епископ Игнатий (Брянчанинов).

Собр. соч., т. 3, стр. 132—133.

«Как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения их не миновать. Чего ищут эти мытники в проходящих? Того, нет ли у них ихнего товара. Товар же какой? Страсти».

«Сто восемнадцатый псалом». Толкование епископа Феофана Затворника. 1891.

«... Я собрана. Спокойна. Все действия чётки и своевременны. Я работаю. Я профессионал.

Звон хрустальных колокольчиков в воздухе: это вызов от дежурного диспетчера. Слышу голос Зараэля (сегодня его смена):

– Нат, приготовься. Новый клиент.

Я держу сферу восприятия. От моих пальцев тянутся нити, на конце каждой из которых – образ или событие. Нити невидимы, неосязаемы, и на самом деле их не существует вовсе. Это лишь аллегория, позволяющая описать, как я работаю. И в то же время, для меня они сейчас более чем реальны. В них сконцентрировались все мои чувства: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус, интуиция. Сквозь них изливается вся моя сила: сила воздушного демона одиннадцатого ранга.

В сферу влетает что-то свежее, прозрачное, трепещущее. Человеческая душа. Я делаю быстрое сканирование и разворачиваю картинку, исходя из психо-духовных особенностей клиента.

Безбрежный купол лазурного неба. Изумрудно-шёлковая трава. Солнца нигде не видно, но свет льётся отовсюду. Контуры чёткие. Цвета яркие. Изображение полностью объёмное.

Василий – а нового клиента зовут именно так – дико озирается. Выглядит он не очень. По материалам дела: тридцать восемь лет. На вид можно дать и все пятьдесят. Или даже больше... Тощая костлявая фигура. Из одежды – какая-то рванина. Лицо – в противовес общей худобе – отёкшее, одутловатое, с кожей нездорового, застойно-медного оттенка. На носу и щеках проступает сетка красных прожилок. Под глазами набрякшие мешки. Волосы грязны, всклокочены. На макушке запеклась чёрная корка.

Да, первое время после смерти они выглядят практически так же, как в последние мгновения жизни.

Василий видит меня. Моё лицо напоминает бело-мраморный лик античной статуи. Золотистые локоны рассыпаются по плечам. Бирюзовое одеяние до пят драпируется эффектными ниспадающими складками.

Василий трёт глаза. Он ещё не понял, что с ним случилось. Хотя интуитивно уже догадывается.

– Где я?

– А как ты думаешь, Вася? – мягко отвечаю я вопросом на вопрос.

– Вроде ж, зима была, – бормочет клиент.

– Была, Вася, – соглашаюсь я. – Только теперь это уже неважно.

Василий оглядывает свои руки. Кисти мелко подрагивают. Переводит взгляд на живот, ноги, ступни. Его ноги босы и имеют грязно-серый цвет. Травинки проводят по ним своими острыми кончиками, перебираемые ветром.

– Я... в раю?

– Как бы тебе сказать, Вася... Не совсем.

На границе сферы замерли двое Проводников. Даже пребывая на самом краю моего поля зрения, они неприятно режут глаза своим свечением. Регламент предписывает им не заходить в сферу без крайней необходимости. Проводники напряжённо следят за моими действиями, готовясь отразить атаку, как только она начнётся. Я им не нравлюсь.

Клиент, наконец, закончил изучать собственный облик и вперился взглядом в меня. Белки его глаз желтушны. Пара сосудов на склерах лопнула, растекаясь розовыми облачками.

– Ты... кто? Ангел?

– Я – твоя совесть, Вася.

Свет, пронизывающий атмосферу, тускнеет. Трава приобретает пепельный оттенок. Я придвигаю к Василию высокое, выше человеческого роста, зеркало. Зеркало совершенно обычное и отражает то, что перед ним находится. Но человек почему-то пялится на собственное отражение, как на откровение свыше.

– Там... что? – тычет он в стекло трясущимся пальцем.

– Там – ты. Это зеркало, Вася.

– Не-е-е... Не я! Там – не я. Вот же я!...

Перед нашим общим взором пролетает мимолётный образ. Узкое худое лицо парня лет восемнадцати. Забавный нос с широким закруглённым концом. Выступающие скулы. Впалые щёки в веснушках. Каштановые волосы слегка кучерявятся и торчат в стороны неприглаженными вихрами.

– Нет, Вася. Таким ты был двадцать лет назад. А теперь ты – вот.

Я плавно указываю на отражение. Картинка в зеркале меняется.

...Заснеженное пространство. Сугроб в проулке между двумя глухими заборами. В сугроб впечатана тёмная скорченная фигура. Тело лежит лицом вниз. Оно выглядит уже застывшим. Картинка наезжает на зрителя. Становятся различимы детали. Чёрная заскорузлая пятка на фоне белого снега. Дыра на штанах – сбоку, выше колена. Что-то липкое, бурое склеило волосы на макушке.

– Нет, – шепчет клиент. Его рука машинально тянется к темени, чтобы ощупать оставшуюся там корку. – Кто меня? Кто меня так?!

– Какая разница? Ну, если угодно, твой последний собутыльник. Вы с ним там же и познакомились, где сели потом пить. Только умер ты не от этого. Травма лёгкая: так, только кожа лопнула. Ты даже боли не почувствовал. Ты просто уснул в снегу. И там же замёрз. Славная кончина.

– Протестую! – дёрнулся один из Проводников. – Последняя фраза носит оскорбительный характер! Это попытка оказать психологическое давление на человека.

– Протест принят, – пожимаю я плечами. – Я изменю формулировку. Бес-славная кончина. Это не психологическое давление. Это констатация факта.

– А что ж я там... – бормочет Василий. – Что ж я там – так и лежу до сих пор?

– Ну, прошло всего два часа с момента смерти. Светает у вас сейчас поздно... Место глухое... Полагаю, тело пролежит ещё не меньше суток, прежде чем кто-нибудь его найдёт. Искать тебя некому...

– Как некому?... Как – некому?! А Верка?! Что ж она, сука ебучая... Уй!...

Василий в ужасе прихлопывает собственный рот ладонью. За последние пятнадцать лет бранные слова столь часто вылетали из его уст, что стали как бы основным языком для выражения мыслей. И эмоций. Они и сейчас сорвались по старой привычке, автоматически, в неразрывной ассоциативной связи со словом «Верка». И только теперь его уму, не скованному более протравленным алкоголем мозгом, открылся их подлинный смысл. А дух, освобождённый от оков плоти, содрогнулся от стыда.

– Где Вера? – спрашивает он изменившимся голосом. – Что с ней?

– Забыл, Василий? Не живёт с тобою Вера Сергеевна. Уже шесть лет, как не живёт.

– Где... где она? Она ж живая должна быть!

– Да живая, живая. В деревню уехала, к тётке. Опостылела ей такая семейная жизнь, какая у вас получалась.

Новая картина в зеркале. Усталое лицо женщины неопределённого возраста. Волосы гладко зачёсаны назад и стянуты где-то на затылке. Причёска подчёркивает нездоровую полноту: в юности она такой не была. Выцветшее платье, когда-то бывшее синим. Выцветший взгляд глаз, когда-то бывших голубыми.

Напротив, у стола, стоит, пошатываясь, фигура, в которой уже вполне можно признать нынешнего Василия. Его сильно ведёт в стороны; чтобы не упасть, он цепляется за столешницу. Язык тоже слушается с трудом: каждое слово даётся ему с усилием.

– Верка... сука ебучая!... Куда опять намылилась, блядь?...

Клиент перед зеркалом проявляет признаки беспокойства. Небосвод над его головой темнеет. Вместо травы под ногами простирается голая сухая земля, усыпанная камнями. Мой облик тоже претерпевает метаморфозы: уши заостряются и вытягиваются, над волосами на темени проклёвываются рожки.

– Я не хотел! – оправдывается Василий. Он вполне искренен. На Том Свете люди врут редко. – Я не хотел... Я ж люблю её! А она, блядь... (Вздрагивает в новом приступе стыда) ... А она... Я люблю её!... Любил...

В зеркале – смена кадра. Рядом, лицом к лицу, двое: высокий худощавый паренёк (щёки в веснушках, каштановые волосы слегка кучерявятся) и его ровесница, хрупкая девушка с косой до попы. Парень что-то горячо твердит, глядя ей в глаза. Плохо слышно, добавим звук.

– Верк... Давай поженимся!... Я всё, я завяжу, честно. Ты же знаешь, я могу вообще не пить. Это так мы просто, с пацанами, от нечего делать бухаем. А если поженимся – я же капли в рот не возьму!...

– Я не знаю, Вась...

– Верк, я без тебя жить не могу! – Василий внезапно бухается на колени. – Люблю я тебя, люблю! Одну только тебя, понимаешь? Я слово даю: завяжу. Чем хочешь поклянись! Хочешь, матерью поклянись? Хочешь? Жизнью своей клянись. Чтоб я сдох, Верк!...

– Не надо, Вась...

– Верк, я клянись: капли в рот не возьму! Давай поженимся...

– Ты честно продержался целых полгода после свадьбы, – комментирую я.

И бросаю уже в сторону Проводников:

– Отметьте. Клялся матерью и жизнью. Клятву нарушил.

Моё лицо продолжает меняться. Рот растягивается до ушей, превращаясь в зловонную пасть. Глаза выкатываются из орбит, становясь похожими на пылающие угли. Рога идут в рост и закручиваются назад. Из-под края одежд вместо ног виднеются копыта.

Василий бросает взгляд в мою сторону и замирает в ужасе.

– Бес! – выдыхает он.

А потом пронзительно верещит:

– Бе-е-е-е-ес!!!

– Угадал, – произношу я зловеще, низким утробным булькающим голосом. – Ты хорошо знаком с бесами, правда? Ты уже видел нас раньше, при жизни?

Из зеркала вылетает стайка мелких чёрных теней. Они живописно располагаются вокруг человека. У каждой тени обнаруживается пара красных горящих глазок. Тени начинают хаотично скакать, мельтешить. Василий затравленно озирается, он выглядит совершенно обезумевшим от ужаса.

А между тем, все эти жутковатые существа – всего лишь обман зрения. Как и те галлюцинации, которые несколько раз посещали его во время «белой горячки». Всё вполне объяснимо с естественнонаучных позиций.

– Протестую! – вступает в сферу один из Проводников. Сияние его лица мешает мне разглядеть черты. Не пойму: новенький – или мы уже сталкивались?

– Василий не видел настоящих бесов даже в периоды алкогольного делирия, – продолжает ангел. – Он испытывал истинные зрительные галлюцинации.

– Протест принят, – соглашаюсь я. – Истинные галлюцинации. И истинный страх. Настоящий животный ужас. Такой ужас испытывает скотина, которую привели на бойню...

Одна из моих задач – максимально деморализовать клиента. Подавить любое психологическое сопротивление. Игра на негативных эмоциях бывает здесь чрезвычайно эффективна. Особенно если у клиента есть яркий опыт, который можно воскресить в памяти. Его эпизоды с «белой горячкой» оказались мне весьма на руку.

– Что же вы! – Василий умоляюще тянет руки к Проводникам. – Пожалуйста! Сделайте что-нибудь! Ради Бога, ради господина нашего Иисуса Христа!...

Лёгкий удар тока промеж лопаток. Мне. От последнего прозвучавшего имени. Я получаю их иной раз по несколько сотен за смену, большей или меньшей силы, но каждый раз ощущения не из приятных. Издержки работы, ничего не поделаешь. После смерти почти все становятся на редкость набожными. Если бы они так же искренне взывали к богу при жизни, то, умерев, миновали бы всё наше Воздушное Царство транзитом, без остановок, как праведники. Я несколько раз наблюдала такое вознесение. Обычная рабочая процедура. Всем меньше забот. Я не отношу себя к трудоголикам. Есть дело – делаю, нет – отдыхаю. Оклад всё равно один и тот же.

Проводники готовятся предпринять ответный ход. Они уже оба залезли в мою сферу. Становится немного светлее. Мои милые танцующие фантомчики рассеиваются, как утренний туман. Более активный из ангелов – тот, который всё время протестует, – ведёт рукой.

Мы видим – как бы сверху – остов полуразрушенного дома. Сохранившиеся брёвна черны, обуглены: наверно, когда-то здесь был пожар. Парнишка лет шести с любопытством подбирается к дверному проёму. Внутри есть какое-то движение. Ему не разрешают здесь играть. И теперь, вырвавшись из-под присмотра взрослых, он неудержимо лезет к запретному.

Вслед за мальчиком мы проникаем внутрь. Свет падает неровными пятнами сквозь дыры между брусьями. На поперечной балке, на уровне человеческого роста, закреплена верёвка. На конце верёвки петля. Петля затянута на шее крупной серой кошки. Несчастное животное

беззвучно дёргается, отчаянно пытаюсь высвободиться. Оно извивается, насколько позволяет гибкий кошачий хребет. Оно пытается содрать верёвку мощными задними лапами. Но от всех движений петля лишь ту же затягивается.

Мальчишку начинает бить дрожь. Он стремглав бросается к животному, пытается освободить, расслабить узел, которым завязана петля. Узел слишком тугой, пальцам не хватает силы. К тому же, кошка висит слишком высоко, приходится тянуться, чуть ли не на цыпочках. Больше всего Вася боится, что не успеет, и кошка умрёт. Кошка продолжает дёргаться.

Василия – взрослого, наблюдающего вместе с нами сцену из своего детства, – начинает бить дрожь. Его глаза уже блестят слезами. Он протягивает руки к изображению, делает шаг... и проходит насквозь. Втянув голову в плечи, кусая губы, возвращается к своим ангелам.

Мальчишка, всхлипывая, дёргает узел. Внезапно сбоку, из тёмной полосы, выходят двое пацанов постарше, лет двенадцати – тринадцати. Вася вздрагивает, выпускает из рук верёвку. Кошка бьётся в судорогах. Вася взирает на подростков с тем же ужасом, с каким несколько минут назад смотрел на мою бесовскую личину. Старшие подступают к нему, отесняя от кошки. Вася пятится.

– Не бойся, мальчик, – спокойно обращается к нему один из подростков. – Мы тебе ничего не сделаем. Эта кошка поцарапала нашего друга и теперь должна умереть. Уходи отсюда.

Вася пятится. Беззвучно шевелит губами. Ему отчаянно жаль кошку. И отчаянно страшно: кажется, что если он попытается вступить, то разделит её участь. Взрослые мальчишки представляются ему демонами, бездушными монстрами. Он резко разворачивается и бросается наутёк. Не видеть, не думать, забыть... Как будто ничего и не было вовсе...

Изображение исчезает. Мы все четверо какое-то время тупо пялимся на кусок пространства, где только что разворачивались события. Сейчас там не видно ничего, кроме сухой серой пыли с россыпью булыжников.

– Он сострадал, – резюмирует Проводник. – И сейчас сострадает. Так же сильно. Он способен сострадать.

Да, сострадание – дар, тем более ценный, что в наше время встречается всё реже. Я собираюсь с мыслями.

– Жалко... кошку, – всхлипывает Василий-взрослый. У нас здесь слёз, как правило, не стесняются.

Мне тоже жалко кошку. (Кстати, надо запомнить тех двоих, что её вешали. Возможно, они скоро попадут ко мне...). Я симпатизирую кошкам. И даже как-то провела выходные в кошачьем теле. Они грациозны, мудры, независимы. Они индивидуальны. У них есть собственное достоинство. Они мстят за оскорбления, как и мы.

– А ведь она могла бы жить, – тяну я задумчиво. – Если бы ты, Василий, не оказался таким трусом. Эти мальчишки ничего бы тебе не сделали. Ты мог её спасти. Хотя бы попытаться... Ты ведь до сих пор себе не простил, да?

Мой голос нежен и вкрадчив.

– Я уже покаяться!... Я каюсь!... – стонет Василий. Взрослый мёртвый тридцативосьмилетний мужчина.

– Он каётся. Он прошён, – подтверждает второй из Проводников, до сих пор молчавший.

– Возможно, кто-то его и простил, – соглашаюсь я. – Возможно, даже Самый Главный. Если он разбирает дела по кошкам.

– Он – разбирает, – с вызовом бросает мой оппонент.

– А вот сам Василий... Боюсь, что нет. Он так и не смог себя простить, – доканчиваю я.

Проводники молчат. Потому что я права. В работе я стараюсь оперировать достоверными данными.

– Занесите в протокол: маловерие, – небрежно бросаю я ангелам.

На самом деле Василий – «лёгкий» клиент. И далеко не всегда получается так красиво лажать конкурентов. Им сейчас туго, их можно понять: из скудной горстки разрозненных фактов нужно выстроить целую систему защиты, способную перевесить гору страстей и пороков. К тому же, оба ангелочка весьма молоды. Наверное, новобранцы, совсем недавно в «полях». Почему у них в Отделе Сопровождения вечно одна молодёжь? Куда деваются заслуженные кадры? Отчего такая текучка? Всё время хочу спросить, да знаю: бесполезно, не скажут. Им запрещено с нами общаться на посторонние темы. Только по делу. А зря...

Тот из них, что понапористее, весьма мил. У меня всё-таки получилось разглядеть его: пришлось прищуриться и смотреть боковым зрением. Впрочем, они все сильно похожи друг на друга: благородный овал лица, правильные черты, тонкий нос, большие глаза, золотые локоны, резкий слепящий свет. Наверное, как-то так должен выглядеть и архистратиг Михаил... Только он будет повыше, пошире в плечах и несравненно ярче.

Таким он предстал в моих фантазиях: величественный, ослепительный, в блистающей серебряной кольчуге, с огненным копьём в деснице. Справедливый и мудрый. Непобедимый. Невообразимо могущественный. Безупречный страж Закона. Когда-то я мечтала, что однажды он спасёт меня от одного из своих разбушевавшихся вояк. Когда не в меру ретивый солдафон из ангельского воинства замахнет на меня мечом, с криком: «Проваливай в свой ад, дьявольское отродье!». Когда я отчаянно вскину руки, в безнадежной попытке защититься от разящего лезвия. Тогда внезапно в сиянии явится он, Михаил. «Остановись! – прикажет он зарвавшегося слуге. – Она просто выполняет свой долг! Она соблюдает Закон!». Потом он повернётся ко мне и скажет: «Приношу свои извинения, сударыня. Мои подчинённые допустили ошибку. У нас нет – и не может быть! – претензий к Вам. Разрешите проводить Вас, дабы хоть частично загладить нашу вину...». Я, конечно, не стану возражать. И тогда он узнает, что среди демонов тоже порой встречаются весьма интересные персоны...

Но все прекрасно знают, что архистратиг Михаил – это миф. Сказка. Собираемый образ, чтобы пугать молодых демонов: дескать, накосорезишь – придёт Михаил и поразит тебя своим огненным копьём. Процесс взросления неизбежно связан с утратой веры в подобных персонажей.

– ...Он сделал всё, что мог, – вступается первый Проводник, тот самый, что напомнил мне архистратига. – При любых его действиях вероятность гибели животного составляла не менее девяноста пяти процентов. Для биологических систем этот показатель идентичен достоверности события. Кошку нельзя было спасти. Дети, убивающие животное, превосходили его численно и физически. Он не мог им противостоять.

– Ты слышал, Василий? – обращаюсь я к клиенту, по-прежнему мягко, почти нежно. – Пять шансов! Целых пять шансов из ста, что кошка могла бы жить! И тогда тебе не пришлось бы потом ещё месяца три наблюдать через щель между брёвнами, как медленно разлагается кошачий труп на верёвке...

– Протестую! – восклицает ангел.

– А что, собственно, не так? – разворачиваюсь я к нему. – Сто минус девяноста пять равняется пяти, не так ли?

Взгляд Василия обращён внутрь. Где-то там, внутри, болтается в сумраке полусгнивший кошачий труп, с белёсыми фрагментами обнажившихся костей.

Проводники напряжены. Они разрабатывают контратаку.

Из небытия наплывает новый широкоформатный образ. Фасад питейного заведения. Пошарпанная вывеска «Три пятака». Светло, середина дня. Кажется, конец весны или начало лета. Дорогу развезло после ливня. На обочине в грязи валяется навзничь немолодой мужчина. Его можно было бы назвать прилично одетым, если бы вся одежда не была измазана в грязи. Мимо проходят люди – мужчины, женщины, дети. Кто-то бормочет: «Надо же, уже нажрался...»

Дверь трактира открывается, и на крыльцо вываливается наш Василий. Он привычно нетрезв. Если верить досье, ему тридцать три года. Вчера весь православный люд праздновал Троицу, а Василий, как всегда, продолжает праздновать и поныне.

Изрядно шатаясь, Василий начинает путь в сторону дома. Притормаживает возле лежащего на земле человека. Мужчина вяло пытается пошевелиться, тихо мычит. Василий опускается рядом на корточки. Тормошит за плечо:

– Эй... братушка! Ты чего здесь?

Мужчина испускает слабый стон. Пытается приоткрыть набрякшие веки. От него пахнет спиртным.

– Ну ты чего, братан! – Василий продолжает тормошить. – Не дело это... Давай, вставай... Ты где живёшь?

Человек снова то ли мычит, то ли стонет. Несколько минут Василий упорно трясёт его за плечи. Потом, убедившись в тщетности попыток, принимается толкать под спину, стараясь перевести в сидячее положение. Мужчина, кажется, пребывает в полубессознательном состоянии. Проходящий мимо народ косится на них неодобрительно.

– Не гоже это – на земле лежать... Домой пошли, домой... Там спать ляжешь... – приговаривает Василий.

Мужчина крупнее его по комплекции, к тому же абсолютно не владеет собственным телом. Не удержав равновесия, Василий садится рядом с ним в грязь. Некоторое время глядит в землю. Затем встаёт на колени. Закидывает руку человека себе на шею, обхватывает его за спину и бок, подпирает собственным плечом, пытается встать. Каким-то чудом ему это удаётся.

Василий с трудом ковыляет по улице, волоча на себе незнакомца. К счастью, живёт он неподалёку.

– Фёдор Степанович Прохоров, – комментирует первый Проводник. – Сорок семь лет. Наш испытуемый до этой встречи с ним знаком не был. Фёдор Степанович действительно выпил, но вовсе не так уж много, чтобы потерять сознание. У него произошёл инфаркт миокарда. Все окружающие сочли его просто пьяным. Если бы Василий прошёл мимо, оставив его лежать на земле, Фёдор Степанович, скорее всего, умер бы.

– Вероятность: девяносто восемь процентов, – добавляет второй Проводник, с ехидцей косясь в мою сторону. – Так что кошку можно считать отработанной.

...Василий взбирается на собственное крыльцо. Фёдор Степанович висит на нём кулём. Дверь отворяется. В проёме появляется сухонькая сгорбленная старушка.

– Ой, Вася, да кого ж ты притащил! – всплёскивает она руками. – Где ты его взял? Пусть домой идёт! Мало мне тебя, такого...

– Мама, давай, пусть он поспит... Ему поспать надо... Тогда домой отведём.

Василий заваливается со своей ношей в дом.

...Да, мощный аргумент. Хорошо сработано. Профессионально. Один из Проводников при жизни нашего испытуемого был его хранителем, и теперь наверняка ощущает прилив гордости за своего подопечного.

Нужно искать зацепки.

Меж тем, Василий заморожено следит за продолжающейся сценкой, которую все позабыли убрать. Внутри дома старушка суетится вокруг Фёдора Степановича, всё ещё пребывающего в отключке.

– Вот ведь, ещё собутыльников таскать удумал, – беззлобно ворчит она. – Да и человек-то с виду солидный, как его угораздило... Куды ж его теперь девать-то...

Лицо Василия-нынешнего расплывается в неожиданно нежной улыбке.

– Мама, – шепчет он. – Матушка... Что с ней?

Да, кстати. Матушка.

– Твоя мама умерла четыре года назад, – сообщаю я бесстрастно. – А хочешь знать, как это было?

Вопрос чисто риторический. Даже если он не хочет, ему придётся ознакомиться с фактами.

Смена кадра. Та же самая комната, где не так давно происходило чудесное спасение господина Прохорова. Голубоватые сумерки зимнего вечера. На полу у стены валяется бесчувственное тело нашего главного героя. То есть, Василия. Валяется в какой-то луже – кажется, в луже собственной мочи. У противоположной стены, на кровати, кто-то слабо ворочается. Шорох ткани, поскрипывание досок.

Участок комнаты с кроватью приближается, захватывая всё поле зрения. На постели, среди тряпья, скорчилась на боку, в позе зародыша, мать Василия. Она ещё больше похудела, щёки запали, глаза ввалились. Абсолютно белые реденькие волосы растрёпаны. У неё начинается приступ кашля. Сначала тихий и как будто несерьёзный, он постепенно набирает силу и становится всё более резким. Старушка с трудом садится, цепляясь за спинку кровати.

– Больна третью неделю, – сообщаю я. – Началось с бронхита, теперь перешло в двустороннюю пневмонию. Возможно, своевременный надлежащий уход и медицинская помощь помогли бы ей выкарабкаться. Но единственный сын третью неделю пребывает в беспробудном запое...

Старушка бессильно откидывается на спину. Глаза её закрыты. Дыхание тяжёлое, хриплое, прерывистое.

Какое-то время ничего не происходит. В комнате сгущается темнота. В своём углу шумно сопит мертвецки пьяный Василий.

Фокус нашего зрения перемещается к ногам больной. Они слегка подёргиваются – слишком мелко и ритмично, чтобы движение можно было считать произвольным. Это клонические судороги: начало агонии.

– Агония продлится ещё пять часов, – продолжаю я рассказ. – Она скончалась в начале десятого часа вечера. Василий обнаружил её труп через сутки, когда всё-таки протрезвел. До сего момента он не знал, когда точно она умерла. Денег на похороны у него не было. Соседи скинулись... На поминках Василий, как обычно, напился. И отправился в новый запой, теперь уже на месяц...

– Мама, – шепчет клиент рядом с нами. – Мама?... Мама!!!...

Застывший во времени крик. Застывший взгляд. Застывшая гримаса отчаяния на лице. Застывшая в зеркале картинка, отображающая начало процесса умирания пожилой женщины.

Это надолго: как минимум, на полчаса. Можно оправиться и покурить, так сказать.

...Они все после смерти проходят самым первым наш отдел. Так что, хоть мы и специализируемся официально на грехе чревоугодия («обжорство и пьянство», как зовём мы это между собой), но практически по ходу раскрутки клиента всегда выплывают зацепки и по другим страстям. Так что мы, в каком-то роде, приёмный покой Воздушного Департамента. Точнее, приёмный бес-покой. (Хороший каламбурчик? Сама придумала!)

Вот, например, Василий. Следующим этапом он отправится в Отдел Блуда и Прелюбодеяний («Отдел Похоти» – на нашем внутреннем жаргоне). Но вряд ли задержится там надолго: последние приступы плотских вожделений волновали его на заре туманной юности, ещё до более основательного знакомства с алкоголем. Дальше – Отдел Гнева. Там, наверное, будет с чем поработать. Недаром же его треснули бутылкой по голове перед смертью... Да и «Верка – сука ебучая» тоже представляется весьма перспективной жилой. Затем, по порядку, его ждут отделы: Алчности, Зависти, Уныния, Гордыни. По поводу алчности с завистью ничего не могу сказать: пусть сами ищут материал. А вот где теперь он точно застрянет основательно, так это в Унынии.

Делаю поверхностное сканирование души Василия. Степень охвата отчаянием: шестьдесят три процента. И цифры продолжают расти. Это хорошо. Чем больше страстей нам удаётся раскопать, тем больше качественного топлива получит наш энергетический комплекс. А энергетика – наше всё!

Отдел Уныния, вообще, мне по жизни должен. В который раз я выполняю добрую половину их работы! (Или злую?... Ещё один каламбур). Клиенты к ним от меня приходят уже в состоянии полуфабрикатов. Остаётся только лавры пожинать. А они – хоть бы какой шоколадкой отдарились, чисто ради приличия! Нет, делают вид, будто так и должно быть... Ну не могу же я начать халтурить только из-за того, что отдельные коллеги не способны на элементарную благодарность? Демоны, одно слово...

Мои конкуренты – Проводники – напряглись. Совещаются. Сейчас они попытаются выбить Василия из эмоционального коллапса, в который я его мягко направила. Как профессионал, я им в чем-то сочувствую (если понятие сочувствия вообще применимо к демонам): борьба с коллапсом – дело тяжкое, муторное. Но если у них и возникли проблемы, то никак нельзя винить в этом меня. Я просто делаю свою работу. Я – мытарь.

Все страсти, которыми так охотно пользуются люди, по Закону принадлежат нам. И если человек при жизни успел попользоваться нашей собственностью, пусть не обижается, если по окончании жизненного срока его попросят заплатить за эксплуатацию. Таковы правила.

...Низкий органнй аккорд сотрясает воздух. Ого! Это шеф. Каждый раз от его звонка делается не по себе: хочется вскочить и вытануться во фронт. И ведь знаю, вроде бы, что ругать меня не за что, зихеров в последние дни за мной как будто не водилось; а всё равно тревожно.

- Нат, чем занимаешься? – звучит его обманчиво спокойный хрипловатый голос.
- Работаю с клиентом, господин Бахамут.
- Можешь сейчас оторваться?
- Да, господин Бахамут. Клиент в коллапсе, развиснется не скоро.
- Вот и ладно. Давай, зайди ко мне.
- Уже иду, господин Бахамут.

...Кабинет шефа нынче расположился в грозовой туче. Густой туман до предела напитан статическим электричеством. От статики у меня возникает неприятное ощущение, будто по всему телу бегают мурашки. А шеф, похоже, напротив – наслаждается. В гигантском камине каждые тридцать секунд вспыхивает декоративная бесшумная молния.

Бахамут вальяжно развалился в клубах тумана. Будь он человеком, то производил бы впечатление добродушного стареющего толстяка. Но он не человек. Как и я.

– Заходи, Натанаэль. Располагайся.

Я осторожно присаживаюсь на какой-то выступ, подальше от камина. Если уж статика на меня так дурно влияет, то чего ждать от полного разряда.

– Как успехи? Как настроение? – невинно интересуется начальник отдела.

– За сегодня принимаю пятнадцатого. Четверо висят, остальные оформлены и переправлены на следующий этап.

Я никак не пойму, куда он клонит. Зачем я ему понадобилась? А-а, может быть, это насчёт вчерашнего парнишки, у которого оказался прихват наверху? Я тогда и рта раскрыть не успела, как его выдернули у меня из-под носа. За него, видите ли, походатайствовал какой-то продвинутый чувак с Неба!... Но Проводники при этом предоставили все необходимые документы, с надлежащими печатями и подписями. Я и не могла ничего сделать в такой ситуации, у меня нет полномочий. И Бахамут должен быть в курсе...

– Если Вы насчёт вчерашнего клиента, которого провели транзитом... – осторожно начинаю я.

– Я в курсе, – небрежно отмахивается Бахамут. – С этим всё в порядке. Речь сейчас о другом.

...Ну вот. Снова приходится ломать голову, за что я сейчас получу разнос. Или просто нагрузят новой работой? Сверхурочно, но за ту же зарплату?

– Мы подвели итоги работы за истекший квартал, – неспешно начинает шеф. Ага, наконец-то, к делу! – Их мы подробнее обсудим завтра на общем собрании. И положительные были моменты, и недочёты... Кое-кому явно не хватает дисциплины... Наш отдел всегда был на особом счету в Департаменте Воздушных Мытарств. Мы первыми встречаем отлетевшую с земли человеческую душу. Мы, так сказать, формируем у клиента впечатление обо всей нашей организации. И поэтому на нас лежит особая, почётная ответственность... Конечно, она налагает и особые требования на сотрудников...

Старик, кажется, уже ощутил себя ведущим предстоящее собрание. Да, всё-таки, возраст накладывает отпечаток даже на демонов... Или он просто играет роль?

– Ну, ладно, это всё завтра, – оборвал он сам себя. – А тебя я вызвал вот зачем. По итогам квартала твои показатели оказались самыми лучшими на весь отдел.

– Ух ты! – непроизвольно вырывается у меня. Вот это, действительно, неожиданность. Я, конечно, знала, что я неплохой работник, но чтоб настолько!...

– Да, принимай поздравления.

– Здорово, я даже не ожидала. Благодарю, господин Бахамут.

– Мы с руководством посоветовались и решили предоставить тебе отпуск. В полном объёме. Ты когда ещё заявление на отпуск писала...

«Когда-когда. Сто лет назад, вот когда». Подумала я. Но вслух промолчала.

– Да, – продолжает шеф. Может, он и прочитал мои мысли, но из вежливости не подал виду. – Кто хорошо работает, тот должен и отдыхать соответственно. Чтобы в дальнейшем продолжать хорошо работать. Поэтому, в качестве поощрения, мы дарим тебе возможность провести отпуск на земле в человеческом теле. В настоящем живом человеческом теле. Есть несколько вариантов, ты сможешь выбрать любой из них. Все документы уже оформлены, Главный утвердил. Ну, как? Довольна?

От навалившегося внезапно счастья у меня аж в зобу дыханье спёрло. Одно дело – просто выслушать благодарность от начальства. Её в карман не положишь. И совсем другое – настоящий отпуск! Да ещё в настоящем живом человеке! С тёплой кровью, с гладкой кожей, с гибкими суставами. Не какой-нибудь там полусгнивший зомби!

Бахамут вполне уловил мо эмоциональный всплеск. Он ухмыльнулся, как сытый кот. Чем хорошо общение с себе подобными: не обязательно выражать мысли словами, хотя официальная обстановка по этикету требует и вербальной формулировки.

– Господин Бахамут, у меня не хватает слов, чтобы выразить свою признательность. Вы делаете мне шикарный подарок.

– Вот видишь, для нас нет ничего невозможного, – самодовольно замечает шеф. – Было бы за что поощрять. А то всё больше наказывать приходится. Ну, ладно. Посмотрим кандидатов.

Бахамут накрывает меня своей сферой восприятия. Я и не пытаюсь противиться, он делает это в моих же интересах; но чувствую, что если бы вдруг попыталась, то у меня ничего бы не вышло. Как оса в варенье: сколько ни дёргайся – только увязнешь ещё сильнее. Ещё бы: у меня-то одиннадцатый ранг, а у него – четвёртый!

В нашем общем поле зрения начинают появляться персонажи, призванные одолжить мне свою телесную оболочку на ближайший год, по их, земному, времени. Все фигуры цветные, объёмные, в натуральную величину.

Кандидат номер один. Мужчина. Двадцать пять лет. Место жительства: западная Европа. Род занятий: военнослужащий. Круг интересов: карьера, секс, азартные игры. Материальная обеспеченность: четыре по десятибалльной шкале.

Неплохо. Но... посмотрим, что дальше.

Номер два. Женщина. Тридцать восемь лет. Средняя Азия. Жена высокопоставленного вельможи. Интересы: власть. Огромная власть. Безграничная власть. И... вкусно покушать. Фу-у-у! Чревоугодников мне хватает на работе. А прожить в таком существе весь отпуск!... Меня охватывает чувство брезгливости.

Что там дальше? Мужчина. Тридцать шесть лет. Западная Европа. Род занятий: служитель культа. Интересы: поиск философского камня и эротические фантазии, связанные с молоденькими девушками. Камень так до сих пор и не нашел, ни с одной из девушек так до сих пор и не переспал. Тьфу, извращенец и неудачник. К тому же, лысый какой-то...

Не хочу. Дальше!

Женщина. Семнадцать лет. Точнее будет сказать, девушка... Западная Европа. (Что-то почти все кандидаты идут из этого региона... Не иначе, как там сейчас начинается какая-нибудь эпоха научного подъёма и культурного возрождения. Везде, где начинают активнее шевелиться наука и культура, количество страстей увеличивается в разы. Взять, например, расцвет Римской империи. Могучая держава, толпы обжор... Иной раз даже приходилось вкалывать свержурочно... Потом Небеса провели успешную PR-кампанию своему ставленнику, наше ведомство подтёрло сопли и затянуло пояса, а Рим, немножко по-агонизировав, развалился к чёртовой матери. Да, окидывая взором с нынешних позиций всю эту движуху, невольно понимаешь, что конкуренты раскрутили очень мощный бренд под названием «христианство». И лишь умелая смена стратегии и тактики позиционирования, планомерно реализуемая не одно столетие, спасла нашу контору от полного банкротства. Конкуренты, к слову сказать, не ждали, что мы так быстро выкарабкаемся. А сейчас мы на подъёме... Вот, скажем, проект «Инквизиция»... Впрочем, не стоит забивать голову работой перед отпуском!).

...Так что там с девицей? Живёт на иждивении у родителей. Неплохо, работать не надо. Круг интересов: чтение, рисование. Звучит, как расписание уроков в первом классе. А вот внешность примечательная. Изящная хрупкая блондинка с ангельски-благородным личиком. Ну-ка, а как у нас с чревоугодием? По нулям! Что за прелесть!

Если можно, поподробнее, пожалуйста.

Социальный статус: дворянство. Материальное обеспечение: пять из десяти баллов. Не очень, конечно, но дело поправимое. Тем более, при такой внешности. Физическое здоровье: семь баллов по десятибалльной шкале. В семье единственный ребёнок. Проживает с родителями. Особенности психики: интровертированность, впечатлительность, сенситив-

ность, предрасположенность к астено-невротическим реакциям. Ворота вхождения греха: праздная мечтательность.

Мне нравится. Запомним и отложим в сторону. На всякий случай, посмотрим оставшихся кандидатов.

Мужчина. Пятьдесят три года. Северный Китай. Государственный чиновник. Интересы: философия, путь Дао. Женат, пятеро детей...

Я просмотрела ещё с полдюжины вариантов. Экзотика, вроде австралийского аборигена-пигмея или эвенкийского шамана, была отброшена сразу: хотелось нормальной человеческой жизни. Ещё трое вызвали у меня неприязнь как безнадёжные приверженцы чревоугодия. Из оставшихся самыми симпатичными представлялись трое: молодой вояка под номером один, мечтательная дева и северо-китайский философ. Философ обременён многочисленным семейством. Вояку в любой момент могут послать в какую-нибудь смертоубийственную завашку.

Я выбираю девицу. Марию де Мюссе. Её положение в человеческом сообществе наиболее согласуется с моими представлениями о беззаботной отпускной жизни. Так сказать, курорт с трёхзвёздочным отелем. All included. (На пять звёзд из них всё равно не тянул никто...)

– Хороший выбор, – слышу голос шефа. Он убирает сферу так же резко, как перед этим её развернул. Мы снова в туче. От статики зудит спина.

– Когда я могу выйти в отпуск?

– Да хоть послезавтра, если успеешь сдать все дела. Но помни: завтра с утра общее собрание. Явка строго обязательна.

– Да, господин Бахамут.

– Теперь о теле, – шеф делается очень серьёзным. – Помни: ты несёшь за него материальную ответственность. Это не наша собственность, мы его арендуем. Если с ним что-то случится, неприятности возникнут у всех. Это не скелет, не труп, даже не животное. Это гораздо более тонкая и сложная система. Так что изучи инструкцию по эксплуатации от корки до корки. Лучше всего, выучи наизусть. И Договор на временное пользование – тоже. Особое внимание обрати на следующий пункт: «Пользователь обязан по истечении срока пользования вернуть тело без необратимых физических и психических повреждений. В противном случае он несёт административную ответственность согласно действующему Кодексу...». Этот момент ясен?

– Да, господин Бахамут. Нужно вернуть тело без необратимых повреждений.

– Вот именно!

Шеф придвигает ко мне толстую кипу бумаг.

– Здесь досье на Марию де Мюссе, инструкция по эксплуатации и Договор в двух экземплярах. Один экземпляр в подписанном виде завтра вернёшь мне. Забирай. Изучай. Думай.

Я беру бумаги.

Бахамут выкладывает передо мной сероватый запечатанный конверт. Ни адресов, ни подписи. Лишь тонкая полоска текста у верхнего края: «Мария де Мюссе».

– Коды доступа, – сообщает Бахамут. – Выучи наизусть и уничтожь бумагу. Это секретная информация.

– Понятно.

– Вопросы есть?

– Пока нет.

– Ну, тогда не стану больше задерживать. Дел у тебя полно. Ступай...

С чувством облегчения покидаю тучу. Долго чешусь спиной о порывы северного ветра. Много ли нужно для счастья? Всего лишь как следует почесаться. И получить отпуск в человеческом теле.

Возвращаюсь на рабочее место.

Василий пребывает всё в том же состоянии, лишь степень охвата отчаянием доросла уже до семидесяти девяти процентов. Проводники мрачны. Похоже, они уже предприняли несколько попыток переключить его внимание, но всё оказалось безрезультатно. Что ж, это закономерно. Время собирать камни...

...Звон хрустальных колокольчиков в воздухе. Голос Зараэля:

– Нат, где тебя носит?

– Я на месте. Была у шефа.

– Ну и как? Отымили? В извращённой форме?

– Отпуск подписали.

– Ни фиги себе! Ну, поздравляю. С тебя причитается.

– Знаю...

– Сегодня ещё работаешь?

– Да.

– Тогда готовься. Новый клиент.

Я держу сферу восприятия...».

Эпизод 1. «Человеческое тело – ненадёжное жильё...»

«По-видимому, при бесновании злой дух завладевает нервно-двигательной системой организма – как бы внедряясь между его телом и душой, так что человек теряет контроль над своими движениями и поступками. Следует думать, однако, что при бесновании злой дух не имеет полного контроля над силами души бесноватого: они лишь оказываются неспособными себя проявлять. Душа остается в известной мере способной самостоятельно мыслить и чувствовать, но совершенно бессильна управлять органами тела».

Архимандрит Александр (Милеант).

«У порога Геенны огненной».

«Стремительный полет. Упругая преграда нехотя расступается, пропуская меня внутрь. Калейдоскоп световых пятен, шумов, касаний. Я на месте. Пробую подключить зрительный анализатор. Воспроизвожу код доступа: комбинацию электрических импульсов. Есть! Работает! Правда, изображение размыто и немного скачет. Различаю пересекающиеся плоскости цвета топленого молока: это стены, обитые тканью. Какие-то угловатые тёмные предметы... Мебель! Справа находится – вернее, угадывается – источник слабого света. Окно? Свеча? Пытаюсь оглядеться получше. Однако, картинка перед глазами абсолютно не меняется. В чём дело? В Договоре прописано, что вся система полностью исправна. Опять обманули? Или я настолько тупой пользователь, что не могу разобраться в элементарных настройках?

Скорее, второе. Ведь я ещё не задействовала двигательные пути нервной системы! А для того, чтобы оглядеться, нужно, как минимум, пошевелить глазными яблоками.

Воспроизвожу код доступа. Пробую перевести взгляд вправо. Бестолку! Спокойно. Что я сделала не так? Перепроверяю введённый код. Точно: ошибка в конце последовательности. Нужно быть осторожней: после пяти неправильных наборов система необратимо заблокируется.

Повторяю попытку. Осторожно смещаю глаза вправо. Изображение начинает скакать, как бешеное. Однако, определённо, что-то сдвинулось с мёртвой точки – и в переносном, и в прямом смысле. Замираю. Окно! Я вижу окно! У меня получилось!!! А света мало, потому что сумерки. Не знаю, утренние или вечерние...

Я могу двигаться! Хочу сейчас же опробовать на практике новоприобретённые способности. Медленно поворачиваю вправо всю голову. Идёт! Честное слово, она повернулась, вся, вместе с глазами! Приходится остановиться, чтобы зрение сфокусировалось. Неужели люди всегда вынуждены так поступать? Раньше я не замечала, чтобы они двигались рывками... Или я опять что-то упустила?

Разворачиваюсь влево. Слишком резко! Перед глазами хаотично мельтешат пятна света и тени, слабо окрашенные цветами. Замираю. Когда окружающая обстановка снова обретает чёткие контуры, выясняется, что она радикальным образом изменилась. Теперь это однородная светло-коричневая поверхность, не похожая ни на что из виденного ранее. Ау, где я?!

Кажется, я не чувствую ни рук, ни ног. Что это? Я умираю?

Ах, нет, чёрт возьми! Я же совершенно забыла подключить кинестетику. Из-за этого мозг не получает информации о положении тела и, соответственно, не способен ни поддержать позу, ни рассчитать точное движение.

Пожалуй, лучше, всё-таки, действовать по инструкции. Если бы я её хоть раз внимательно прочитала... Нет, я, конечно, честно пролистала её от начала и до конца! По диагонали... Оказывается, нужно было при этом ещё и читать текст.

Попробую осуществить подключение по порядку, оговоренному в документации. В той мере, в какой я успела этот порядок запомнить. Ввожу коды доступа к телесной чувствительно-

сти: проприоцептивная – пошла, кинестетическая – пошла, болевая – пошла, осязательная... Активирую остальные блоки восприятия: слух, обоняние, вкус...

Мозг взрывается миллиардами сигналов. Им пока нет названий, потому что я ещё не задействовала участок коры, ответственный за вербализацию. Воспроизвожу код.

Потоки чувственных восприятий смешиваются с потоком слов.

Я лежу на спине, раскинув руки, на чём-то просторном и мягком. Это кровать. Надо мной – деревянный потолок, тёплого светло-коричневого оттенка. К коже ласково льнёт что-то нежное, тонкое: батистовая нижняя рубашка. Каждый кусочек тела живёт своей жизнью. В камере из рёбер, позвоночника и грудины гулко ухает вечный двигатель – сердце. Я слышу присвистывающий шум крови, пробегающей через клапаны. Я чувствую ритмичное расширение и сжатие артерий. По обе стороны от двигателя, в более медленном темпе, вздуваются и опадают мехи: лёгкие. Упругие рёбра послушно смещаются в такт дыханию. Немного дальше, под мягкой передней стенкой живота, с бульканием переливается по трубам жидкое содержимое. Как будто клубок сонных змей лениво переваривает добычу... Клубок змей? Ну, да, почти так: свернувшийся в петли кишечник.

Какая какофония звуков и ощущений! Как люди умудряются сквозь неё разобрать, что происходит снаружи?

Хочу взглянуть на себя. Хочу увидеть своё новое тело. То есть, конечно, не совсем моё, а временно – на ближайший год, по земному времени...».

В уютной спальне на втором этаже городского дома лежала на постели юная девушка. Был тот таинственный час слияния дня и ночи, когда на горизонте догорают розоватые отсветы скрывшегося светила, а изо всех углов выползают, разрастаясь, тени, чтобы своим движением вдохнуть подобие жизни в неживые предметы. Девушка неуверенно шевельнулась. Она подняла тонкую изящную ручку и поднесла кисть к лицу. Минуты две удивлённо взидала на свою ладонь. Потом медленно села на кровати, свесив ноги. Все её движения, которых она и совершить-то успела совсем немного, казались угловатыми и неловкими, как будто она несколько лет пролежала в расслаблении, а теперь внезапно снова обрела контроль над телом.

Девушка опустила глаза к полу и быстро зажмурилась. Её пальцы вцепились в край кровати, словно она была на краю горного обрыва, а не в полуметре над твёрдой поверхностью. Переждав накотившее головокружение, девушка опасливо приоткрыла один глаз. Затем второй. Дыхание больше не сбивалось, а сердце работало вполне ровно.

Она встала. Решившись отпустить спасительную кровать, решившись распрямить колени, решившись доверить всю тяжесть плоти двум маленьким розовым ступням. О, как рванула её к себе возмущённая такую дерзостью земля! С какую силою тянула к себе земля каждую клеточку, каждый волосок, каждую каплю крови! Девушка пошатнулась, но выстояла, инстинктивно расставив пошире ноги. Земля хотела расплестать, намертво припечатать к себе наделённое физической плотностью существо; а существо противопоставляло ей замысловатую конструкцию из костей, хрящей, мышц, сухожилий. Сопrotивляясь цепкой хватке притяжения, существо умудрялось даже гнать вверх жидкость по своим многочисленным трубкам: кровь – по сосудам – к сердцу, к мозгу. Да, определённо, существо было если и не сильнее земли, то уж, во всяком случае, не слабее.

Девушка повела головой из стороны в сторону, осматриваясь. Взгляд её упал на высокое зеркало, висящее на противоположной стене. Оно позволит изучить себя с головы до пят, если только удастся до него дойти.

Девушка сделала свой первый шаг на земле. Как много требуется усилий, чтобы удержаться на одной ноге, пока вторая движется в воздухе. Она ковыляла неуклюже, вразвалочку, словно моряк, впервые сошедший на сушу после многомесячного плавания. Когда она поняла, что нет необходимости каждый раз обдумывать, в какой последовательности напрягать

мышцы, чтобы переместить ногу, дело пошло значительно лучше. Автоматические движения оказались чётче и слаженнее, чем осознанные.

Преодолеть три метра пешком в семнадцать лет – невелик труд. Вот она и перед зеркалом. Тусклая в сумерках поверхность немного искривлена. В местах неровностей пропорции отражённой фигуры искажаются. Но если не принимать близко к сердцу такие досадные мелочи, то в целом весь отражённый облик способен повергнуть в восторженный трепет даже самого скептически настроенного демона. Особенно если этот демон на ближайший год является полноправным властителем этого восхитительного облика.

Не отрываясь, даже забыв моргать, взирает дева на своё отражение. На нежное овальное личико, чертам которого позавидуют ангелы, если только они способны завидовать. А если и не способны, то научатся, ради такого случая... На водопад светло-русых волос, чуть выющихся на концах, рассыпавшихся по всей спине. На будоражащие воображение выпуклости фигуры, местами обрисованные под тончайшим батистом.

Ах, нет: рубашка, длиной почти до пола, сидит, точно мешок, скрывая всё самое интересное!

Девушка решительно хватается за подол и стаскивает с себя последнюю одежду. Теперь она полностью обнажена. Тело как будто светится молочной белизной в сгущающейся темноте. Изящней Венеры. Свежей Дианы. Тонкая и гибкая. Острые холмы груди оканчиваются маленькими розовыми сосцами. Покатые плечи свидетельствуют о хрупкости и незащитности их обладательницы. На фоне плавных изгибов талии любая древнегреческая амфора покажется неуклюжей ночной вазой. Плоский, но мягкий животик, с аккуратной впадинкой пупка. Золотистый пушок на лобке... Полусферы ягодиц покрыты идеально ровной, бархатистой на ощупь кожей. Так и хочется саму себя погладить...

А кажется, никто больше никогда и не гладил. Разве что, родители – да и то по голове, а уж точно не по попе.

Вскинув руки, девушка легко проворачивается на пятке. Волосы в движении подлетают, а потом вновь оседают на спину и плечи струящимся плащом. Она больше не чувствует себя скованной плотью. Она не боится двигаться или упасть. У неё есть пара стройных грациозных ног, готовых служить её прихотям не хуже крыльев. Она – совершенство!

Залюбовавшись на вид, открывающийся в зеркале, девушка абсолютно не заметила, как на лестнице раздалились шаги. Поэтому для неё оказалось полной неожиданностью, когда дверь комнаты распахнулась, и на пороге появилась женщина лет сорока, в домашнем платье, со свечой в руке.

«...Минуту мы ошалело таращимся друг на друга. Откуда здесь эта особа? Причём черты её лица кажутся мне смутно знакомыми. Потом, так же смутно, до меня начинают доходить некоторые вещи.

По данным досье, Мария проживает совместно с родителями. Логично будет предположить, что двое этих второстепенных персонажей станут постоянно путаться под ногами. Так что, по всей видимости, в дверях сейчас стоит мать, Агнесса де Мюссе.

Поэтому мне и показалось знакомым её лицо, хотя до сего момента я ни разу в жизни с ней не сталкивалась. Агнесса напоминает Марию – какой она могла бы стать лет через двадцать.

Фигура её, хоть и чуточку округлилась, сохранила общее изящество пропорций. Волосы светлые, и будто бы даже не знакомы с сединой. Но на лицо время уже наложило свой характерный отпечаток. Изменились контуры: слегка оплыли щёки, глаза немного глубже погрузились в свои гроты – глазницы. Отчётливые складки пролегли по углам рта и на веках. Сеточка морщин оплела кожу по наружным уголкам глаз. Несколько бороздок образовалось на лбу.

Время начинает неумолимо сминать свой старый шедевр, чтобы позволить блеснуть новому. Надолго ли?...

– Мари? – Агнесса недоумённо вскидывает брови. – Ты что делаешь?

Однако, нужно что-то ответить. Мне с этими людьми ещё год придётся как-то уживаться. Лучше не портить отношения.

– Смотрюсь в зеркало, – отвечаю я вполне миролюбиво. И, главное, абсолютно честно. За исключением того, что я – не Мари.

– Но ты же... голая! Это неприлично!

– А кто меня видит-то? – резонно возражаю я. – И вообще, стучаться надо, мамуля.

Агнесса безмолвно открывает рот. Закрывает его. Хлопает ресницами. Кажется, я веду себя как-то нетипично. Не так, как обычно ведёт себя Мария с матерью.

– Зачем ты разглядываешь себя голая в зеркале? – наконец, формулирует Агнесса волнующий её вопрос.

– А как же иначе я узнаю, красива я или нет? – я стараюсь быть предельно вежливой и объективной. Как всегда, если я оказываюсь в затруднительном положении, то предпочитаю опираться на факты.

– Хм, – (кажется, на мамашу подействовала моя рассудительность). – А с каких пор это тебя вообще интересует?

Странно. Неужели такая – прямо скажем, редкой красоты – девушка, как Мария де Мюссе, никогда не интересовалась собственной внешностью? Ну так значит теперь она начнёт интересоваться. Покуда я имею к ней отношение.

– С сегодняшнего дня, – сообщаю обалдевшей мамочке.

– А что случилось сегодня днём?

Сообразительная мне досталась мать. Понимает, что без серьёзной причины люди кардинально не меняются.

– Может быть, до меня наконец-то дошло, что я уже не ребёнок, – отвечаю ей в тон.

Агнесса поднимает с пола мою рубашку и впихивает мне в руки.

– Оденься. Даже окно не занавесила!

Она торопливо задёргивает штору. В комнате сразу становится темней, несмотря на горящую свечу.

– Значит, не ребёнок, – задумчиво произносит мать, пока я одеваюсь. – Интересно, откуда такие выводы...

Я понимаю, что ей не по себе от непривычного поведения дочери. Нужно успокоить человека.

– Мамуля, всё нормально, – я быстро подсакиваю к ней и чмокаю в щёку. – Ты у меня прелесть! Кстати, тоже можешь на себя полюбоваться на досуге. Я уверена: есть на что!

– Спокойной ночи, – лепечет Агнесса. Кажется, мои успокоительные слова произвели обратный эффект: я её окончательно добила.

– Какой бес вселился в ребёнка? – бормочет она, уже спускаясь по лестнице.

Ах, если бы маман знала, насколько близка она сейчас к истине.

Кстати о бесах. А где, собственно, сейчас сама Мария? То есть, её душа? Она ведь, в отличие от меня, связана с этим телом неразрывно. И если я могу приходить и уходить по своему желанию, она обязана всё время оставаться на месте. Если хочет выжить.

С момента вселения в тело у меня как-то не было времени с ней пообщаться. Возможно, она обиделась на мою бесцеремонность. Возможно, никто даже не удосужился предупредить её о моём прибытии... Впрочем, дрова не имеют права голоса. Так учат нас при поступлении

на работу в любой из отделов Воздушного Департамента. Спрашивал ли кто-нибудь из людей у полена, прежде чем бросить его в очаг: а желает ли оно сгореть?

Вот она: маленький розовый комочек, забившийся в уголок моего подсознания. В кладовку психики, «ниже ума и глубже мыслей», как говаривал Макарий Египетский. Говорят, он показывал всему нашему Департаменту средний палец на правой руке, пока парочка ангелов проносила его транзитом в свои владения. Жаль, я не видела – не в мою смену было...

Судя по всему, Мария пребывает в состоянии, близком к шоковому. И не мудрено: налетели, отобрали управление, грубо отпихнули в сторону... Пока я рулю, она по собственной воле не сможет и пальцем двинуть. Если только я не захочу ей это позволить. Ну и где она, ваша хваленая свободная человеческая воля?

– Эй, послушай! – зову я. – Мария! Послушай меня, Мария де Мюссе. Меня зовут Натаэль, и я буду жить в твоём теле ровно год. Потом уйду. Когда я уйду – делай, что хочешь. А пока я здесь, ты должна меня во всём слушаться. Так решили свыше. Ты должна мне подчиняться. Поняла?

Мария то ли не понимает меня, то ли вообще не воспринимает. По крайней мере, никакой ответной реакции с её стороны я не улавливаю. Наверно, потребуется некоторое время, чтобы она оправилась от потрясения. Вот она, сенситивная интровертированность!

Попробую наладить контакт попозже, когда она придёт в себя – насколько это вообще возможно в её положении... (Кажется, у меня получился ещё один каламбур)...».

Эпизод 2. «Проза жизни»

*«...Так думал молодой повеса
Летя в пыли на почтовых...».*

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин».

«...Живя в напряжённом рабочем ритме, невольно начинаешь мечтать о прекрасном. А что может быть прекрасней, чем заслуженный отпуск? Таким образом, отпуск становится средоточием всех самых фантастических грёз. И если он когда-то всё же случается в твоей жизни, хочется превратить его из рядового события в сказочную феерию, карнавал чувств, затяжной пароксизм фантастического наслаждения, недоступного в повседневном быту. Чтобы всем остальным чертям, оставшимся трудиться в аду, стало тошно от зависти. Чтобы впоследствии, вернувшись в колею привычного существования, было что вспоминать, с трепетом и восторгом, не одну сотню земных лет.

Естественно, все мои мысли вертелись вокруг вопроса, как наполнить свой законный отдых наиболее сладостными и волнительными впечатлениями. Развлечься, как демон, я могу и на выходных, хоть и они случаются нечасто. На сей же раз я решила оторваться по полной так, как это делают сами люди.

Насколько я в курсе, самое большое удовольствие в жизни люди получают, потворствуя своим страстям. Не стоит их в этом винить: так уж они устроены. Существуют, конечно, и чисто духовные, возвышенные удовольствия – от «постижения сути вещей», «приобщения к божественной благодати» и тому подобное. Но все они суть сугубо умозрительные концепции, призванные прикрыть человеческую слабость, несостоятельность или извращённые наклонности. К тому же, человек, владея плотным телом с рождения и до самой смерти, может позволить себе расточительность и потратить часть отпущенного ему времени на духовные изыскания, пренебрегая чувственными потребностями. Они называют это «усмирением плоти» и даже порой гордятся собственными физическими мучениями, словно терзают не себя, а злейшего врага. Но мне тело предоставили всего на год, и за этот земной год я должна выжать максимум пользы из обладания им.

Итак, вперёд, к страстям! Однако, как гласит народная мудрость, не все страсти одинаково приятны. Вот, допустим, одна лишь мысль о чревоугодии вызывает у меня стойкое отвращение. Хотя, как выяснилось, кормить тело необходимо регулярно, и качественной пищей, иначе начинаются сбои в работе. Стало быть, есть буду, но обжорство с пьянством отпадают.

Так что же тогда? Что обеспечит мне нескончаемый приток земных радостей? Что позволит наилучшим образом сплавить в единую симфонию мелодии тела и духа? Что, ранее недоступное, неизведанное, разжигающее демоническое любопытство, я смогу ныне воплотить в реальность?

Ответ напрашивается один. Любовная страсть. Чувство, воспетое человеческими поэтами всех времён и народов. Влечение, пронизывающее всю атмосферу земного существования. Инстинкт, отключающий логику. Биохимическая встряска, преображающая внешность.

Одним словом, хороший курортный роман способен скрасить любой отпуск. Я, в своём нынешнем положении, считай – на курорте. А за год, при правильном подходе к вопросу, романов можно организовать не меньше десятка.

В моих трудовых буднях случаются иногда короткие паузы, когда, предположим, клиент повисает в эмоциональном коллапсе, или на Земле вдруг прекращаются смерти. Во время таких затиший я обычно отправляюсь навестить своих приятельниц из Отдела Похоти (официально – Отдел Блуда и Прелюбодеяний, но так его именуют разве что в документах). У них

всегда есть кофе и сигареты, и можно скоротать время за приятной пустопорожней болтовнёй. Не знаю, питают ли мои девчонки такое же отвращение к пороку своих клиентов, как я – своих... Иногда, чтобы слегка развлечься, они демонстрируют мне особо пикантные фрагменты из биографий испытуемых. Кое-что в этих живых картинках просто омерзительно, и тогда мы дружно вздыхаем: фи, какие же скоты эти человеки! Такой профессиональный юмор. Но вот некоторые иные моменты смотрятся весьма мило, порой даже эстетично. Тогда девчонки берутся комментировать технику, оценивают уровень мастерства, сыплют профессиональными терминами и строят гипотезы, что можно было бы сделать ещё лучше. В общем, теоретически мы все неплохо подкованы. А всякое теоретическое знание свербит, не давая покоя, покуда не найдёт себе применения на практике.

...Таков, в общих чертах, был ход моих мыслей, окончившийся единым неопровержимым выводом: мне нужен добротный курортный роман. Изящный и необременительный, бурный и пылкий, грамотно выстроенный и высокотехнический.

Красивая женщина создана для любви. Скрывать её от мира – преступление. Мир должен получить шанс пасть к её ногам. А Мария де Мюссе более чем красива! Она заслуживает самого лучшего, самого достойного любовника. Ну, и я с ней заодно, конечно... Она красива. Я умна. Мой ум при её теле – страшная сила. Можно сказать, дьявольское сочетание. И пусть весь мир содрогнётся!

Красивая женщина, как картина гениального художника, должна предстать перед широкой аудиторией в достойном обрамлении.

Прежде всего, я произвела ревизию гардероба Марии. Результаты меня ужаснули. Одно из платьев, тёмно-зелёное, с глухим воротом под горло, словно пошитое из дешёвой портьеры, я просто скомкала и вышвырнула в окно – так оно меня взбесило. Другое, цвета морской волны, по оттенку, в принципе, гармонировало с внешностью, но своим покроем абсолютно не соответствовало духу времени. Дух времени требовал наличия глубокого прямоугольного выреза, который бы подчёркивал изящество шеи, покатошь плеч и белизну груди. Ничего подобного среди всех нарядов Марии я не нашла. Ситуация казалась безвыходной. На выручку пришла творческая искра, теплившаяся в глубинах моей многогранной натуры.

Одно из платьев, нежно-розовое, из ткани, похожей на атлас, наиболее соответствовало моим запросам и по цвету, и по фасону. Оставалось переделать лишь вырез горловины, изрядно углубив его и расширив. Не барское дело, конечно, но помощи ждать неоткуда. Я взялась за ножницы.

С утра и до самого обеда, случившегося далеко за полночь, я было чрезвычайно занята. Родители, к счастью, не интересовались, как проводит время их драгоценное чадо. Зато кухарка (она же горничная, она же экономка и вообще – единственная прислуга в доме) Марта все ноги сбила, бегая с первого этажа по лестнице, чтобы подглядеть за причудами барышни. Она поднималась раз двадцать, если не больше, приотворяла дверь в мою комнату, ахала, шумно вздыхала, топала обратно вниз... Я делала вид, что ничего не замечаю, дабы избежать ненужных вопросов.

С помощью нехитрых портновских инструментов, позаимствованных у Марты в комнате, я спроектировала свой вариант декольте. Ножницы убрали лишнее. Основная задача заключалась в том, чтобы аккуратно обработать срез. В шкатулках с рукоделием нашлись и тонкие нитки нужного оттенка, и – ура! – достаточно широкая розовая атласная лента. Очевидно, Мария обычно подвязывала ею волосы. Я же использовала, чтобы отделать вырез по периметру.

К обеду я еле успела закончить свой труд. Всё вышло идеально.

Чрезвычайно довольная собой, я птичкой спорхнула в столовую, к накрытому столу. Родители уже сидели там оба. Я впервые получила возможность разглядеть вблизи своего папашу. То есть, не своего, конечно. В общем, господина Жоржа де Мюссе.

Жорж де Мюссе производил впечатление вполне обычного, типичного человека. Его внешний облик не сулил мне ни проблем, ни подарков судьбы. Высокий худощавый мужчина, лет сорока пяти – пятидесяти. Нижняя часть лица украшена усами и короткой бородкой, зато со лба к макушке тянутся глубокие залысины, делаая и без того высокий лоб поистине величественным. В волосах проблескивает седина.

Я плюхнулась на стул напротив матери. Объёмистая посуда посреди стола, накрытая крышкой, аппетитно пахла. Наверное, там суп. Я ощутила сосание под ложечкой. Так вот он какой, человеческий голод! Не удивительно, что они так падки на еду. Какие, всё-таки, жалкие существа... Я весело потянулась к крышке и половнику, чтобы плеснуть себе порцию.

По выражению лиц родителей я поняла, что делаю что-то не то. Ах, да, наверно в аристократических семьях тарелки наполняет прислуга! Но нет: за половник взялась сама мать. В посудине действительно оказался суп. Мой рот наполнился обильной слюной. Рука ухватилась за ложку...

Скрип и стук отодвигаемых стульев. Тарелки полны, но вместо того, чтобы приняться за еду, родители встают, молитвенно складывают ладошки на груди, опускают очи долу. Их губы беззвучно шевелятся. Чего это они? Какой-то местный ритуал? На всякий случай, встаю и имитирую их действия.

Наконец, все снова расселись и перешли непосредственно к делу. Я так увлеклась потреблением тёпленького куриного супчика, что моментально вычистила тарелку. Родители, кажется, забыли хлебать собственные порции. Они пялились на меня во все глаза. Ну в чём я опять промахнулась???

– Очень вкусно, – я мило улыбнулась, самой обезоруживающей из своих улыбок. – Только мало. Можно ещё?

– Ты... хочешь есть? – выдавила мать.

– Да..., – моя улыбка превратилась в растерянную. – А что... нельзя?

– У девочки появился аппетит, – бодро констатировал отец. – Это признак улучшения здоровья. Думаю, дело в весеннем солнце.

– Да, наверное, – мать странно перекинулась. Видимо, вспомнила нашу вчерашнюю сцену. – Правильное питание способствует расцветанию красоты. Так ведь, Мари?

– Да, мамочка. Ты абсолютно права.

Добавки мне всё-таки дали. На второе воследовала тушёная курица (та самая, которую сначала сварили?), затем пироги и компот. Родители больше, чем ели, смотрели, как наворачиваю я. Под конец я сама поняла, что малость переборщила. Девичий желудок, принявший в себя пищи раза в два больше, чем обычно, растянулся до предела. Корсаж немилосердно давил, мешая дышать. Когда я поднялась на ноги, голова слегка закружилась. Неимоверно захотелось растянуться в постели...

– Спасибо, – выдохнула я вполне искренне. – Пойду вздремну.

...Да. Так я впервые по-настоящему прочувствовала, что обжорство – это грех. Причём несущий наказание в себе самом. Набитый пищей живот сделал всё тело страшно тяжёлым, неповоротливым, неуклюжим. В конечностях возникла ватная слабость. Не то, что от опасности убежать... Шнурок завязать – и то сил бы не хватило! Мысли в голове еле ворочались, как сонные рыбы в промёрзшем водоёме. Последняя мысль, промелькнувшая в моём засыпающем сознании, была как-то связана с Блудом...

Проснувшись, я некоторое время ещё нежилась в постели, не открывая глаз. Райское наслаждение... Тьфу, ни к чему приплетать терминологию конкурентов. Однако, люди, возможно, не так уж и потеряли рай, как сами думают. Они просто разучились его замечать. А он – вот он: можно пощупать, понюхать, вкусить, посмотреть. Услышать... Вкусно отобедать, как

следует выспаться. А потом валяться в постели, смежив веки, зная, что не нужно вскакивать и мчаться, что не теснятся за спиной в нетерпении сотни недоделанных дел. А впереди – ещё чёртова уйма времени!...

В деятельность пробудившегося сознания вливали тающие обрывки последних сновидений. Какие-то странные образы, вроде бы, человеческие. В одном из них я даже уловила неясные черты лица. Но при попытке сконцентрироваться на них картинка начинала расплываться и рассеиваться, аки дым. Этот образ необъяснимо приводил меня в волнение, вызывая лёгкий приятный трепет во всём теле. Сердце радостно подпрыгивало и принималось выстукивать одному ему понятное шифрованное послание. Губы сами собой складывались в улыбку.

Кто этот человек? Откуда он взялся в моих мыслях? Существует ли он на самом деле? Я понятия не имела. Пришлось предположить, что во время сна мои мыслительные импульсы каким-то образом смешались с деятельностью мозга Мари, и странный сон навеян её впечатлениями.

Когда я всё-таки набралась решимости выпихнуть себя из постели, за окном уже догорала вечерняя заря. (Из чего я мимоходом сделала вывод, что окно моей комнаты обращено на запад). Который идёт час – было неизвестно, ибо часы в комнате отсутствовали. По моим предварительным прикидкам должно быть около восьми (плюс – минус час?), с учётом того, что месяц идёт март, а я нахожусь в Западной Европе.

Я стала у окна, опершись ладонями о подоконник. Сердце в груди пело свою незамысловатую мелодию. Люблю вечер, особенно сумерки. В закатный час во мне всегда пробуждается активность. Вид романтично-розовых облачков на фоне гаснущей зари вновь навёл на размышления о цели моего пребывания на земле.

Взаимоотношения мужчины и женщины заслуживают того, чтобы изучить их получше. Причём изнутри. Ведь, в конце концов, даже в первородном человеческом грехе заложена явная сексуальная подоплёка. Хотя формально речь идёт всего лишь о разговоре со змеёй и поедании яблока. Кому, как не демону, надлежит познать грех во всех его проявлениях? Знакомство с различными гранями человеческой порочности будет полезно не только для личной жизни, но и для работы. Не говоря уж о том, что это просто очень весело и приятно.

Не секрет, что многие демоны заводят интрижки со смертными. Некоторые даже превращают это занятие в хобби. В них разгорается спортивный интерес: больше, дальше, чаще... дольше... длиннее... толще... Да что там демоны! Даже ангелы, как сказано в Ветхом Завете, «входили к дочерям человеческим», и небезуспешно. Правда, в последнее время что-то не слышно о такого рода отношениях. Наверное, научились избегать огласки.

Необходимо подыскать себе достойного возлюбленного. Пожалуй, я даже готова позволить себе самой слегка увлечься этим персонажем. Но, коль скоро я собираюсь пожертвовать частицей своей бесценной гордости ради симпатии к смертному, то и кандидат в любовники должен быть лучшим из лучших! Далеко не каждому из людишек выпадает такая честь: удостоиться внимания высшего существа.

Как же я узнаю его среди прочих? Каким он должен быть? Конечно, молод и красив, высок и статен. Брюнет? Блондин? А, какая разница! Решим на месте. Если цвет не понравится, то можно и перекрасить. Но вот что не получится перекрасить – так это особенности характера. Претендент на мою благосклонность обязан быть сугубо высоконравственным и добродетельным представителем людского рода. Ибо для демона нет большего наслаждения, чем искушить добродетель и совратить нравственность. (Да... Размечтавшись, я смачно причмокнула). Его дух должен блистать и благородством, и отвагой, а сердце – вмещать и нежность, и мужественность. В обращении со мной он будет пылким и одновременно сдержанным, робким и ненасытным, откровенным и галантным, утончённым интеллектуалом и трепетным романтиком. Он... я знаю, на кого он должен быть похож. На мифический персонаж, кумир моих девичьих грёз. На архангела Михаила, конечно.

Может быть даже ему выпадет случай меня спасти. От разбойников или уличной шпаны. Он выйдет в серебряных латах... ну ладно, в железных латах... Несгибаемый страж закона, защитник справедливости, десница правосудия. И от его меча... (копья? алебарды?) ... как черти от имени божьего... шарахнет всякая мерзкая мразь, покусившаяся на мой кошелёк... (честь? жизнь?) ... А он преклонит предо мной колени, заглянет в глаза... И, в принципе, всё будет решено меж нами без слов.

Однако, что ж я стою? Как гласит человеческая поговорка, под лежащий камень ничего не затечёт. Если я весь год просижу дома (даже если грудью на подоконнике), мой герой вовсе не узнает о моём существовании. И тогда, от безысходности, спасёт не меня, а какую-нибудь прошмандовку, на которой и пробы-то ставить негде. Чтобы найти единственного... точнее, чтобы позволить ему найти меня, нужно нести себя в социум. Туда, где бурлит жизнь. Нужно спешить!

Любой драгоценный камень нуждается в достойной оправе. А та внешность, которой располагает Мария де Мюссе (а теперь ещё и я, благодаря мудрому руководству Департамента Воздушных Мытарств), заслуживает обрамления поистине королевского. Будем лепить оправу из того, что есть.

Первым делом я надела самую роскошную из всех имеющихся нижних рубашек. Кружевная отделка её горловины, с золотой нитью, была призвана пикантно выглядывать из декольте. То самое розовое платье, над которым я изрядно потрудились сегодня с утра, идеально обхватило мою грациозную фигуру. На ноги – белые чулки. Мягкие кожаные туфельки, в тон платью. Волосы укладываю в высокую элегантную причёску, скреплённую полудюжиной невидимых шпилек. Остаётся несколько завершающих штрихов.

Я пошарилась на столике под зеркалом в поисках косметики. Ничего путного не нашла. Ну, ладно, при такой внешности можно вообще не краситься. А вот какие-нибудь украшения приложить весьма желательно.

Количество драгоценностей, имеющихся в наличии, меня неприятно удивило. Их было мало. Всего-то: нитка жемчуга, пара простеньких золотых цепочек, серёжки золотые и серёжки серебряные. И ещё тонкое золотое колечко, которое, как оказалось, уже надето на левой руке. В итоге, я добавила к кольцу золотые серьги (судя по рисунку, они составляли единый комплект) и жемчуг.

Маловат выбор. Надо будет поставить перед родителями вопрос о его расширении.

Готовая к новым свершениям, я энергичным шагом спустилась по лестнице в гостиную.

На первом этаже было уже совсем темно. Было бы, если бы не свечи. Три свечи в подсвечнике на столе. Рядом с ними на диване сидела Агнесса де Мюссе с каким-то рукоделием.

– Мари? – она вскинула голову на звук моих шагов (и дёрнул же меня чёрт так топтать!). – Ты спала?

– Да, мама, – я постаралась, чтобы голос мой звучал жизнерадостно, а улыбка выглядела искренней.

– Долго, – констатировала мать. – Наверно, всё это к лучшему... – (Она говорила так, будто пыталась убедить саму себя). – Как ты себя чувствуешь?

– Замечательно. Давно так хорошо себя не чувствовала, – я опять сказала чистую правду. Люди склонны считать, что бесы постоянно врут. Клевета! В этом зачастую совсем нет необходимости. Мы только отделяемся общими фразами, а люди сами слышат в них абсолютно всё, что хотят услышать.

– А живот больше не болит?

– Ничуть. Я чувствую себя здоровой, как... – я запнулась, подыскивая сравнение. – Ну, в общем, абсолютно здоровой. Как бык. Или как слон. Или как лошадь.

– Мари! – Агнесса изумлённо распахнула глаза. – Где ты набралась этих выражений?

– Извини, мама. Мне просто очень хорошо. И я хотела как-то образно выразиться.

– Так выражается солдатня в казармах. Или портовые грузчики. Но уж никак не благородные девицы!

– Да, ты, разумеется, права.

Мне хотелось побыстрее завершить разговор и выйти, наконец, в город. Но у меня появились дурные предчувствия в отношении «побыстрее».

Взгляд матери упал на моё прекрасное декольте. Она вскочила с дивана и подбежала ко мне. Её глаза вперились в открытый участок груди.

– Что это? – выпалила она.

Я помедлила с ответом, пытаюсь выбрать дальнейшую тактику. Больше всего хотелось вежливо отстранить её, чтобы освободить себе дорогу к двери.

– Мама, это такое платье, – терпеливо объяснила я.

– Я вижу, что платье. Откуда ты его взяла? У тебя же не было такого?

– Я переделала старое. Посмотри внимательнее. Просто чуть-чуть перекроила вырез. Сейчас такое носят. А всё, что висит в моём шкафу, это просто хлам. Не понимаю, как я носила их раньше...

– Безобразие, – поморщилась мать. – Ты вся из него торчишь, как будто голая. Ты в нём похожа на девицу лёгкого поведения.

Она явно преувеличивала. В действительности мой наряд скрывал всё, чему положено быть скрытым (согласно нормам приличий человеческого сообщества, в котором я имела удовольствие находиться). Вырез платья заканчивался аккуратно там, где холмики молочных желёз начинали выступать над грудной клеткой. Из-под кружева рубашки едва виднелось лишь самое начало ложбинки между грудями. И как раз в эту самую ложбинку изящно помещался маленький золотой крестик на цепочке. По-моему, оптимальное сочетание благопристойности и эстетики.

– Мама, я просто выгляжу непривычно для тебя, – попыталась объяснить я. – И это тебя пугает. Такие платья, как на мне, носят все прогрессивные женщины нашего мира.

Агнесса, совершенно ошарашенная, на время онемела. Она попыталась заглянуть мне в глаза. Я сделала вид, что чрезвычайно заинтересована носком своей туфли. Меня раздражало это встревоженное суетящееся существо, создающее помехи на моём пути к цели. Отнимающее моё время. И в то же время, я была вынуждена соблюдать правила игры.

– Со вчерашнего вечера тебя как подменили, – сдавленно выговорила мать. – Ты на себя не похожа. Что-то произошло?

– Я просто выросла. Как-то так.

– Уж слишком быстро это произошло, – глубокомысленно изрекла Агнесса. – Слишком резко. Должна быть какая-то причина. Ты что... влюбилась? У тебя есть... кхм... поклонник?

– Никого у меня, мама, нет. Только вы у меня с папой, и всё. И ни в кого я не влюблялась. Я всего лишь хочу жить, как нормальный человек – полной и насыщенной жизнью. А то годы-то уходят. Сама знаешь... Пора вырваться из мира фантазий навстречу действительности! Ты меня понимаешь?

– Нет! – решительно отвечала мать.

Вот упрямая мне родительница попалась.

– Хорошо, мама, – я сделала долгий выдох, чтобы успокоить нервы. – Давай так. Я пойду погуляю, приведу в порядок свои мысли, а потом мы продолжим разговор.

– Что??? Куда это ты собралась на ночь глядя?

– Какая ночь? Время восемь часов! Даже детям ещё спать рано.

– Уже совсем темно!

– Я возьму фонарь, – попробовала я отшутиться.

– Ты никуда не пойдёшь! – выпалила мать категорично.

Так. Спокойствие, главное – спокойствие! Начальство недаром оценило меня как эффективного сотрудника. А эффективность заключается отнюдь не в разжигании скандалов, если только скандалы не являются конечным продуктом твоей трудовой деятельности. Эффективность – это достижение цели с минимумом затрат времени и сил.

Попробую воззвать к здравому смыслу. Ведь должна же у этой женщины иметься хоть капля здравого смысла!

– Мам, послушай меня внимательно, – я старалась говорить медленно и отчётливо. – Сегодня всю первую половину дня я занималась кройкой и шитьём: переделывала это платье. На сегодня ручной работы с меня достаточно, она мне уже надоела. После обеда почти полдня я спала. И основательно выспалась. Я не могу снова лечь спать, всё равно не получится. Читать я тоже не хочу: перечитала уже всё, что можно. И что мне остаётся? Я всего лишь собираюсь слегка прогуляться – дать работу мышцам, прокачать застоявшуюся кровь, подышать кислородом. Разве это плохо?

Опять я, похоже, сказала что-то не то. Судя по выражению её лица, мадам де Мюссе испытала острый когнитивный диссонанс. Ах, да, я же совсем забыла, что эпистемологический срез их пространственно-временной формации существенно отличается от нашего. Иными словами, их наука оперирует иным набором понятий. Так, например, они, кажется, до сих пор считают, что побуждения и желания человека зарождаются в его сердце, а не в мозгах. А сумасшествие, например, по мнению их докторов, происходит из-за нарушения баланса желчи и флегмы в организме. Или по причине одержимости дьяволом. Какой анахронизм! В этом контексте мои высказывания про кислород могут показаться неадекватными.

– Мари, ты говоришь странные вещи, – произнесла мать, волнуясь. – Наверное, ты действительно слишком много читаешь. Но я всё равно тебя сейчас никуда не пущу. Особенно в таком состоянии. Если хочешь больше гулять – гуляй днём. Я составлю тебе компанию. Пойдём в парк, ты ведь так любишь там бывать...

Приятная перспектива. Всю жизнь мечтала о такой компании.

– Хорошо, мамочка, – выговорила я как можно более беззаботно. – Тогда я поднимусь к себе. А завтра мы что-нибудь придумаем. Ты не возражаешь?

– Как хочешь, – растерянно пожала плечами Агнесса».

Эпизод 3. «Гнездо порока»

«... Жизнь среди людей оказалась отнюдь не такой безоблачной, какой представлялась мне поначалу.

Оставшись одна в своей комнате, я дала волю чувствам. Проклятье! Теперь эта парочка – родители Марии – отравит мне весь отдых на ближайший год. Отправляясь в отпуск, я как-то не предусмотрела, что столкнусь с проблемами из-за социальных обязательств, которыми мой телесный донор связан со своими сородичами. (Хотя кое-какие подсказки интуиции всё же были: ведь отказалась я от китайца с пятью детьми!).

Больше всего мне хотелось послать супругов де Мюссе к чёрту. Они даже не понимают, с кем имеют дело! Как они смеют препятствовать мне в достижении моих целей?! А может, пугнуть их как следует? Чтоб протряслись до самых поджилок?

Где-то на периферии моего сознания что-то слабо шевельнулось. Что ещё за паразит завёлся? Неужто совесть? Ах да, ведь это же душа Марии! Задёргалась что-то... Родителей ей, что ли, жалко стало? Да чего таких жалеть! Таких строить надо и муштровать. Вырастили, понимаешь, не женщину, а улитку виноградную...

– Твоими предками я ещё займусь, – сурово пообещала я ей. – А пока у нас с тобой другие задачи.

Я подошла к окну. Теперь уже на самом деле наступила настоящая ночь. Редкие фонари выхватывали из мрака ограниченные куски пространства. Чёрные силуэты крыш и верхушки деревьев сплетались в причудливые контуры на фоне подсвеченного лиловым небосвода. Россыпь разномастных звёзд, пронизывающих небесную сферу, вскружила мне голову не хуже, чем пение сирен – древнегреческим морякам.

Я взгромоздилась обоими коленями на подоконник. Осторожно встала, упершись ладонями в края оконного проёма. Пошире распахнула створки. Нежный ветерок с улицы шевелил складки моего платья, кружево рубашки, отдельные прядки волос, выбившиеся из причёски на висках. Я физически ощущала, как лёгкие короткие струйки воздуха проскальзывали по моему лицу, шее, кистям рук. Они завлекали, заигрывали, звали с собой – окунуться в поток ночного ветра.

«Извините, ребята, не сейчас», – мысленно отказала я им.

Гораздо актуальнее был для меня вопрос, выдержит ли мешок из костей и мяса, которым я временно распоряжаюсь, прыжок на мягкую почву с пятиметровой высоты. С одной стороны, расстояние небольшое, а посадка предполагается на область ухоженного газончика. С другой – ни одной нормальной физической тренировки за все семнадцать лет жизни тела. Когда она бегала в последний раз? В двенадцать лет, от собаки? Что, приличной девушке пристало быть изнеженной и слабой? Так принято в высшем обществе?... Хм, где она этого научилась...

Всё ясно, с мадемуазель де Мюссе тоже придётся провести воспитательную работу. Если мы с ней сейчас выживем, конечно.

... Как странно: ворочать этот громоздкий ком плоти и знать, что на данном этапе я и он – одно и то же. Он – в чём-то и есть я. И если сломается он, я испытаю весьма существенный дискомфорт, пока не покину его вовсе...

Нужно быть осторожной. И собранной. С минуту я красуюсь в оконном проёме, изображая собственный портрет в полный рост. А затем перехожу к активным действиям. Пытаюсь сгруппироваться. Конечности полусогнуты, подбородок прижат к груди. С силой отталкиваюсь от опоры и взрываюсь в воздух.

Земля стремительно кидается мне навстречу. Ах, если б люди могли летать! Инстинктивно раскидываю руки наподобие крыльев, как будто они способны удержать меня в воздухе. Отчаянно жажду замедлить падение. Что это? Земля, словно послушавшись приказа, резко

сбавляет скорость сближения со мной. Вместо ожидаемого жёсткого удара ступни мягко встают на почву. Ни одной лишней пылинки на юбке. Ни один лишний локон не отделился от причёски. С запозданием пытаюсь осмыслить, что же только что произошло. Кажется, я сейчас волевым усилием сумела как-то повлиять на закон всемирного тяготения. Выходит, не такое уж оно и всемирное...

Попробую ещё раз: сжав кулаки, стиснув зубы, отчаянно желаю оторваться от твёрдой поверхности. Ну хоть на сантиметр приподняться над ней! Но огромное массивное небесное тело – планетка под ногами – вцепилась своей силой тяжести, как клещами. Видать, обиделась, что я минуту назад сумела её так ловко провести.

Ничего, я сдаваться не собираюсь. Ещё потренируюсь попозже.

Итак, мой первый выход в свет. Точнее, в тьму. Забавный каламбур... Пожалуй, понятие «свет» вообще мало применимо ко всем аспектам существования человеческого сообщества. Лишь тьма способна скрасить и облагородить убожество мест их обитания.

Я ступила на нечто, что днём выглядело как кривая тропа, зачем-то вымощенная угловатыми булыжниками. У них это называется: улица. Днём сия неровная поверхность по обеим сторонам ограничена сточными канавами, полными вонючих помоев. Над канавами громоздятся, налезая друг на дружку, разномастные строения: иные – поновее, другие – старые, рас-трескавшиеся, перекосившиеся, как и вся картина мира их обитателей. Хаос! Калейдоскоп. Сборище разрозненных осколков бытия.

Ночь – лишь она одна! – радикально меняет взаимоотношения частей, превращая их в гармоничное целое. Её вуали и флёры сливают все рукотворные рельефы в единый фантазмагорический ландшафт. Детали, на которые при свете дня неприятно обращать внимание, в темноте ночи просто исчезают из виду. Колыхание теней. Наложение друг на друга ступков тьмы различной интенсивности. Ночь стирает грани между сиюминутным и бесконечным, между пошлым и изысканным, старым и новым, роскошным и убогим. Ночью в ходу совсем иные приоритеты и эпитеты. Ночью легче проникнуть в суть любой вещи, которая днём может надёжно скрываться за толстой скорлупой оценок, ярлыков, классификаций и дефиниций.

Я двигалась между двумя рядами человеческих жилищ. Окна некоторых таинственно сияли огоньками свечей. За каждым мерцающим прямоугольником угадывалась отдельная вселенная, со своими законами и страстями. Я точно знала, что волшебное очарование рассеется, стоит лишь оказаться по ту сторону стекла. Вселенная превратится в каморку, таинство взаимодействия – в вечернюю скуку обывателей, а прелестные порхающие тени окажутся более или менее корявыми неуклюжими телами, скованными собственным весом. Нет, уж лучше оставаться снаружи и приобщаться к чуду...

Ступни моих ног перепархивали с камня на камень. Всё тело испытывало необычайную лёгкость – совсем неожиданную для такого плотного физического образования. Я чувствовала холод, но была слишком поглощена свежими впечатлениями, чтобы обращать на него внимание. Я ощущала движение каждой мышцы под кожей. И в каждой мышце таилась сжатая пружина, готовая по приказу мозга распрямиться для выполнения какого-нибудь дивного по красоте и точности движения.

Повинуясь безмолвному зову мышц, я ускорила шаг, а потом и вовсе пустилась в бег. Тело пело, радуясь возможности высказаться на единственном доступном ему языке – языке движения. Я неслась, как несётся сайгак через бескрайнюю степь, подгоняемый ветром. Я мчалась, как зебра мчится по весенней саванне, исполненная силы и грации.

Мимоходом я подумала, что, возможно, человеческое тело представляет собой, в каком-то роде, самостоятельное существо. То есть, самостоятельное не только по отношению ко мне – я-то, понятно, здесь временщик, незванный гость, транзитный пассажир. Но оно отчасти отдельно и самостоятельно и по отношению к человеческой душе, обитающей в нём с рожде-

ния до смерти и привыкающей отождествлять себя с ним. Ведь есть же у него, например, своя собственная вегетативная нервная система, управляющая органами, даже когда душа полностью отключена от мозга...

А вот сейчас моя воля гонит его, как всадник гонит хорошо вышколенную лошадь, и мозг при этом служит и вожжами, и седлом, и стременами. И хоть всадник считает само собой разумеющимся, что он правит лошадью, а в какие-то моменты, забывшись, может даже воспринимать лошадь как продолжение самого себя... А лошадь, получив соответствующее воспитание, полностью переподчиняет свою волю всаднику... Но – лошадь есть лошадь, отдельное автономное животное, со своими собственными устремлениями и поведенческими особенностями.

Из тёмных лабиринтов полусонных улочек я выскочила в несколько иное место. Здесь пришлось затормозить, чтобы оглядеться, а заодно отдышаться. Организм, не привыкший к длительным физическим нагрузкам, явно испытывал перебои с кислородом. Во рту пересохло, грудная клетка ходила ходуном.

Там, где я оказалась, было больше света: фонари и освещённые окна попадались гораздо чаще. То и дело мимо проходили люди, мужчины и женщины, в основном молодые или среднего возраста. Звучали отрывки разговоров, смех. Это место явно предназначалось для поздних увеселений.

Я попыталась сориентироваться в обстановке. На миг отрешившись от физических органов чувств, я окинула окружающее пространство своим собственным, если так можно выразиться, взором. Фигурки людей расцветились тлеющими в них угольями страстей и страстишек. Кто-то еле теплился, предаваясь занятиям, кои принято считать в его кругу развлечением, с холодностью бездушного механизма. Иной же полыхал весьма изрядно, искренне увлечённый каким-либо процессом, связанным с получением удовольствия. От этих очагов горения приятные струйки тепла потянулись к моей озябшей коже.

– Эй, красавица! Не меня ждёшь?

Я вздрогнула, поскольку, наблюдая, совершенно позабыла, что сама тоже могу стать объектом наблюдения, ибо видна окружающим. Здоровенный усатый детина благодушно ухмылялся, ощупывая взглядом мою фигуру. Его вид вызвал у меня противоречивые чувства. Грубые черты лица, маленькие глазки, покрасневшая обветренная кожа... Но: широкие плечи, крепкий торс, сильные руки. С минуту я поколебалась, взвешивая про и contra. Солдат в увольнении? Моряк, вернувшийся из рейса? Не знаю, но всё равно что-то не то... Не мой типаж.

– Не тебя, красавец. Не тебя.

Ослепительно улыбувшись на прощание, я пересекла улицу и нырнула в дверь, из-за которой тянулись особенно притягательные флюиды порока.

...Нет, это был не бордель. Похоть проявляет себя иначе. Господствовавшая здесь греховная страсть настолько же отличалась в моём восприятии от грубой похоти, насколько тонкий аромат изысканных духов отличается от сладкой вони дешёвого парфюма. И имя этой страсти: азарт.

...Испокон веков, с самых начал существования Воздушного Департамента, меж его отделами шёл неутихающий спор: к какой страсти отнести увлечение азартными играми? Вопрос имел сугубо практическое значение: каковая страсть окажется основополагающей, тот отдел и будет заниматься. Но игровой азарт не желал вписываться в жёсткие рамки. Он вмещал в себя и нотки наркотического пристрастия, и привкус любовного вожделения, и вечно натянутый нерв гордыни, и гнев, и алчность, и зависть... Само собой, для уныния тоже оставалось немало места – в случае проигрыша. В общем, радуга какая-то, а не порок. В итоге игроков пинали из отдела в отдел. Периодически выходили директивы, предписывающие зани-

маться ими вплотную то одному подразделению, то другому. Одно время их всех прикрепили к нашему Обжорству и Пьянству, на том основании, что все наркоманы давно уже идут к нам, а тяга к азартным играм аналогична тяге к наркотикам. Потом резко передали их Отделу похоти, от чего похотники возроптали и сочинили руководству коллективную петицию о том, что большинство игроков вообще равнодушны к сексу, потому что у них всё либидо сублимируется. Пока руководство петицию рассматривало, возник неприятный прецедент: один из клиентов-игроков предложил курирующему его сотруднику кинуть кости, разделал его подчистую и выиграл себе полное освобождение от взываемых нашим Департаментом пошлин. После чего беспрепятственно удалился вместе со своими торжествующими Проводниками.

Сотрудника, естественно, уволили, хотя причину увольнения афишировать не стали. А на очередном собрании официально заявили, что заниматься игроками обязаны все отделы в равной мере, выявляя соответствующие специфике каждого отдела составляющие игрового влечения.

Все – значит, никто конкретно. В итоге, каждый вновь попадающий в наше ведомство игрок либо застревал в лапах какого-нибудь одного фанатичного трудоголика из дежурной смены; либо последовательно получал от всех отделов подряд, если смена подбиралась работающая; либо... Просачивался через каждый этап, нигде особо не задерживаясь, когда и без него хватало забот – например, в периоды крупных войн или стихийных бедствий.

Таким образом, Фортуна, сопутствовавшая им при жизни, умудрялась внести свою лепту и в их посмертное странствие.

Неудивительно, что в ходе всех перипетий и мне довелось поближе познакомиться с этой разновидностью человеческого греха. В отличие от чревоугодия, он не вызвал у меня отвращения. Скорее, наоборот: пробудил любопытство.

Трактир, в котором я оказалась, был заполнен посетителями приблизительно на треть. Я медленно прошла меж пьяными... и пока ещё относительно трезвыми... меж столами и скамьями, изучая собравшуюся публику. Ни шумливые студенты, беспечно пропивающие последние гроши, ни степенные труженики, вышедшие поразвлечься после дневных забот, не вызвали во мне желания к ним присоединиться. Гораздо более интересной представлялась третья разновидность посетителей трактира. Их всех отличало какое-то особое выражение лиц. Особые позы и жесты. Иные, чем у прочих, интонации. Они явно тоже не были чужды физического труда. Но труд этот... как бы выразиться поделикатнее?... имел отнюдь не созидательный характер.

Конечно, квасить чужие носы или крушить рёбра – тоже труд, причём немалый. А аккуратно направить ножик в промежутки между рёбер, к мягкому беззащитному сердечку? А нежно почистить карманы, не обеспокоив клиента ни единым прикосновением? Мастерство. Искусство!

И вот как раз среди мастеров этого особого, нелегитимного цеха происходило нечто, привлёкшее моё пристальное внимание.

...Компания криминального вида играла в кости. И они не просто валяли дурака, убивая время. Все выглядели сосредоточенными, даже немного торжественными, будто выполняли важное правительственное задание. Мне тоже захотелось принять участие в игре. В настоящей большой игре с серьёзными ставками и непредсказуемым финалом. Неодолимое желание подтолкнуло меня к их столу прежде, чем я успела обдумать, а зачем мне вообще это нужно.

– Кхм... Добрый вечер, господа. Позвольте присоединиться?

Тот, что сидел ближе всех ко мне, поднял голову и прошёлся оценивающим взглядом. Серьёзный мужчина: лет под пятьдесят, квадратная челюсть, перебитый нос. Глубоко посаженные глаза смотрят умно, пронизательно. Шевелюра – короткая, жёсткая, как щетина – имеет сивый цвет, из-за того, что чёрные волосы перемешались с седыми.

Видимо, я прошла фейс-контроль. Дядя слегка подвинулся.

– Садись, детка. Только не мешай. Если нечего сказать, лучше вообще молчи.

Так я и сидела с ними: молча. Слова не требовались. Физическое тело существенно при-
тупило мою чувствительность, но даже сквозь толстый слой грубой материи я ощущала восхи-
тельный пьянящий аромат накаляющихся эмоций.

Внимание всех собравшихся было сосредоточено на трёх маленьких светло-жёлтых куби-
ках с чёрными кружочками на гранях. Игральные кости. Вырезаны из какого-то камня –
кажется, оникса. Очень правильный выбор материала. Все минералы... они не совсем без-
душны. У них совершенно иные взаимоотношения с миром, чем у нас. Но, если очень поста-
раться, с ними можно договориться.

Ставки всё ещё оставались небольшими. Похоже, компания занималась игрой не с целью
обогащения, а просто из любви к искусству.

Их было четверо. Мой сосед по скамье оказался самым старшим – и по возрасту,
и по положению. Напротив расположились двое: долговязый прыщавый юноша и толстый
обрюзгший мужичок средних лет. У торца стола, слева, сидел смуглый черноусый франт, пожи-
ратель женских сердец. Когда он отвесил мне дежурную улыбку, у меня сложилось впечатле-
ние, что флирт с дамами для него больше похож на каждодневную рутинную работу, а сейчас
он – на отдыхе.

– Можно, я тоже сделаю ставку? – звонко выпалила я.

– А мамка с папкой не заругаются? – скептически усмехнулся старший.

– Нету у меня мамки с папкой, – сообщила я. (Абсолютно честно. Ибо какие у демона
могут быть мамка с папкой?).

– А-а, сирота, – понимающе кивнул квадратный дядя. – Ну, валяй, дерзай, дочерь.

Я вытряхнула из кошелька мелочь. Сумма вышла жалкая, меньше того, что ставили
на кон остальные.

– У меня не хватает, – жалобно протянула я.

– Ничего, сойдёт, – подбодрил дядя. – Для начала.

...Естественно, я проиграла. И постаралась состроить самую огорченную мину из всех
возможных.

– Отыграться хочешь? – понимающе ухмыльнулся прыщавый юноша.

– Хочу. Но у меня больше ничего нет!

– Так и вали отсюда, – пробурчал толстый. – Если ничего нет, то нечего и соваться.

– А кое-что есть, – многозначительно протянул мой сосед по скамье. Его хрипловатый
низкий голос звучал спокойно и властно. Его глаза скозились в моё декольте. Мощная, как
лопата, кисть потянулась к моей хрупкой шейке. Жёсткий палец с узлами суставов... поддел
нитку жемчуга у меня груди. – Пожалуй, эта вещица потянет на ставку, а?

Ни у кого возражений не нашлось. Жемчуг лёг на стол рядом с кучкой монет.

...Нет, это был явно не мой день. Весь выигрыш ушёл к черноусому. Толстяк тоскливо
вздохнул.

– Ну, что? – обратился ко мне квадратный. – Говорят, бог троицу любит. Вон, Музыкант
знает. – (Он кивнул в сторону долговязого юнца). – Или пасуешь? Не по зубам задачка?

– Я продолжаю, – сообщила я дрожащим голосом. Нужно было продемонстрировать им
самое искреннее смятение. В конце концов, кто я есть в этом мире? Семнадцатилетняя дев-
чонка...

– Кольцо или серьги? – деловито осведомился юнец.

– Ставлю ночь любви со мной, – торжественно изрекла я.

За столом возникло оживление, раздалось нестройным хором:

– О!... Ба!... Ого!...

– Эй, если хочешь потрахаться – так и скажи, – засуетился Музыкант. – Не обязательно же проигрывать такое дело, можно так договориться...

Он явно не рассчитывал выиграть.

– Тихо, не смущайте девушку, – квадратный вскинул руки, призывая народ угомониться. – Это её право. Ты не отказываешься от своих слов?

– Нет. Подтверждаю свою ставку.

– Поехали, – скомандовал мой сосед.

...Когда бледно-жёлтые кости легли в мои сжатые ладони, время изменило свой ход. Все окружающие замерли, как будто враз замороженные каким-то жутким заклинанием. Воздух обрёл густоту и вязкость. Каменные кубики, со скруглёнными от трения о человеческие руки гранями, были тёплыми. Нагрелись от множества прикосновений за сегодняшний вечер? Или это их собственное тепло? Они тыкались в ладони стёртыми уголками, как тычутся носом доверчивые котята. Они тихонько вибрировали, словно мурчали мне признание в своей симпатии. «Давай, – мурчали они, – скажи, чего хочешь, а уж мы постараемся»...

...Я опять проиграла. Победил квадратный. Он забрал деньги и право распоряжаться мной.

– Ну, что ж, – проговорил он. – На сегодня, пожалуй, прервёмся. Идём, детка, расплачиваться по счетам.

Пока мы поднимались на второй этаж, где имелись комнаты для почасовой аренды, нас провожали три пары глаз. Одна из них горела завистью, другая – откровенно скучала, а третья, под сильно набрякшими нездоровыми веками, сощурилась в сальной ухмылке.

В мозгу прокатилась волна паники. Чужой паники – не моей. «Не бойсь, – как могла, успокоила я девицу де Мюссе. – Всё путём».

Мы остались вдвоём в комнате, где из мебели имелись только кровать и стул. Мужчина присел на край кровати. Я стояла напротив. Это позволяло смотреть на него свысока. Около минуты мы молчали, не предпринимая никаких действий. Мужчина заговорил первым.

– Послушай... сирота. Ты ведь села играть не для того, чтобы найти себе приятеля на ночь?

Вопрос показался мне риторическим. Поэтому я не стала отвечать.

– Предлагаю сделку, – продолжил человек. – Видишь ли... У тебя слишком хорошенькое личико, чтобы игнорировать его, используя другие части тела. Другие части тела тоже ничего, конечно... Но личико может дать максимальную отдачу. Если ты понимаешь, о чём я...

Я неопределенно пожала плечами. А про себя отметила, что дядя вовсе не так прост, как можно было бы ожидать от посетителя дешёвого кабака.

– В общем, мне нужна от тебя не ночь, а день. И не целый день, а так, полдня. Да, пожалуй, за полдня управимся...

– Интересный вариант, – подала я голос.

– Сядь, – он кивнул на стул. – Не торчи надо мной, как укор совести.

Я послушно села. Разговор перешёл в деловое русло, кидать понты было уже ни к чему.

– В общем, ты поработаешь у меня лицом. И немножко головой. Уверен, у тебя получится. Я даже заплачу тебе деньги, это будет справедливо.

– Что нужно делать?

– Пройтись по ювелирным лавкам. Приятное для женщины занятие, правда?

– Поконкретнее, пожалуйста.

– Вот тебе поконкретнее. Нужно обойти три лавки. В компании с нашим человеком. Ты будешь богато одета и разряжена, как рождественская ёлка. Твоя задача: привлечь к себе всеобщее внимание – и ювелира, и подмастерьев, и слуг, если таковые объявятся. Пока вы с нашим человеком будете в лавке, все должны видеть и слышать только тебя. Ты будешь примерять бирюльки, задавать вопросы, нежно щебетать, кокетничать... Вилять задницей, трясти сись-

ками, если понадобится... Пока наш человек не скажет, что пора идти. Тогда ты с ним уйдёшь. И так – три раза, у трёх ювелиров. Задача ясна?

– В принципе, да. Чем я рискую?

– Ничем. Вы не сделаете абсолютно ничего противозаконного.

– Сколько я за это получу?

...Мы немного поторговались, прежде чем пришли к консенсусу. Договорились, что я сейчас же получаю четверть суммы авансом, а всё остальное – после выполнения задания. Встретиться предстояло завтра, в обеденное время, за тем же самым столиком, где происходила игра.

Мы уже двинулись к выходу из комнаты, когда старый бандит вдруг резко остановился и заглянул мне в лицо.

– А ведь ты могла выиграть, – тихо произнёс он проникновенным тоном. – У меня есть чутьё. Я ждал, что ты выиграешь.

Я позволила себе загадочную улыбку.

– А кто сказал, что я проиграла?

Собеседник тоже усмехнулся.

– Хм. А ты не так проста, сирота. Кстати, имя у тебя есть?

– Зовите меня Нат...

– Нат???

– Натали. А к Вам как прикажете обращаться?

– Называй меня папаша Луи, не ошибешься...

Когда мы вернулись к оставшейся внизу компании, на их лицах отразилось искреннее удивление.

– Что-то вы быстро, – прокомментировал толстяк.

– Да, ночь-то ещё не прошла, – поддакнул юноша.

– На сегодня хватит, – неопределённо бросил папаша Луи. – Топайте по хатам, дети мои. Завтра всем работать.

...Итак, прожив чуть больше суток в человеческом сообществе, я уже успела довольно успешно в него интегрироваться. Первое приключение. Первое серьёзное дело. Первый заработок.

А вот любви хорошей – как не было, так и нет.

...Незаметно вернуться ночью в дом оказалось гораздо сложнее, чем его покинуть. Честно говоря, уходя я вовсе не подумала, как буду возвращаться. В итоге пришлось с четверть часа кружить возле запертого со всех сторон строения. Моё окно на втором этаже держало свои створки призывно распахнутыми, но добраться до него не представлялось никакой возможности.

Нет, конечно, я-то, сама по себе, без труда просочусь через любую стену. Но как протиснуться сквозь запертую дверь сорок восемь килограммов живой плоти???

Однако, человеческая мудрость гласит, что дуракам везёт. И, коль скоро я повела себя как последняя дура, фортуна не замедлила мне улыбнуться. Внезапно, когда я оказалась возле двери чёрного хода, она распахнулась. Полусонная Марта вышла, чтобы выплеснуть в кусты содержимое какой-то посуды. Кажется, это был ночной горшок. Не знаю, почему ей пришло в голову опорожнить его среди ночи, но я незамедлительно воспользовалась ситуацией, пока Марта копошилась во дворе.

Таким образом, моя ночная отлучка осталась никем не замеченной.

С утра, за завтраком, я была как никогда рассеянна. Не давали покоя мысли о предстоящем участии в криминальном мероприятии. Насчёт целей этой акции у меня особых вопросов не было: разведка боем. В самое ближайшее время все три лавочки будут обнесены – и обнесены профессионально, чисто, так сказать, ювелирно. (Каламбур! Надо начать записывать...). Я отвлекаю внимание, в то время как бандит, изображающий моего кавалера, тщательно изучает и запоминает все детали.

Гораздо больше меня волновало, с кем, собственно, из четвёрки сообщников мне предстоит работать? Наверняка с черноусым щёголем... И только ли в рабочем порядке он станет изображать из себя моего поклонника? А что: обаятельный грабитель-эстет, поэт и романтик в душе... Эдакий джентльмен удачи... Чем не пара для демоницы – авантюристки?

Хотела бы я сейчас получить подсказку от своего чутья. Но чутьё упрямо молчало, одурманенное грубой человеческой пищей.

Я вяло ковырялась ложкой в тарелке с кашей. Семейное серебро. Можно попытаться продать, когда сильно понадобятся деньги. Хотя много за него не дадут... Это только в человеческих сказках демоны могут делать деньги из воздуха. А в жизни всё гораздо сложнее...

До слуха донёсся голос отца:

– ...основы закладываются в юности. Если с молодости не позаботиться о здоровье, то в старости никакие порошки и микстуры уже не помогут. Ещё Гиппократ писал, что залог здоровья – в соблюдении чёткого режима дня. Поэтому ваши идеи насчёт регулярных прогулок не только весьма удачны, но даже научны...

– Пап, а как у нас с деньгами?

Мой вопрос, кажется, застал его врасплох. Мэтр де Мюссе резко смолк и растерянно заморгал.

– С деньгами? А что с деньгами? Почему ты спрашиваешь?

– Ну, видишь ли... Мне нужны деньги.

– Тебе? Деньги? Что ещё за новость?

– Да, знаешь, есть кое-какие потребности.

– Мари! – вмешалась мать, пока отец ловил ртом воздух. – Мы всегда обеспечиваем тебя всем необходимым, ты же знаешь. Но сейчас не лучшее время...

– Похоже, денег нет, – удручённо пробормотала я.

– А что именно тебе нужно? – наконец выговорил, прокашлявшись, Жорж де Мюссе.

– Для начала, кольцо с бриллиантами. Потом, я собираюсь радикально поменять гардероб.

Ну и, возможно, съездить к морю.

– Кольцо с бриллиантами? Поменять гардероб? – мать возмущённо всплеснула руками. – Да мы только на тебя и тратим всё, что удаётся скопить! Когда тебе пошили последнее платье? Три месяца назад, к Рождеству! А я, между прочим, уже год хожу в одном и том же...

Агнесса скорбно поджала губы.

– Ты в последние дни очень часто упоминаешь, что стала взрослой, – заговорила она после паузы. – Значит, самое время заняться решением взрослых вопросов. Подумать о замужестве. И, кстати говоря, копить на приданое. Коль скоро ты начала интересоваться деньгами, то должна понимать, что удачное замужество – твой единственный шанс обеспечить себе безбедную жизнь. Я знаю, тебе неприятна эта тема. Видит Бог, мы с отцом всегда принимаем в расчёт твои пожелания. Но правду ты обязана знать. Сейчас ты молода и красива, и должна этим воспользоваться, чтобы выбрать себе наилучшего супруга. Мы с отцом сделаем всё, от нас зависящее, чтобы организовать тебе удачный брак. Ближайшие два года будут решающими, потом возможных женихов начнёт отпугивать твой возраст. Мари, нужно на время забыть про грёзы и обратиться к здравому смыслу. Брак определит всё твоё будущее благополучие.

– Мари! – отец тяжело вздохнул. – Ты должна послушать маму. Мы с ней много говорили об этом. Её слова звучат немного... э-э-э... жёстко, но увы, такова суровая действитель-

ность. Если ты уже испытываешь к кому-то... симпатию... мы готовы понять и помочь. Если он небогат, то пусть хотя бы зарекомендует себя как надёжный и порядочный человек. А мы постараемся помочь вам обзавестись собственным хозяйством. Я убеждён, что к осени наши дела пойдут лучше, и мы отложим на твою свадьбу приличную сумму.

– А если ты действительно пока ещё ни в кого не влюблена, как говорила мне накануне, – продолжила Агнесса, – то тебе гораздо проще будет выбирать из всех имеющихся возможностей...

...Дальше я не слушала. По идее, матримониальные перспективы Мари де Мюссе вовсе не должны были меня волновать. Даже если она сторяча выскочит за кого-то замуж, расхлёбывать последствия этого поступка ей придётся уже без меня. Какая разница, кого ей напрочат заботливые родичи? Однако, вопреки всякому здравому разумению, меня вдруг охватило странное тягостное переживание, для описания которого не доставало слов. Как будто вся окружающая реальность – включая и неодушевлённые предметы, и якобы одушевлённых персонажей – постепенно теряет объём и цвета, превращаясь в плоскую чёрно-белую картинку, на которой три человеческие фигуры едят кашу за столом. Такое преобразование не раз творилось с теми миражами, которые я выстраивала в восприятии клиента в ходе работы. Но там, в рабочей обстановке, все изменения происходили согласно моим планам и воле, и все нити управления сходились в моих руках. А здесь... Я оказалась такой же частью картинки, как и все остальные действующие лица.

По мере того, как мир уплощался, он начинал душить: навалился на грудь, стиснул рёбра, не позволяя сделать вдох. Удушье накатило вместе с гнетущим чувством абсолютной безысходности. Я испытала острое желание немедленно разрушить начинающуюся гадкую метаморфозу. Необходимо было действовать поспешно, разя неведомое наваждение в самую сердцевину...».

...Они просто смотрели, не в состоянии дать оценку происходящему, настолько оно выглядело нелепо, неестественно, невозможно. Ещё мгновение назад их дочь, всегда тихая и сдержанная девочка, вела с ними обычный, пусть и не совсем для неё приятный, человеческий разговор в ходе обычной семейной утренней трапезы. И мать, и отец прекрасно знали, что если Мари чем-либо недовольна или огорчена, то лишь больше молчит и замыкается в себе. Пусть она и склонна придавать чрезмерное значение своим фантазиям, но всегда готова прислушаться к доводам разума.

Так почему же вдруг? Почему с грохотом отлетает к стене массивный дубовый стул? Почему безобидная с виду тарелка, теряя остатки каши, врежется в оконное стекло, круша его, как пушечное ядро? И почему существо, не отличимое по внешнему виду от Марии де Мюссе, одним прыжком оказывается на столе? И оттуда, возвышаясь надо всеми, издаёт пронзительный петушиный крик – и дважды, и трижды?

Резкий, нечеловеческий вопль, вырываясь из её горла, разносится по дому, вылетает в разбитое окно, смешивается со свежим мартовским ветерком и гаснет, растворяясь в пьянящем весеннем воздухе.

В следующий миг грациозная юная девушка легко спрыгивает со стола на пол. Из-за того, что подол её платья надувается, а затем опадает от движения воздуха, кажется, что она даже не прыгнула, а спорхнула, как бабочка с цветка. Она мило улыбается двум взрослым застывшим людям. Она произносит:

– Спасибо, было вкусно, мне пора, пока.

Она уходит.

Эпизод 4. «Лики Судьбы. Часть I. Воин»

«– Каким же нужно быть, чтобы Вам понравиться? – продолжал допрашивать её Гренгуар.

– Нужно быть мужчиной. ... Мужчиной с каской на голове, со шпагой в руке и золотыми шпорами на ногах. ... Я могу полюбить только такого человека, который сумеет меня защитить».

В. Гюго. «Собор Парижской Богоматери».

«...Моя четвёртая ночная вылазка закончилась скандальным разоблачением. В прямом смысле слова: скандальным. В ту ночь я, ничего не подозревая, проскользнула в дверь чёрного хода, которую предусмотрительно оставила незапертой. Увы, путь на второй этаж неизбежно пролегает через гостиную...

Они сидели там оба. На диванчике, рядышком, как попугай-неразлучники. Оба бледные, с тем выражением лиц, какое бывает у родственников, если в доме находится свежепреставившийся покойник.

В канделябре горели свечи.

Моё театральное появление спровоцировало немую сцену, которая быстро переросла в сцену бурную.

Началось всё с банального: «Где ты была?!?!». Далее воспоследовал глубоко прочувствованный рассказ о том, как случайно обнаружилось моё исчезновение (маман, томимая смутными предчувствиями, заглянула ночью к дочери в спальню – проверить, всё ли в порядке...); какие усилия они приложили, разыскивая меня по всем окрестностям, и какие эмоции при этом испытали. И неожиданно, безо всякого логического перехода, закончилось сногсшибательным выводом: «У тебя есть любовник! Кто он?!?!».

Хотела бы я, чтобы их домыслы хоть отчасти соответствовали действительности...

Пытаться их в чём-то переубедить на тот момент представлялось делом абсолютно бесперспективным.

В течение дня, будучи запертой в собственной комнате, я имела возможность хорошенько поразмышлять о своём положении. Вывод напрашивался один: если я хочу впредь хорошо проводить время, нужно подыскивать новое жильё.

Побег я запланировала на ночь, а перед этим вознамерилась как следует выспаться. Мать несколько раз заходила в комнату, приносила еду, склонялась надо мной, но я неизменно притворялась спящей: хотелось избежать беспредметных разговоров.

В последние пару дней я поняла, что начинаю скучать в том человеческом болоте, которое избрала местом своего пребывания. Душа – то есть, то, что у демона имеется вместо души – требовала размаха, решительных действий, великих свершений. Мы, всё-таки, получаем подпитку от человеческих страстей; а там, где вместо страстей чавкает трясина, недолго и самому мхом обрасти.

Азартные игры уже успели мне надоесть: азарт присутствует лишь там, где имеешь дело с равным противником. В случае же игры с людьми ни о каком равенстве и речи не было. Какое равенство может быть между щепой и владельцем огнива? Те из них, кто хоть на полшага дальше прочих продвинулись в области игорного мастерства, просто не садились со мной за один стол. Благодаря своей относительно развитой интуиции, они чувствовали силу, которой не способны противостоять. Хотя вряд ли сумели бы внятно сформулировать словами свои опасения.

Мои ночные прогулки по городу утратили прелесть новизны и стали всё больше походить одна на другую. Тем более, что на пути попадался один и тот же человеческий контингент. Я уже начала узнавать в лицо жриц любви и самых шумных завсегдатаев кабаков.

Знакомство с бандой грабителей тоже не стало фейерверком на моём празднике жизни. Кое-какие ожидания имелись у меня в отношении черноусого красавца. Но он вообще исчез из поля зрения, а мне в напарники определили... того самого молодого человека, который готов был отдаться мне совершенно бесплатно ещё в первую ночь нашего знакомства. Они звали его: Музыкант.

Впрочем, в работе он неожиданно преобразился – из глуповатого, сексуально озабоченного юнца в спокойного, собранного, чётко действующего специалиста. Я даже отчасти прониклась к нему уважением. После необходимых визитов в ювелирные мастерские мы ещё долго гуляли, болтали о жизни и расстались почти приятелями. Оказалось, что он приехал в столицу учиться музыке, но вынужден параллельно зарабатывать себе на жизнь, поскольку родители не в состоянии выслать ему ни гроша...

Однако, тот слабый отблеск симпатии, который я позволила себе испытать в адрес этого существа, не имел никакой сексуальной подоплёки, а скорее напоминал снисходительно – покровительственное отношение к младшему, но не лишённому перспектив, товарищу по работе.

А вакантное место в моём сердце по-прежнему зывало к тому неизвестному, не явленному покуда, кто смог бы заполнить эту пустоту...

...В одиннадцатом часу вечера я покинула дом семейства де Мюссе. Как обычно, через окно. Они не догадались, что я использую этот способ, и даже не удосужились навесить на ставни какой-нибудь амбарный замок.

...Скорее по привычке, чем ради какой-то конкретной цели, ноги вынесли меня на улицу Добрых сестричек. Официально она зовётся по-другому, но все местные жители предпочитают именовать её именно так. Это одно из мест, где концентрируется жизнь ночного города, где вся активность вспыхивает ближе к закату и затихает с рассветом.

Рассеянно брела я по улице, разглядывая прохожих, проституток, вывески трактиров, как притомившийся от долгой дороги путешественник рассматривает пейзажи из окна дилижанса. Девушки косились в мою сторону настороженно, а то и неприязненно, опасаясь конкуренции. К оценивающим взглядам мужчин я уже успела привыкнуть. Сначала они оценивают, сколько я могу стоить, потом – возможности собственного кошелька. Сегодня я выглядела достаточно дорого...

Да, я уже поняла, что не встречу свою будущую любовь среди постоянных гостей этой улицы. Тип отношений, царящих здесь, пронизан либо чистой коммерцией, либо откровенной животной похотью. И то, и другое мне покуда претит. Хочется красивой романтики. Чтобы так, знаете ли... Чтобы в сверкающих доспехах... Высокий, статный, благородный лицом и душой... Шагнул мне навстречу, перехватил руку негодая, занесённую надо мной для жестокого удара... В конце концов, найдётся среди человеческих мужчин хоть один, способный стать верным рыцарем для прекрасной, но хрупкой и слабой девушки?

Как бы в ответ моим мыслям, неподалёку раздался щекочущий нервы звук: позвякивание металла о металл. Две человеческие фигуры, разительно отличающиеся от прочих по внешнему виду, не спеша двигались в мою сторону с противоположного конца улицы. В свете фонарей тускло поблёскивали железом военные доспехи. Мужчины негромко переговаривались между собой и, кажется, улыбались. Зачарованная неожиданным зрелищем, я не сразу сообразила, что передо мной всего лишь двое городских стражников, совершающих ночной обход.

Один из них – высокий, плечистый – посмотрел в мою сторону. Да что там «в сторону» – он откровенно смотрел НА МЕНЯ! Он что-то произнёс своему спутнику, тот пожал плечами. Оба чуть ускорили шаг, направляясь уже непосредственно ко мне.

Я замерла в странном смятении, обычно мне не свойственном. Возможно, именно сейчас решалась моя судьба. Я только что шла, мечтая о блистательном воине, и – вот, воин передо мной. Когда он приблизился, я смогла как следует его разглядеть. Естественно, всё моё внимание сконцентрировалось на нём одном, второй лишь служил ему невзрачным фоном.

Ростом я едва доходила ему до плеча. А на такое плечо так и хотелось положиться... Голову стражника покрывал шлем, но судя по цвету бровей и ресниц, волосы его должны были быть достаточно светлыми. Голубые глаза изучали меня с лукавым прищуром. Губы выдавали лёгкое напряжение, словно их владелец не знал, что ему предстоит в следующий момент: проявить суровость или от души повеселиться.

Его возраст укладывался в пределы между двадцатью и тридцатью годами, а скорее – где-то посередине между этими рубежами.

Второй стражник выглядел несколько старше, был ниже ростом, рыж и конопат, и вообще не представлял собой ничего особенного.

Неужели это – оно? В смысле, она: судьбоносная встреча? Неужели сейчас свершится?

– Привет, – сказал мой великолепный воин. – Ты что, новенькая?

Я не совсем поняла, что он имеет в виду, но на всякий случай утвердительно кивнула. Действительно, в каком-то смысле я совершенно новенькая здесь, в этом грубом физическом мире, где люди проводят то, что они называют жизнью. Ведь не прошло ещё и недели, как я поселилась среди них.

Стражник удовлетворённо качнул головой.

– Молодец, что сама подошла. Власти надо уважать. А власти сегодня здесь – это мы с Жаном. Улавливаешь?

Я неопределённо улыбнулась. Что-то в его интонациях настораживало.

– Кто тебя крышует-то? – продолжал благодушно расспрашивать страж правопорядка. – Или ты пока ещё сама по себе?

По мере того, как до меня доходила горькая суть его слов, улыбка сползала с моего лица, как сползает плохой грим под струями ливня. Увы, в глазах этого солдата я оказалась всего лишь очередной проституткой, выбравшейся в промысловую зону. Ну да, конечно, а за кого ещё меня можно принять в такое время да ещё в таком месте?

– Сама по себе, – горько сообщила я. – И, похоже, мне стоит отсюда уйти. Здесь я не найду желаемого.

– Ну, почему же, – оживился стражник. – Не переживай, всё будет нормально. Даже хорошо, что ты ещё без крыши. Потому что лучшая крыша – это власть. То есть, мы с Жаном. Улавливаешь?

– Значит, так, – деловито вступился его напарник. – Этот район всегда патрулируем мы. Так что вопросов не возникнет. Платить будешь нам, одну десятую часть со всех доходов. Это немного и вполне справедливо. Спокойно работай, никого не бойся. Если станут наезжать, ссылайся на нас. Меня зовут Жан, его – Поль.

Они смотрели на меня открыто и искренне, как люди, предложившие ближнему всё самое лучшее, чем располагают сами. Мне захотелось кое-что уточнить.

– Один вопрос, господа. Если я действительно соберусь когда-нибудь что-нибудь вам платить... Как вы узнаете, что это – именно десятая часть моей прибыли? А вдруг – двадцатая? Или даже сотая?

Приятно было наблюдать, как на лицах обоих служаков отразилась напряжённая работа мысли. Поль пришёл в себя первым. Его лицо обрело прежнюю весёлость.

– А ты с юмором. Молодец, – его мощная лапа решительно подхватила меня под локоть. – Надо установить взаимное доверие. Идём. Тут рядом как раз есть одно такое место...

Может быть, если бы то же самое предложение поступило ко мне в несколько ином оформлении... Ну, например, так: «Мадмуазель! Я увидел Вас и лишился рассудка! Ваша красота затмевает свет солнца и звёзд. Я простой солдат и не знаю слов любви. Но если Вы откажетесь стать моей, я немедленно умру от горя здесь же, у Ваших ног!».

Суть – та же самая. А звучит, согласитесь, гораздо приятней для девичьего слуха. Какая девушка окажется столь жестокой, чтоб стать причиной безвременной гибели для доблестного воина?

Но вся проблема в средствах выражения, в формулировках. Они не оставили мне выбора.

Делаю несколько шагов в том направлении, куда влечёт меня железная хватка мужской руки. Споткнувшись, подворачиваю ногу. Падаю. Пальцы выпускает мой локоть, чтобы перехватить поудобней. Молниеносно перекатываюсь в сторону, вскакиваю на ноги, шарахаюсь в ближайший переулок. Мчусь длинными скачками, почти не касаясь земли. Три – четыре поворота на перекрёстках, и мой след утерян навсегда. Даже не успела заметить, пытались ли стражники меня догнать. Какая разница?...

Места вокруг какие-то незнакомые. И не потому, что в темноте искажаются привычные очертания. Похоже, я ещё не заглядывала в этот район города...».

Эпизод 5. «Лики Судьбы. Часть II. Чернокнижник»

«... Узкий переулок, по которому вело меня течение судьбы, как пронесит опавший лист по ручью, внезапно закончился. Но не стеной или глухим забором, что было бы вполне уместно, а сплетением голых ветвей.

Куст. С меня ростом. Естественно, голый: в марте листьев не бывает. Между ветвями имеются просветы: можно попытаться раздвинуть и пролезть. Что я и сделала, потому что поворачивать назад не хотелось.

Я оказалась в каком-то сквере или парке. Под ногами пружинила жухлая прошлогодняя трава. На чёрном небе угадывались ещё более чёрные силуэты деревьев. Через несколько шагов началась утоптанная дорожка, покрытая мелкими камешками. Наверное, днём она служит для прогулок. Какое милое место! Вскоре на моём пути обнаружилась и скамейка с высокой спинкой. Я с наслаждением плюхнулась на неё: после двух часов беспрестанных брожений по городу ноги ощутимо ныли.

Так я и сидела, в блаженном безмыслии, наслаждаясь собственным бытием. Глаза ласкал бархат тьмы. Как выяснилось, темнота имеет множество нюансов, множество степеней интенсивности: тьма на фоне тьмы, тьма внутри тьмы, тьма на грани с тьмой создают удивительную многомерную структуру, строгую и выразительную, как гравюра или неотвратимость смерти. Для человеческого восприятия это отсутствие цвета в пейзаже имеет зловещий оттенок. Повинуясь древним инстинктам, они бессознательно связывают темноту с угрозой нападения, смертельной опасностью... а соответственно, также и с колдовством, демонами, адом. Хотя, что такое ад? По-моему, если верить тем же людям, в аду должно быть очень светло – ведь там пылает вечный огонь, пожирающий грешников. Не знаю, не видела... В любом случае, у меня нет человеческих инстинктов, и то, что вызывает у них животный страх, во мне пробуждает лишь эстетические переживания. Тьма очень эстетична.

Запахи... Запахи составляют целую симфонию. Сырая земля, преющая трава, оживающая растительность, дремлющие в ветвях птицы – всё смешивается с городским «букетом»: камень, кухни, сточные канавы, навоз... Почему-то: жареная рыба. Кто ночью жарит рыбу?

Тело растекается в приятном расслаблении. Ноги, спина, плечи. Я уже почти привыкла считать его своим. Мария не заявляет на него никаких претензий, словно единственное, о чём она по-настоящему мечтала – это перепоручить управление собой какому-нибудь стороннему существу. Например, мне. А самой – забиться в уголок и полностью отказаться от взаимодействия с внешним миром. Станные эти люди. И им ещё хватает наглости упрекать «нечистую силу», когда мы пытаемся воспользоваться тем, что они так безалаберно разбазаривают...

Слух наслаждается чистой тишиной, в которой особенно многозначителен бывает любой шорох, любой хруст высохшей травинки под лапкой полёвки... любое шарканье ноги по гравии... любое постукивание металла о металл...

Металла о металл? Что-то зачистили нынче по городу патрули.

Из-за поворота дорожки метрах в десяти от меня вывалились двое солдат из городской стражи. Одного из них не узнать было невозможно. Именно его мужественный облик разбередил моё сердце около часа назад.

Жан и Поль затормозили перед моей скамейкой. Оба издали радостно-удивлённые возгласы. Выглядели они ещё более весёлыми, чем при нашей первой встрече. От обоих сильно разило спиртным. Шлем Поля сидел как-то косо. Жан слегка пошатывался, когда пытался твёрдо стоять на одном месте.

– Беглянка! – выпалил Поль. – Ты смотри, думала, не найдём! Нет, милая, и не таких находили. От власти не скроешься. Поняла?

Он рухнул рядом со мной на скамью. Рухнул с явным облегчением: видимо, тоже прошёл за нынешний вечер немало. И тотчас же весело облапил меня за плечи. Рука у него была тяжёлая.

– А чего ты тут делаешь? – продолжил он светскую беседу.

– Видите ли, сэр рыцарь... У меня сегодня лирическое настроение. Я люблю природу.

– Одна? – с сомнением уточнил Поль. Язвительность моего тона он напрочь проигнорировал.

– Увы, теперь уже не одна.

Жан тоже присел на скамью, с другой стороны.

– Хватит болтать, – пробурчал он. – Давайте уже, решайте что-нибудь.

Я вдруг осознала, что он человек семейный, смена кончается, он пьян, устал и хочет домой, в тёплую постель. Чего нельзя было сказать о Поле, имеющем совсем иные приоритеты.

– Вот что, девочка, – Поль посерьёзnel. – Ты, наверное, недопоняла в прошлый раз. Здесь нас все слушаются. И если я сказал: «давай знакомиться», значит – надо знакомиться. Я ведь не в игры с тобой играю. Зачем убежала, а?

– Да надоели вы мне.

– А вот это – твои проблемы. Я тебя не о чувствах спрашиваю. Надоели – не надоели...

Мы на работе, ты – тоже.

– Ребята, я не работаю, я отдыхаю сегодня, – попыталась по-хорошему объяснить я. – И вы в мою программу отдыха не вписываетесь.

– Может, в твою программу отдыха Луи вписывается? – словно бы невзначай осведомился Жан.

– Какой ещё Луи?

В уме я прикидывала, достаточно ли моих физических сил, чтобы за короткий промежуток времени вырубить на пару минут двух взрослых, физически крепких мужчин. Я не могла знать наверняка, поскольку ещё не до конца изучила возможности своего нового тела. При надлежащем управлении оно способно творить чудеса... Мария-то, конечно, с этой задачей не справилась бы. Но я – другое дело. Можно проверить...

– А я тебе расскажу, если не знаешь, – охотно предложил Поль. – Луи – это такой добрый парень, который держит весь район. У него ещё есть пара прозвищ. Луи Чума – слышала? И девочки, которые не хотят дружить с нами, должны дружить с ним. И со всеми его молодчиками, которых человек пятнадцать. Улавливаешь?

– Он симпатичный? – поинтересовалась я из вежливости.

– Красавчик! – хохотнул Поль. – Я по сравнению с ним – ангел. Тебе ангелы нравятся?

– Ну, в общем, да, – честно призналась я.

– Вот и хорошо, – рука Поля очень ловко переползла с моего плеча на область талии. – Жан, давай, прогуляйся чуток, у нас тут разговор приватный...

Рука у него была здоровенная, тёплая и... довольно приятная. «Ну почему? – с тоской подумала я. – Почему так? Ведь если то же самое преподнести, слегка изменив формулировку... Скажем, так: «Я старый солдат, и не знаю слов любви...». Ну почему – так?!...».

Жан со вздохом поднялся со скамьи. Если он сейчас отойдёт подальше, мне будет проще. Поль уже дышал мне в ухо парами виноградного вина двойной перегонки. Кажется, лучше всего его изготавливают в провинции Коньяк...

Но наши сложные, запутанные отношения не получили развития. То, что случилось дальше, оказалось для всех полнейшей неожиданностью.

Словно *deus ex machina* в древнегреческой трагедии, перед нашей лавочкой возник человек. Никто не заметил, как он подошёл. Вряд ли он материализовался прямо из воздуха. Скорее, просто он умел двигаться тихо, а мы беседовали довольно шумно, да ещё и увлеклись собственными переживаниями.

Пришелец, одетый во всё тёмное, казался порождением ночи, и лишь лицо его выделялось бледным пятном.

– Всем доброй ночи! – бодро поприветствовал он. – У вас тут весело. Позвольте присоединиться?

– Не позволим! – поначалу резко отвечал Поль. Затем тон его смягчился: он узнал голос гостя. – А, мэтр Фламмель... Какого чёрта вы здесь бродите? Опять бесов ловите?

– Да бросьте, право, повторять чужие сплетни, – отмахнулся тот, кого Поль назвал Фламмелем. – Черти, бесы... Вы вот, гляжу, уже поймали одну милую чертовку.

– А раз видите, так и ступайте себе, – нахмурился Поль. – Девушка смущается.

– Ясно, что смущается, – хмыкнул Фламмель. – Из-за неё я и облазил тут уже все кусты. Ладно хоть нашёл всё-таки... Дело вот в чём, – охотно продолжил он в ответ на недоуменные взгляды блюстителей порядка. – Не далее, как четверть часа назад, я имел один важный разговор с господином Луи. Мы уже почти столковались... Как вдруг: заявляется эта особа, – он непочтительно мотнул головой в мою сторону, – и устраивает ему дикую сцену ревности. Вопит, бьёт посуду, залепляет пощёчину... И сбегает. Представляете? Луи в бешенстве, сделка накрылась. Я еле утихомирил его, пообещав, что сейчас разыщу нахалку. Сам не верил, что найду. Но всё-ж-таки нашёл... А тут – вы!

По ходу его рассказа Поль заметно поскущел. Его пальцы касались моего бока уже как-то сугубо формально, а затем и вовсе переползли на спинку скамьи. Когда Фламмель умолк, повисла пауза.

– Пора смену сдавать, – бросил в пространство Жан.

– Да, боюсь нам уже пеняют за опоздание, – подхватил Поль. – Счастливо оставаться, господа!...

...Несмотря на лёгкую рассеянность мышления, я сумела сообразить, какую штуку проделал ночной гость. Очень быстро мы остались вдвоём. Он взирал на меня сверху вниз. Я откинулась на спинку скамьи, чтобы сравняться с ним в высокомерности позы. Фламмель, насколько его удавалось разглядеть, имел средний рост и телосложение, более близкое к художавому, нежели к атлетическому. Его возраст я определила как «что-то около тридцати». Все его манеры выдавали человека абсолютно гражданского. Он мог быть кем угодно – дельцом, банкиром, вором, учёным, поэтом, бездельником. По его неброской, но весьма приличной одежде тоже нельзя было судить о его социальном статусе.

Что ж... По всему выходит, что вот именно сейчас этот загадочный тип спас мою девичью честь от навязчивых посягательств. Точнее, честь Марии де Мюссе... Ибо какие понятия о чести могут быть у демонов?... Спас честь, в то же время подмочив репутацию ложными заявлениями о моей связи с неким бандитом по имени Луи. Кстати, что-то имя уж больно знакомое...

– Кажется, я должна поблагодарить Вас, сударь, – произнесла я осторожно. – Вы спасли меня от нежелательных посягательств.

– Хм, – Фламмель потёр подбородок. – Хотел бы я знать, кого и от чего я на самом деле спас.

Под его взглядом я почувствовала себя неуютно. Из его глаз словно бы исходили невидимые лучи, пронзающие плоть, выжигающие всё внешнее, наносное, сдирающие личины с подлинной сущности. При этом взгляд его отнюдь не был злым. Он препарировал меня взглядом, как биолог – лягушку.

– Стражники приняли меня за девицу лёгкого поведения, – попыталась я объяснить. – Но они ошиблись. На самом деле я просто люблю гулять по ночам. Они не хотели мне верить... Вы спасли меня от этих грубых амбалов.

– А по-моему... – Фламмель прищурился, – я спас двух простоватых подвыпивших парней от... нечеловеческого существа, превосходящего по физической силе их обоих. Вместе взятых.

– Как Вы смеете! – фыркнула я, подскакивая.

– Воздушный демон, – констатировал Фламмель. – Одиннадцатый ранг.

И тут до меня дошло, что он видит МЕНЯ, меня саму, невзирая на все внешние оболочки. Кто он? Откуда взялся? Обычный человек на такое в принципе не способен: у него нет необходимых органов чувств. Ведь не воспринимает же, например, человеческий глаз ультрафиолетовую часть спектра... На мгновение я даже допустила, что он и не человек вовсе, а нечто вроде меня, замаскированное в физическое тело – может быть, кто-то из Людского Департамента: супервизор или регионал на следовых визитах...

В конце концов, мне нечего скрывать, я действую полностью в рамках закона, у меня есть все необходимые документы, и вообще я не подпадаю под их юрисдикцию. Поэтому я позволила себе наполовину высунуться из тела и быстренько просканировать собеседника на предмет его видовой принадлежности. К моему удивлению, в нём не обнаружилось ничего, не соответствующего с человеческой природой. Обычный человек! Только какой-то странный...

– Ну что? – усмехнулся Фламмель. – Разглядела?

– Ты кто? – выпалила я, уже без обиняков.

– Фламмель. Николая Фламмель.

– Колдун! – догадалась я. – Ну, конечно: чернокнижник.

– Учёный, – поправил он, досадливо морщась.

– Ага, – осклабилась я. – Учёный. Мочёный.

С человеческими любителями – оккультистами, искателями тайных знаний, наш демонический род издавна связан особыми отношениями. Они для нас... как любимая дичь для страстного охотника. Наша поговорка гласит: «Настоящий демон в своей жизни должен сделать три вещи. Во-первых, купить душу у чернокнижника...».

– А ты правда думаешь, что я могла бы отбиться от них обоих? – не удержалась я от вопроса, который очень меня занимал. – Своими силами?

– Весьма вероятно.

– Но это тело такое маленькое, такое хрупкое...

– Кстати, а ты-то что в нём делаешь?

– Не твоё дело, – надулась я.

В самом деле, с чего бы мне перед ним отчитываться? Не хочет изображать из себя галантного спасителя – так пусть катится своей дорогой.

– Э-э-э, – Фламмель посерьёзnel. – Слушай, я, кажется, понимаю. Плохо дело. У вас обоих могут быть большие проблемы.

– Да откуда ты взялся такой умный?! – вспыхнула я. – Хватит мне голову морочить!

– Подожди, – Фламмель присел на скамейку подле меня. Деликатно, на расстоянии вытянутой руки. – Сейчас всё объясню. Судя по твоему наглому поведению...

– Что?!!!

– Не перебивай, – его тон стал жёстче. – Судя по твоему наглому поведению, ты находишься в теле на законных основаниях. Значит, твоё с ним обращение регламентировано Договором. Скорее всего, типовой Договор на временное пользование. Угадал?

– Допустим. И что?

– А то. В Договоре есть один такой хороший пункт. Насчёт необратимых повреждений. Физических и психических. Припоминаешь?

– Да я наизусть помню про повреждения! Мне этими повреждениями шеф уже все мозги прокомпостировал. И ничего плохого я делать не собираюсь. Ну, подралась бы чуть-чуть с сол-

датами... Так ведь не оторвали бы они мне руки – ноги, верно? А синяки и ссадины проходят за неделю, бесследно. Даже переломы срастаются, если кости правильно сопоставить.

– Да, по части физических последствий, я думаю, ты уже разобралась. Проблема в другом. Твоя хозяйка... в смысле, владелица тела. Она на грани помешательства.

– Что? – растерялась я. – Мария? Она, конечно, дура, но...

– Мария, или как её там, запросто может сойти с ума, если ты пробудешь в её теле ещё несколько дней. Необратимые психические последствия. Это не перелом – обратно не срастётся.

– Да откуда ты-то знаешь?!

– Вижу, – просто отвечал Фламмель.

Его слова почему-то вызывали доверие. Если он так легко разглядел меня, то, возможно, столь же ясно видит и душу Марии де Мюссе, со всеми её сдвигами. Жутковатая картинка вырисовывается.

– Она сумасшедшая? – спросила я упавшим голосом. – Значит, поэтому она такая... ненормальная... А я-то думала, что она просто испугалась... от неожиданности... Ну, когда я вселилась...

– Нет-нет, – попытался успокоить Фламмель. – Пока она просто в состоянии глубокого потрясения. Видишь ли, демон... как тебя там...

– Натанаэль.

– Да. Видишь ли, Натанаэль, она очень впечатлительна. Крайне впечатлительна. Гораздо больше, чем многие другие люди. У неё очень хрупкая психическая организация. Любой средний здоровый человек вполне способен выдержать такое переживание, как... подселение демона. А она... боюсь, она на грани безумия.

– И навсегда останется чокнутой, – попытожила я. – Во, блин...

– Ты выполняла инструкцию? Правила по использованию?

– Ты намекаешь на параграф пятнадцать, пункт «б»? «Пользователь обязан предоставлять душе, прикреплённой для постоянного проживания в теле, право полного пользования телом, со всеми его функциями, включая чувственное восприятие, движение, дыхание, пищеварение, выделение продуктов обмена, удовлетворение половых потребностей, сон, мышление, генерирование эмоций и фантазирование, не реже, чем каждые 72 часа, на период не менее 8 часов», – процитировала я. – Выполняла, в точности. Собственно, я здесь меньше недели, так что пока получилось выпустить её всего один раз. Завтра как раз новый срок настаёт... И что, ты думаешь, она сделала? Ничего! Все восемь часов валялась на кровати, уставившись в одну точку! Даже не уснула! Даже сесть не попыталась! Все восемь часов. А я ждала, как порядочная, сидела в сторонке. Ладно, ночь была, никто ничего не заметил.

– Всё очень плохо, – нахмурился Фламмель.

– Да что делать-то? Ты знаешь, что делать, чернокнижник?! – я уже сама была на грани глубокого потрясения. Вот ведь, влипла! Гнилой материал подсунули. Одно слово, демоны... А крайней, в любом случае, останусь я. Испортила, навредила, нарушила договор. И никакие заслуги перед Департаментом не помогут. Тут уже не только премии лишат. Тут вообще понижением в должности пахнет. А как же: подвела всю Воздушку! И Бахамут морду отвернёт, словно и не он мой выбор одобрил.

– У меня, между прочим, имя есть, – обиделся Фламмель.

– Ладно, ладно, Фламмель, сейчас не время ссориться. Ты можешь её как-то привести в норму?

– Не знаю, я ведь не врач...

– Да брось, я знаю, какие у вас тут врачи. Уж лучше ты.

– Прежде всего, нужно вернуть её в привычную обстановку. Ей так будет спокойней.

– Это куда? Домой, что ли?

– Ну, да.

– Нет, ни за что. Они меня достали.

– Кто?

– Её родители! Когда я выбирала девчонку, то совершенно не подумала про родителей.

Они постоянно лезут в мою жизнь! То есть, в её жизнь. Тьфу, я запуталась...

– Придётся терпеть.

– Да почему ж я должна терпеть каких-то посторонних идиотов?! Мне что, своих мало?

– Если сейчас ты не потерпишь посторонних, потом тебе придётся терпеть своих. Причём гораздо дольше. И в худшей форме.

Я тяжело вздохнула. Колдун был прав по всем статьям. И откуда он такой умный выискался? Кажется, я уже задавала этот вопрос...

– Хорошо. Допустим, я вернусь. Что дальше?

– Ты выпустишь её. А я попробую с ней поговорить.

– Сначала тебе придётся попробовать поговорить с её предками. Они тоже психи.

Фламмель тяжело вздохнул.

– Девочку жалко. Ей совсем плохо.

– Ты кому взялся помогать, мне или ей? – ревниво спросила я.

– Наверно, вам обеим.

– Так не получится. Помочь можно кому-то одному, за счёт интересов другого. Меня интересует, чьи интересы будут поправы.

– Если ты сумеешь обосновать запрос своему начальству, тебе, возможно, предоставят другое тело.

– И то верно...

Несколько минут мы оба сидели молча, опустив глаза в землю. Каждый собирался с духом.

– Ладно, пошли, – решила я. – Нечего тянуть.

– Пошли.

И мы пошли».

Эпизод 6. «Переговоры»

«... Не знаю, что он им наплёл. По крайней мере, он взял на себя все объяснения, и я была избавлена от душераздирающих сцен. Я просто завалилась на кровать и уставилась в потолок, дожидаясь продолжения. Точно так же, как Мария трое суток назад.

Похоже, Фламмель умел убалтывать не только демонов, но и своих соплеменников. Супруги де Мюссе позволили ему поговорить с их дочерью наедине.

Он вошёл без стука, но стука и не требовалось. Звук шагов на лестнице и скрип ступеней загодя предупредили о его приближении.

– Ну? – я рывком села в постели.

– Уф, – выдохнул Фламмель.

Он подтащил стул от моего столика с косметикой и устроился возле кровати.

– Что?

– Значит, так, – Никола утёр лоб изящным платочком. – Я не стал акцентировать их внимание на факте одержимости. Просто поговорил о том, что обнаруживаю у Марии сильное душевное неблагополучие. Они согласились. Я сказал, что встретил тебя... то есть, Марию... ночью на улице и, увидев неадекватное поведение, постарался побыстрее препроводить её... тебя... тьфу ты, в общем, домой. Они думают, что я врач. Это почти правда, я изучал медицину, только не практикую.

– Так что ж ты врал-то, что не врач!

– Я изучал медицину, алхимию, теологию, юриспруденцию, живопись и ювелирное дело.

Но я не врач, не богослов, не адвокат, не художник и не ювелир. Чувствуешь разницу?

– Ладно, не отвлекайся. Как они отреагировали?

– Как, как... А как сама думаешь?

– Орут. Или рыдают.

– И то, и другое. Они уже несколько дней, как заподозрили неладное.

– И что делать собираются?

– У них есть семейный врач, Жирандоль. Я его немного знаю. Неплохой специалист.

Завтра пригласят.

– Чёрт с ним, пусть приходит. Он сможет меня увидеть?

– Тебя? – не понял Фламмель.

– Ну, меня, настоящую?

– А, нет, вряд ли.

– Тем лучше. А что мне-то делать? Мне-то ваш Жирандоль не поможет!

– Будешь составлять объяснительную руководству.

– Вот, блин, повезло.

– Объяснительной займёшься потом, – продолжил Фламмель. – А сейчас выпускай Марию, мне надо с ней поговорить.

– Зачем это?

– Попробую вернуть её к реальности.

Я нехотя посторонилась, отпуская бразды правления. Жалкий розовый ком, доселе всё время маячивший где-то на периферии поля зрения, теперь оказался прямо перед моим носом. Астральным носом, ибо физический более мне не принадлежал. Ком мелко дрожал, как зажатая в ладонях дикая мышь.

– Давай, вали, – грубовато подтолкнула я её. – Человек ждёт.

Откровенно говоря, я на неё изрядно злилась. Хотя умом и понимала, что Мария не виновата в сложившейся ситуации. Она, точно так же, как и я, пострадала от чьей-то служебной халатности. Сотрудники, подбиравшие доноров тела, не удосужились проверить все детали

и подошли к своим обязанностям сугубо формально. Да, формально они тоже не несли ответственности за случившееся. Они не обязаны знать наверняка, как донор отреагирует на подселение реципиента. Хотя они и строят определённые вероятностные прогнозы. Кто виноват, что реализовалась одна из худших вероятностей?... Кто виноват? Найти бы скотину...

– Мари, – мягко позвал Фламмель. – Мадмуазель Мари, Вы меня слышите?

И тут случилось чудо. Губы тела, казавшиеся безжизненными, дрогнули. Как и ресницы приподнимающихся век.

– Мари! – повторил колдун настойчивей. – Нам нужно поговорить. Соберитесь, сделайте усилие.

Мария де Мюссе смотрела на Фламмеля. Ей даже хватило сил, чтобы повернуть голову в его сторону!

– Мадмуазель Мари, меня зовут Фламмель, я учёный...

– Я знаю, – слабо произнесла Мария. – Я слышала, как Вы с ним разговаривали...

«Вот чертовка! – возмутилась я мысленно. – Она, оказывается, всё слышит. А я-то считаю, что она в коме!»

– С кем – «с ним»? – опешил Фламмель.

– С существом. Оно пыталось говорить со мною. Я думала, что сошла с ума. Так сходят с ума: слышат голоса, которых на самом деле нет, пытаются им отвечать... Я знаю, у меня бабушка сошла с ума, когда я была маленькая. Родители думают, что я ничего не понимала тогда и всё забыла. А я помню...

«Отягощённая наследственностью, – констатировала я. – Нет, вот ведь халтурщики! Они знали, знали, и всё равно засунули её в список. Нет, я теперь точно добьюсь служебного расследования!»

– Я всегда боялась сойти с ума, – продолжала Мария. – И словно бы предчувствовала, что меня это ждёт, рано или поздно. А тут... началось... Я думаю: главное – ни за что с ними не заговаривать. Иначе – всё... навсегда... Как бабушка...

Сидя в своей «кладовке», я беззвучно материлась. Кажется, впервые в жизни до меня дошёл смысл фразы: «И будет там стон и скрежет зубовой». Скрежетать было особо нечем, но всё-таки как-то... скрежеталось. Сумасшедшая девица, одержимая бесом – каково сочетание, а? ох, только бы добраться до юмористов, которые сделали возможным столь комичный оборот!

– А когда Вы стали с ним разговаривать... я подумала: может, это что-то другое? – закончила Мария свою мысль. – Может...

Она всхлипнула и замолчала. Губы её отчётливо дрожали.

– Мадмуазель Мария, я с Вами, а ситуация под контролем, – Фламмель ласково взял её за руку. – Никакая Вы не сумасшедшая. Вы, наоборот, молодец. А существо... Оно...

Я показала Фламмелю астральный кулак.

– Она, – быстро поправился Фламмель, – всего лишь демон. Обычный демон, бес, какие иногда вселяются в человека.

– Демон? – переспросила Мария неуверенно. Она, похоже, не разделяла убеждения, что одержимость бесом намного лучше сумасшествия.

– Да, демон, – ласково пропел Фламмель. – Она временно оказалась с Вами в одном теле. Нужно немного потерпеть, и она обязательно уйдёт.

– Она? Уйдёт? – Мария не знала, чему верить. – А вы можете говорить с ней? Она – настоящая?

– Да, вполне, – авторитетно кивнул чернокнижник. – Я понимаю, Вам трудно принять это объяснение. И другим людям тоже. Ваши родители считают, что у Вас нервный срыв.

– Родители? – встревожилась девушка. – Что с ними? Они живы? Я так давно их не видела!

– Всё в порядке, они внизу, в гостиной. Ждут возможности пообщаться с Вами.

– Я хочу их видеть.

– Я их обязательно позову. Через пару минут. Сначала нам нужно обсудить Ваше состояние.

– Моё состояние, – эхом повторила Мария. Внезапно она с силой вцепилась в руку Фламмеля. – А Вы мне не кажется? Вы – настоящий? Или у меня уже начались видения? Ответьте! Вы – настоящий?!!!

– Да настоящий, отпустите же, больно. Вы мне кожу содрали ногтями, видите? Кровь – настоящая?

Мария ошалело уставилась на капельку крови, проступившую из маленькой царапины на тыльной стороне его кисти. На мой взгляд, аргумент был не более убедителен, чем все предыдущие. Если Фламмель – всего лишь видение, то с тем же успехом могла бы привидеться и кровь на его руке. Но на Марию вид царапины почему-то подействовал успокаивающе. Она поверила в реальность происходящего.

– Что мне делать? – покорно спросила она.

– Прежде всего, запаситесь терпением. Демону нужно время, чтобы покинуть ваше тело. И ничему не удивляйтесь. Там, где действуют потусторонние силы... сами понимаете... всё возможно.

– Всё возможно? – Мария снова взволновалась. – Что возможно? Что ещё со мной будет?

– Ну, например... – Фламмель задумался. – Например, Вы немного полетаете. Или будете чувствовать, что Вашим телом движет посторонняя сила. Или... Ваши уста начнут говорить чужим голосом, непонятные Вам вещи. Всяко бывает. Отнеситесь к этому философски. Демон, в любом случае, не сможет причинить Вам вред. Она связана определёнными обязательствами. В том числе, обязательством уйти через определённое время.

– Через время? Когда?

«Скажи ей, не позже, чем через год, – подумала я. – Всегда легче терпеть неприятности, если точно знаешь, когда они кончатся».

– Не позже, чем через год, – произнёс вслух Фламмель. – А возможно, гораздо раньше.

– Год! – простонала Мария. – Но почему? Почему? Почему именно со мной всё это... творится?

– Э-э... Вы были в чём-то... уязвимы. Она использовала Вашу слабость.

– Да, это грех, – пробормотала Мария. – Какой-то грех... что-то было... Только я не знаю... не могу вспомнить...

– Не нужно сейчас заниматься самокопанием. Потом разберёмся. Сейчас для Вас самое главное: сохранить душевное равновесие. Вы обещаете мне держаться?

– Да, – выдохнула девушка. – Да, держаться... Хорошо, что не с ума... не сошла с ума. Только не уходите пока. Я боюсь.

...Разговоры затянулись до самого утра. Фламмель, бедняга, выложил на полную катушку. Мария упорно отказывалась вступить со мной в диалог. Хоть она и приняла объяснения Фламмеля, но подспудно по-прежнему боялась общаться с «голосом внутри головы», якобы способным лишить её рассудка. Родители появлялись и исчезали на сцене со всякими бессмысленными охами – ахами. В итоге, при посредничестве чернокнижника, Мария выторговала у меня обещание, что я разрешу ей посетить сегодня в церкви обедню – позднюю, ибо к ранней мы уже не успевали, ведь нужно было ещё и отдохнуть хоть немного. Я дала слово, что не буду вмешиваться в её действия всё то время, что она находится в храме – но не дольше, чем до захода солнца. А то знаю я таких: ещё останется там жить! Все сроки в договорённостях должны быть чётко обозначены.

Не понимаю, право, что её так тянет в это скучное заведение, но если присутствие на мессе поддержит её душевное равновесие, то пусть себе присутствует. Чтобы не тратить зря время, я вознамерилась по ходу церковной службы заняться сочинением петиции Бахамуту. А кому же ещё? Нельзя прыгать через голову непосредственного начальника. Если успею, то сразу же и отправлю её ему.

Придя к консенсусу, мы с Марией на часок провалились в сон перед началом нового дня»...

Эпизод 7. «Бес в храме Божьем»

«... У неё хватило ума надеть то голубое платье, которое я приобрела позавчера на деньги, выигранные во время одной из ночных прогулок. Я очень боялась, что она выберет что-нибудь из своего старого гардероба – неуклюжее, нарушающее её собственную природную гармонию. Но она невольно одобрила мой выбор. Ей просто некогда было размышлять, и она схватила первое, что попало на глаза. Очень строгое, очень изысканное, васильковое, с серебристой отделкой. Вырез горловины – «лодочкой», на плечах – две тонкие серебряные застёжки в виде бабочек. Хоть на танцы, хоть в библиотеку... Хоть в храм божий. К платью идеально подошёл белоснежный платок, расшитый серебряной нитью.

Пока Мария собиралась перед зеркалом, я не без удовольствия разглядывала её отражение. От органов чувств я решила не отключаться (инструкцией это допускается), и теперь осязала, видела, слышала точно то же, что и сама девица.

«Хороша девка! – вынуждена была признать я, в который уже раз. – Вот ведь, и не выпалась, и осунулась, и устала, как чёрт, а всё равно хороша!». Даже как-то жалко менять её на другого носителя. Как пить дать, подсунут китайца с пятью детьми. Жирного, обрюзгшего. Или, наоборот, высохшего, сморщенного, как печёное яблоко. И что я с ним? Какие удовольствия от жизни получу? А Мария... Ну что, ну, чокнутая немножко, с кем не бывает. Жизнь нынче сложная, у всех крыша течёт. Можно же как-то приспособиться, найти рычаги управления. Это тебе не мёртвыми душами командовать! Это живой человек, во плоти, к нему подход нужен особый, понимание. А там, глядишь, и брыкаться перестанет, сама шею подставлять начнёт – дескать, присаживайся...

Всё утро я не могла решить, писать ли Бахамуту докладную, или попробовать справиться собственными силами. К тому же, усталость, накопившаяся с бессонной ночи, несколько подорвала мои мыслительные способности.

Поэтому я даже не заметила, как мы добрались до церкви. Переход показался совсем коротким: должно быть, де Мюссе жили где-то неподалёку.

В конце концов, я пришла к заключению, что докладную написать следует, но без категоричных формулировок. Потому что если здоровье Марии стабилизируется, у шефа не возникнет острого желания искать для меня нового донора. А если с ней, всё же, случится худшее, то у меня останется официальный документ, снимающий ответственность. Я, дескать, ещё когда докладывала, а вы сами виноваты, что мер не приняли.

Так, успокоенная, я глянула по сторонам и обнаружила, что мы вышли на площадь.

Всё в этом районе города было какое-то мелкое, прозаичное, обывательски – приземлённое. Дома – максимум в три этажа. Улочки – узкие, тесные, двум повозкам не разъехаться. Ни дворцов, подавляющих своим величием; ни могучих мрачных крепостей, способных противопоставить себя полчищам завоевателей; ни изысканных парков с фонтанами, беседками и статуями; ни просторных площадей, где могли бы собраться все жители, чтобы поглазеть на праздничное шествие; ни пронзительных готических соборов, возносящих на головокружительную высоту символику сублимированного либидо. Нет. Если площадь – то размером чуть больше двора. И посередине такой площади еле помещается толстый старый каштан да четыре скамейки вокруг него. Если парк – то запущенный, заросший одичавшим кустарником, как лесная опушка. Если храм – то невыразительная прямоугольная постройка, которая могла бы быть чем угодно, если бы не католический крест на островерхой крыше. Только у самого входа статуя Девы Марии, вся в мраморных драпировках одежд, встречает посетителей всепонимающим сострадательным взглядом.

Спальный район. Удивительно, но их столица больше, чем наполовину, состоит именно из таких.

Мартовское солнце уже всю изливает свои щедроты на пробуждающуюся к жизни природу. Небо сияет той поразительной яркостью, какая присуща ему только весной и осенью, никак не летом. Почти того же цвета, что и моё платье. Пара чистейших белых облачков в вышине – словно уголки огромного небесного платка. Мелькнула мысль, что было бы неплохо выбраться на природу: на самых солнечных полянах уже наверняка пробиваются первоцветы. О чём в это время думала Мария, я понятия не имела, но она тоже улыбнулась.

Мы переступили порог церкви: Мария, в обществе своих отца и матери. Они оба побоялись куда-то отпустить больную дочь одну.

Людей в этот час на службу пришло немного: должно быть, основная масса прихожан исполнила свой духовный долг ещё с утра. Считается, что поздняя обедня предназначена для лентяев, которым в тягость встать пораньше.

Входим под своды храма. Странно: все трое, включая Марию, вместо того, чтобы пройти прямо – в зал со скамьями, – притормаживают у левой стены. Оказывается, слева при входе размещена какая-то чаша на высоком треножнике. Родители по очереди опускают в неё кисти рук, после чего торжественно осеняют себя крестным знаменем. Мария тянется к воде последней.

...Уй! Что они туда налили?! Мы с Марией ошарашенно выдёргиваем руки из... кислоты? кипятка?! С виду так похоже на воду, но жжётся, как настоящий огонь. А почему больше никто не возмущается? Мария дует на свои покрасневшие, словно обваренные, пальцы. Переводит взгляд на родителей. Мадам и мсье де Мюссе застыли с побледневшими лицами, не сводя глаз с дочери. Они явно перепуганы, но вот с их руками, побывавшими в едкой жидкости, кажется, всё в полном порядке.

До меня начинает медленно доходить. В этой части земного шара есть такой обычай: ставить при входе в храм чашу с освящённой водой, так называемую кропильницу. Чтобы каждый входящий имел возможность омыть руки от греха, прежде чем приблизится к алтарю. Предрассудок, конечно, дикое суеверие... Как могут руки стать чище, если все полощут их в одной и той же миске? Наоборот, ещё повышаются шансы подцепить чужую инфекцию... Однако же, вот...

Для любого нормального человека жидкость в чаше – всего лишь обычная вода, не очень холодная и даже, возможно, слегка мутноватая. (Религиозные фанатики, благоговеющие перед любыми церковными атрибутами, не в счёт). Поэтому господа де Мюссе провзаимодействовали с ней без какого-либо дискомфорта. А вот их дочь...

Так вот, значит, как реагирует на святую воду человеческий организм, захваченный демоном.

М-да, ситуация осложняется...

Примолкшие, притихшие, мы проходим в боковой придел. Я вспоминаю: один алтарь – одна месса в день. В этом храме их два. По стенам должны висеть картины, изображающие крестный путь. Но я ничего не могу увидеть, потому что Мария не отрывает глаз от своих рук, кожа которых всё ещё горит. Я вынуждена чувствовать её боль. Чёрт бы побрал их всех, вместе со всем их религиозным мракобесием.

Народу мало, всего человек десять. Мы садимся на второй ряд. Возникает ощущение, будто я в театре. Сейчас распахнётся занавес, и начнётся спектакль. Занавеса, впрочем, нет... Если бы у Марии была совесть, она, хотя бы ради меня, повертела бы головой по сторонам. Но мне видна лишь часть передней скамьи, укрытые голубым подолом колени и сжатые покрасневшие кисти. Боковым зрением замечаю, как на хоры по бокам алтаря подтягиваются то ли певчие, то ли служки. Ладно, возможно, хоть споют что-нибудь жизнеутверждающее – всё веселее станет. Боль в руках постепенно отпускает. Кажется, никаких серьёзных повреждений – так, не больше, чем ожог первой степени. Через полчаса всё рассосётся бесследно. Хм, а тот, кто заряжал... пардон, освящал эту воду, был весьма крепок в своей вере. Попади он ко мне в рабочей обстановке, нам бы пришлось потягаться всерьёз. Зачёт и респект.

Не могу побороть в себе уважения к профессионализму, даже если это профессионализм конкурента и соперника.

Раздаются первые звуки хора. Поют мужчины, довольно стройно, хотя и монотонно. Настраиваюсь на полчаса унылого безделья. В конце концов, я ведь собиралась продумать текст докладной Бахамуту...

Внезапно картинка перед глазами резко меняется: это Мария вскинула голову. Молодец, девочка: пора позаботиться о ближнем, то есть обо мне (ибо кто может быть ближе человеку, чем существо, гнездящееся в его собственных мозгах?). Покажите мне шоу. Дайте жару!...

...Весь окружающий мир в единый миг перестал для меня существовать. Так просто: рассыпался разноцветной шелухой и канул в небытие. Потому что стал не нужен.

Явился ОН. Откуда ОН взялся? Вспыхнул, подобно сверхновой звезде, во мраке моего прежнего бытия? Спустился с Небес? Нет, конечно, он был всего лишь человек, и вышел из ризницы, как и положено по регламенту ритуала.

Это был ОН. Тот, кого я ждала всю жизнь. Все прочие мужчины, встречавшиеся мне в период краткого пребывания в мире людей, оказались не более, чем второстепенными персонажами, схематичными фигурками, единственное предназначение которых – своим несовершенством подчеркнуть великолепие Главного Героя.

ОН вышел к людям, в своих ниспадающих удивительных бело-фиолетовых одеяниях (белое – символ духовной чистоты, фиолетовое – знак скорби по Распятому, ведь на дворе Великий Пост). Прекрасный и сияющий. Земное воплощение великого Архистратига. Никто и ничто в поднебесном мире не могло быть прекрасней этого человека.

Нет, его голову не венчали золотистые локоны, а волосы были темны и коротко острижены. Нет, черты его лица не отличались ангельской, почти что математически выверенной, гармонией. И блистающей серебром кольчуги на нём тоже не было... Но разве это имело значение?!!! Его округлая физиономия лучилась неизбывной добротой. Он сохранял серьёзное, даже торжественное, выражение лица, приличествующее обстановке, но уголки его губ, казалось, готовы были в любой момент вспорхнуть вверх, в самой светлой из улыбок. Его фигуру в просторных, собирающихся складками одеждах сложно было оценить, но по общему абрису он производил впечатление человека стройного, поджарого. И – самый трогательный штрих к его портрету: большие выразительные глаза, обрамлённые длинными пушистыми ресницами. Таким ресницам позавидовала бы любая великосветская кокетка.

В его зрачках отражались огоньки свечей. В них отражалась вся моя никчёмная жизнь до сего момента.

Моё сердце трепыхнулось и принялось скакать, как перепуганная белка в клетке. К щекам прилила кровь. К ушам, кажется, тоже... Зато от мозгов она отхлынула вовсе. Губы сами собой приоткрылись, как будто с открытым ртом я могла лучше впитать каждое произнесённое ИМ слово. Дыхание сделалось частым и быстрым, но воздуха всё равно не хватало. Мне не хватило бы сейчас всего воздуха в этом храме, в этом городе, чтобы надышаться, чтобы напиться неземным восторгом! Если такое блаженство испытывают праведники в Раю, то я – люблю Рай!...

Мои глаза вцепились в него, как голодная собака – в кость. Как младенец – в вождленную погремушку. Я следила за малейшим его движением, малейшей переменной мимики. Я грелась в лучах его взоров.

Он был ещё так молод! Лет двадцать пять – двадцать шесть, не больше...

– Emitte lucem tuam et veritatem tuam: ipsa me deduxerunt in montem sanctum tuum et in tabernacula tua... – звучал его плавный голос, как будто негромкий, но прошивающий всё помещение до самых стен.

«Пошли свет твой и истину твою, да ведут они меня и приведут на святую гору твою и в обители твои, – беззвучно повторяла я за ним, абсолютно не задумываясь над смыслом произносимого. – Да ведут они меня и приведут в обители твои...»

– ...*Quare tristis es, anima mea, et quare conturbas me?*...

«...Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешь меня?...»

Это были слова псалма, написанного царём-поэтом ещё две с половиной тысячи лет назад и включённого в стандартный текст, произносимый священником в ходе служения мессы, но сегодня они как будто звучали для меня лично.

Кто же он? Кто ОН – неземной, сияющий??? «Отец Виктор», – выкопала я в мозгу Марии, внезапно утратившем всякую бдительность в мой адрес.

Но почему я смотрю на него? Неужели я нарушила данное Марии слово и снова взяла под контроль все её движения? Нет, к счастью, я по-прежнему подключена лишь к воспринимающим каналам. Выходит, она сама пялилась на него во все глаза всё это время?

Впрочем, да. Священник ведь центральная фигура в ходе мессы. Было бы странно, если бы благочестивая прихожанка стала смотреть на кого-то другого. Например, на министрантов. При чём тут министранты?

Как славно, что на протяжении всей службы наши с Марией намерения дивным образом совпали. Она не сводила взгляда с моего Виктора (победителя! о, да!) и не мешала мне купаться в волнах восторга.

...В какой-то момент я обнаруживаю себя стоящей на коленях в проходе между скамьями. Двое или трое человек поблизости делают то же самое, остальных я не вижу. Виктор... смотрит прямо на меня! (Его имя – как музыка. Как дуновение свежего бриза в июльский полдень). Он медленно приближается ко мне, и протягивает в мою сторону руку, сжимая в пальцах какой-то небольшой предмет, и творит им крестное знамение в воздухе предо мной.

– *Corpus Domini nostri Jesu Christi custodiant animam tuam in vitam eternam*...

Мария послушно открывает рот, как больной ребёнок, готовящийся принять от доктора пилюлю. И получает в награду... кусочек чёрствой булки. Пара движений челюстями – и крошки направляются положенным им путём, в горло, внутрь тела.

...Резкая судорога перекручивает гортань. В глазах темнеет. Воздух! Нужен воздух!! Я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть!!! Бешеный кашель рвёт грудь. Из зажмуренных глаз брызжут слёзы. Я мешком валюсь на пол (каменный, жёсткий!), под ноги повскакавшей с мест публике. Кто-нибудь, дайте воздуха! Собственный лающий, хрипящий, свистящий кашель слышу словно со стороны. Давлюсь им, давлюсь вытекающей изо рта пеной, бьюсь во внезапном припадке, лицом об камень пола...

Вокруг суетятся человеческие существа, тормозят меня, переворачивают лицом вверх. Их всех вдруг затмевают приблизившиеся ко мне серые глаза, глаза цвета весенних сумерек – единственные, чей взгляд имеет значение. Ах, если бы видеть их так вечно!...

Меня кое-как переводят в сидячее положение. Чья-то мощная длань впечатывается в мою спину промеж лопаток. Предательская крошка вылетает из трахеи прочь, вон из тела.

Спазм прекращается так же резко, как и начался. Я судорожно хватаю ртом воздух.

– Мадмуазель де Мюссе, – Виктор сидит на корточках напротив, – что с Вами? Вы уже можете дышать?

– Да, – хриплю в ответ. – Да... я... поперхнулась... кажется...

Хм. Интересно. А чего это все вокруг тарашатся на меня, как на прокажённую? И точно так же, как от прокажённой, опасно расплзаются прочь? Подальше? На самые краешки скамеек, на самые задние ряды? Вокруг меня теперь полно пустого места. Лишь отец с матерью остались рядом.

Впрочем, служба продолжается. Такое важное действие следует довести до конца.

– Отец Виктор!

Мария терпеливо дожидалась, пока закончатся все ритуальные отправления, пока все желающие обсудят со святым отцом свои животрепещущие вопросы и двинутся к выходу. Теперь её терпение было вознаграждено. Она стояла перед патером, зачем-то уставившись в пол, а поодаль жались друг к дружке встревоженные родители.

– Да, дочь моя. Вы хотите поговорить?

– Да... Да. Мне нужно исповедаться.

Это что ещё за новости? Она мне ничего не говорила о том, что собирается исповедаться! Коварная девчонка! Если святая вода ожгла меня (ну, и её тоже), словно кислота... Если крошка от святого причастия чуть меня не придушила... Интересно, чем обернётся для меня её исповедь? Впрочем, по-любому, я-то бессмертна. В отличие от неё, с её прекрасным физическим телом. И если она сейчас вдруг загнётся... Даже думать не хочется! Не видать мне ни премии, ни нового отпуска, вплоть до самого Страшного Суда. «Вот тогда и отдохнём!» – как любит шутить наш старый добрый Бахамут. «Баламут», как прозвали мы его за глаза.

С другой стороны... Исповедь – это откровенный разговор двух людей. Один на один, без свидетелей. И я сейчас буду говорить с НИМ! С НИМ!!!... Нет, не я. Мария. Тысяча чертей, я дала ей слово не вмешиваться в её действия. Значит, говорить будет она, а я – обречённо слушать, какую она понесёт ахинею про съеденный во время поста кусок колбасы. (Ой, что-то я много чего ела в последнее время...). Ну почему? Ну кто меня дёрнул за язык раздавать обещания? Недаром ведь их бренд-менеджер говорил: «Не клянись». Толковый специалист – знает, что делает. Недаром сейчас восседает одесную Самого Главного. Поговаривают, что они родственники...

А что мне мешает нарушить слово? Я демон, дух лжи, мне можно! Нет, нельзя. Ведь существует ещё Инструкция по Эксплуатации. А там ясно написано: «Пользователь обязан предоставить душе, прикрепленной для постоянного проживания в теле, право полного пользования телом, со всеми его функциями... не реже, чем каждые 72 часа, на период не менее 8 часов». Так вот, сейчас её 8 часов полного пользования телом. Я – в стороне. И в отстое...

– Исповедаться? Да, конечно. Пойдёмте.

Мы забираемся в деревянную кабинку, именуемую конфессионал. Иными словами – исповедальня. Заходим каждый со своей стороны. Какая досада: меж нами – преграда! Перегородка с частой решёткой! (Тьфу, от волнения меня, кажется, пробило не просто на очередной каламбур, а вообще на рифму). Я не могу даже видеть его, не могу заглянуть в его чудесные глаза!

Марии, впрочем, это не мешает. Даже наоборот: она начинает чувствовать себя чуть менее стеснённо. Бухается на колени (что за поза такая дурацкая, вообще не понимаю... лучше бы присесть на какую табуреточку... ну да ладно, выбирать не приходится...).

– Святой отец, я согрешила, – начинает Мария довольно бойко, но затем смолкает.

– Что случилось, дочь моя? Рассказывайте, – пытается подбодрить её Виктор. Но голос его дрожит от волнения.

– Святой отец... – снова произносит Мария. И срывается на всхлип. – Я очень грешна, наверно... То есть, что я говорю! Конечно, очень грешна! Только не знаю, в чём... Я не знаю, почему... Не понимаю... Я... Во мне...

Наконец, она делает над собой усилие и выговаривает чётко, почти по слогам:

– Во мне сидит бес.

– Я знаю, – после паузы, очень тихо отвечает священник.

– Вам уже сказали? – вздрагивает девушка. – Тот человек? Я забыла, как его зовут...

Он отвёл меня домой этой ночью, потому что бес водил меня по городу.... Этот человек, он учёный...

– Мне никто не говорил. Я сам чувствую его присутствие.

Голос Виктора звучит неуверенно, словно он сомневается, стоит ли говорить вслух о таких вещах.

– Вы... чувствуете? – выдыхает Мария.

Он – чувствует? Ещё один экстрасенс на мою голову! Один – видит, другой – чувствует!... Что творится с человеческим родом? Давно ли бродили по лесам стадом полудикого быдла?! А уже – нате вам: изобрели очки, часы и астроблюбу. И вот теперь ещё: демонов чувствовать научились!

А может, он врёт? Им, попам, положено уметь дурить людям голову. Иначе как же пасти паству? В самом деле, достаточно элементарной дедукции, чтобы сопоставить факты. Если прихожанка не способна проглотить причастие, а бьётся от него в судорогах, значит, не обошлось без вмешательства нечисти...

– Я почувствовал его... кхм.. присутствие, когда Вы... потеряли сознание, – продолжает Виктор.

– Что мне делать? – Мария, кажется, на грани истерики. – Я клянусь... клянусь, я не знаю, почему... почему оно ко мне привязалось! Я не ведьма! Вы мне верите, отец Виктор? Я никогда ничего такого... даже не думала никогда! Я не понимаю, за что... за что? Я знаю, что грешна, что виновата, иначе бы оно в меня не вошло. Но я не понимаю!!!...

– Подождите, мадмуазель де Мюссе, постарайтесь собраться с силами. Я уверен в чистоте Ваших помыслов и поступков. Я сделаю всё, что смогу, чтобы помочь Вам.

Вот вредная девчонка. Я, по её мнению – «оно»?! Да она сама – гораздо большее «оно», чем я. Ах, если б я могла сейчас говорить! И ведь ОН здесь, совсем близко, всего лишь в полуметре от меня. Я, кажется, даже чувствую его запах: смесь ритуальных благовоний, въевшихся в ткани одежд, и еле различимые индивидуальные нотки, присущие каждому живому организму. От этого сочетания кружится голова, мышцы делаются ватными, а серая повседневность превращается в феерию вечного праздника.

– Что мне делать? – снова повторяет Мария.

– Мадмуазель де Мюссе, Господь даст нам силы справиться с этим несчастьем, если Вы будете искренни и откроете Богу своё сердце. Любая мелочь может иметь значение. Вы знаете, как коварен враг, он пользуется малейшей лазейкой, чтобы пробраться в душу.

– Если бы я знала, что я делала не так, – стонет Мария. – Я готова всё рассказать, но не знаю, о чём. Всё было как обычно... Я даже на мессе с утра была! Потом вернулась, сидела дома, что-то читала... А вечером... Появилось оно. Я думала, что сошла с ума... Я ведь не сумасшедшая? Я не сумасшедшая, отец Виктор!!!

– Вы не сумасшедшая, Мари, я знаю, – тон Виктора звучит уверенно. – С людьми иногда случается такое: одержимость бесом. Только помните, что с Божьей помощью и Его именем можно справиться с любой нечистью. У дьявола нет власти над человеком, который обратится за помощью к Небесному Отцу. Вы мне верите?

– Да, – шепчет Мария.

– Мадмуазель де Мюссе, – теперь Виктор разговаривает твёрдо, решительно, как воин, вышедший на поле боя. Как врач, приступивший к операции. – Чего бес хочет от Вас?

– Хочет? – девушка выглядит растерянной. – Я не знаю. Он не говорит.

– Тогда что он заставляет Вас делать?

– Гулять, – (я чувствую, что Мария краснеет). – Гулять ночью по улицам. Знакомиться с мужчинами... играть в кости... Я плохо помню, у меня в голове словно туман...

Странно: неужели она не помнит, как мы лихо отплясывали канкан на столе в закускойной? По-моему, было весело. Да у неё всю жизнь в голове «словно туман»! И нечего обвинять меня в своих личных проблемах. Я-то, как раз, хоть внесла какое-то веселье и разнообразие в её монотонное существование.

– Он разговаривает с Вами? Чёрт?

– Не помню, – Мария совсем теряется. – Он что-то говорил... Пойдите! Он говорил, но не со мной, а с тем человеком... С учёным, который привёл меня домой. Учёный поговорил с ним, и демон разрешил мне пойти к обеду. Кажется, демон его немного слушается...

(О, тысяча чертей, как тяжело бездействовать! Демон – «слушается»! Да они, вообще, представляют, с кем имеют дело?! Они – примитивные куски мяса, перемешанного с эфиром, топливо для нашей Геенны! Единственный смысл их существования – накопить в себе побольше духовного дерьма, чтобы жарче гореть потом в нашем костерке. Дрова!!!... Демон – «слушается»... Это надо же!...).

– Мадмуазель де Мюссе, если Вы позволите, я могу попытаться поговорить с демоном. Чтобы узнать, чего он хочет.

– Поговорить? – Мария на минуту задумывается. – Но ведь тогда он... оно... вернётся? И я не смогу собой управлять. Оно... снова будет управлять мной!

– Я не могу на этом настаивать, мадмуазель де Мюссе. Но я чувствую: для того, чтобы от него избавиться, рано или поздно придётся вступить с ним в разговор. Если сейчас Вы не готовы...

– Нет! – торопливо возражает Мария. – Нет, лучше пусть сейчас, сразу. Потом будет ещё страшнее. Он всё равно обещал вернуться... вечером... Здесь, в церкви, хоть не так страшно...

– Сейчас... молитесь Господу, чтобы Он дал Вам сил.

– Да...

Виктор медлит. Прокашливается. Мария цепенеет в тихом ужасе. (Фи, как же эти люди потеют от страха... Вечером нужно принять ванну...).

– Именем Господа нашего Иисуса Христа, – начинает Виктор сдавленно.

Слабый электрический удар мне в спину. А заодно – Марии де Мюссе. Ну, я-то, положим, привычная... А вот бедная девушка прямо подскочила на месте. Не столько от боли, сколько от неожиданности.

– Приказываю тебе, демон ада, вселившийся в тело Марии де Мюссе: отвечай! – заканчивает обращение священник.

Я беру управление двигательной системой. Наконец-то! Сейчас я всё скажу!

– Да, – лепечут губы.

– Ты – демон? – переспрашивает святой отец с сомнением.

– Да, – снова с трудом выдавливаю я. Кажется, мой голос сейчас звучит тише, чем у Марии.

Что со мной происходит? Отчего враз пересохло во рту? Отчего язык еле ворочается, будто стал тяжёл, как жернов? Нервно облизываю сухие губы. Пытаюсь упорядочить сбивающееся дыхание. Вытираю о юбку потные ладони.

– Назови своё имя, – велит Виктор.

– На... – (сглатываю слюну, она ужасно вязкая и никак не хочет сглатываться). – На... – (в горле стоит ком, и голос срывается на фальцет). – Натанаэль.

О, ужас! Я теперь ещё и заикаюсь? Хорошо хоть темно, и никто не видит моего лица.

– Нананатанаэль? – не понимает Виктор.

– Да нет же! – воплю в отчаянии. – Моё имя – Натанаэль! Я – демон воздуха.

– Зачем ты мучаешь душу несчастной Марии? – продолжает допрашивать невидимый Светоч моей жизни.

– Никого я не мучаю, – обижаюсь я. – Я прошла в её тело на законных основаниях. Я буду жить в нём год и не причиню ей вреда...

– Что нужно тебе, чтобы ты ушёл и оставил в покое её тело и душу?

«Что нужно тебе?» – эхом звучит в ушах его вопрос. «Тебя!» – бешено выстукивает сердце, насакивая на рёбра так, словно мечтает их выбить и вырваться вон из своей вечной темницы. Я даже никак не реагирую на то, что он обращается ко мне в мужском лице. Что нужно мне?

– Мне-е-е... нужно... – жалко блею, не в силах связать двух слов, которые застряли в горле. – Не твоё дело.

– Демон Натанаэль, – голос Виктора набирает силу, – именем Господа приказываю тебе ответить! Что тебе нужно, чтобы ты навсегда покинул Марию де Мюссе?!

– Да пошёл ты, штопаный гандон! – выпаливает мой высокоинтеллектуальный речевой аппарат.

Что же теперь будет? Что я наделала?! Он теперь никогда не захочет говорить со мной! Мои мозги тонут в том самом тумане, о котором несколько минут назад упоминала Мария. Я валюсь с высот Олимпа в бездну отчаяния. Бежать, спрятаться, подальше укрыть свой позор! Ниже ума, глубже мыслей, в тёмный угол, забиться, свернуться, зажмуриться, вжаться. Меня нет!

– Отец Виктор, – голос Марии удивлённый и... обрадованный. – Демон... он, кажется, ушёл. А что такое... га-а-ан-до-о-он?...»

Эпизод 8. «Война полов»

«Свет
Озарил мою больную душу!»...
Нет, не так.
«Рай!
Обещают рай твои объятия!»¹.
И это тоже.

И тысячи, сотни тысяч других эпитетов, из сочинений всех поэтов всех времён и народов. Как объяснить единственному в мире человеку, что он для меня... словно восход Солнца над океаном? Словно полная Луна над тихим омутом лесного озера? Словно все краски мира, все вкусы и запахи, всё тепло и нежность?

Вот уже пятый день мы с Марией пребываем в некоей обволакивающей, растворяющей, дурманящей протрации. Она – потому что это, похоже, вообще основное состояние её ума. А я... глупею на глазах? И мне это нравится?

Каждый день с утра мы ходим на мессу. О, как чудесна месса, когда её служит ОН! Я люблю всех ангелов, святых и всю дирекцию Небесной Канцелярии. (Тем более, что давно уже поговаривают, будто и наши, и их акции сходятся в единых руках. А наша, якобы, конкуренция – лишь байки, для стимуляции трудового энтузиазма рядовых сотрудников. Все знают, что право последнего слова всегда остаётся за Самым Главным. Об этом просто не принято говорить вслух. Особенно в присутствии Главного).

Вчера мы с Марией ошиблись и явились к ранней обедне. Её проводил другой священник. Какой-то лысый желчный тип, рано начавший стареть. Мне он не понравился. Мы дождались второй обедни, поздней. В нашем любимом уютном боковом приделе. Пока ждали – рассматривали картинки Крестного Пути, размещённые вдоль стен. Несколько лубочно, но в целом – мило.

А потом были полчаса неземного блаженства. Мы с Марией неотрывно созерцали Единственного. Слышали музыку его проникновенного баритона. Причащаться, правда, не стали: жить-то хочется.

Мария, кажется, видит в нём свою единственную надежду на спасение. От меня. В стенах храма, рядом со святым отцом, она чувствует некоторую защиту. Глупая: как будто моленные тексты на мёртвой латыни способны чем-то мне навредить. Как будто опиум для народа, именуемый религией, способен стать отравой для крысы, именуемой демоном!

Если я и веду себя в последнее время сдержанно, так только потому, что сама этого хочу. И... мне немного стыдно за допущенную давеча бестактность. Я могла бы даже извиниться... Но... Он меня смутил! Я не виновата! Просто сорвалось с языка, от неожиданности, первое, что пришло в голову! Я вовсе не собиралась никого оскорбить. Просто перенервничала.

Нет. Не буду извиняться.

После мессы мы каждый день подолгу гуляем в парке. В том самом парке, где мы познакомились с плутом Фламмелем. Говоря «мы», я имею в виду себя и Марию. В последнее время мы неплохо ладим. Я – всё больше покачиваюсь на волнах сладостных грёз. Она... Да кто ж её разберёт? Я не читаю в душах. Может, строит коварные планы, как от меня избавиться. Пусть делает, что хочет – лишь бы не мешала!

¹ «Свет озарил мою больную душу... Рай – обещают рай твои объятия!». Строки из песни «Belle», мюзикл «Собор Парижской Богоматери».

Родители, кажется, тоже довольны переменой в состоянии дочери. По крайней мере, кормят сытно и в душу лезть не пытаются.

...Парк оказался совсем близко к храму: минут десять ходьбы. Он больше походит на одичавший старый сад или чуть уприличенный лес, чем на творение рук цивилизованных горожан. Может, здесь когда-то и впрямь был чей-то сад... Старые флегматичные деревья прожили на белом свете никак не меньше сотни лет. Липы, каштаны, клёны, дубы. Они уводят дух от мирской суеты к вечному. Я начинаю думать, что существуют в дикой природе такие уголки, из которых каждый – в гораздо большей степени храм, нежели любой храм, сооружённый человеческими руками. Каждая травинка, каждая трещина на коре, каждый лист воспевают Создателя гораздо проникновеннее, чем любой григорианский хор. Возможно, я сужу предвзято, из-за того, что никогда не питала к людям особой симпатии.

Ко всем, кроме одного.

...По земле в разные стороны петляют посыпанные гравийным щебнем дорожки. Они изящно выются, огибая купы деревьев. Поэтому, откуда бы ни шёл в твою сторону человек, всегда получается, что он появляется из-за поворота.

Народу в парке мало, особенно днём. Работающему люду некогда здесь шастать, а обеспеченные бездельники находят себе места поинтереснее.

Иногда вдоль дорожек встречаются скамьи. Они деревянные и тоже старые, подобно всему остальному парку. В некоторых выломаны отдельные доски. Но я... нет, Мария нашла одну целую. Похоже, местная обстановка ей знакома. Наверно, она уже бывала здесь раньше.

Она всё время выходит к этой скамье. За спинкой скамейки сплетаются ветвями разросшиеся кусты. Они гораздо выше человеческого роста; а когда покроются листвой, то, видимо, превратятся в подобие нерукотворной зелёной беседки, способной скрыть многое от посторонних глаз. Ну, так и есть: Мария вспоминает, как пряталась здесь в детстве от няньки. С тех пор кусты стали ещё гуще...

...Из-за поворота дорожки показался человек. Среднего роста, худощавый, одетый во всё чёрное. Лет тридцати или около того. Колдун, чернокнижник и алхимик. Учёный. Николая Фламмель. Он неторопливо шагает, рассеянно глядя по сторонам и постукивая по земле длинным прутиком. Улыбается своим мыслям.

– Эй! Привет! – окликнула я его. – Привет, господин колдун!

Фламмель остановился возле скамьи, где я сидела.

– А-а... Привет. И Вам доброго здоровья, мадмуазель де Мюссе... Ты что тут делаешь?

– А как ты думаешь?

– Не знаю. Может быть, поджидаешь очередную жертву?

В иной раз я бы, возможно, возмутилась его высказыванием. Но только не сегодня. Сегодня я была добрая.

– Вот ты хочешь меня обидеть, Фламмель, а зря. Я ведь не только гадости делать могу. Сейчас, например, я готова обнять весь мир. Во мне звучит музыка! Ты считаешь, что я сижу в засаде, а я просто люблю природу и радуюсь солнышку. Посмотри, как скамейка нагрелась.

– Ох, не верю я в безобидных демонов, – скептически качает головой колдун.

– Вот, послушай, – я пытаюсь выхватить из эфирных потоков, сквозящих в моём уме, что-нибудь более-менее складное. – Послушай:

«Прикосновение к божеству!

Прикосновение к торжеству!

Прикосновение к волшебству!

Ах, нет... я не переживу!»

– Это что? – с подозрением спрашивает Фламмель.

– Это? – я отчего-то смущаюсь. – Это стихи... Слова в рифму.

– Слова в рифму? – Фламмель с изумлением присвистывает. – Да, душевные расстройства бывают иногда заразительны...

– Кстати, о расстройствах, – вспоминаю я. – Как там наша больная?

– Сейчас, – Фламмель делается сосредоточенным.

Я вся непроизвольно передёргиваюсь, когда ультрафиолет его взгляда прожигает моё нутро. К счастью, это очень быстро заканчивается.

– А всё не так уж плохо, – удивлённо сообщает Фламмель. – Я думал, будет хуже.

– В смысле? Она поправилась?

– Ну, как сказать... Вы с ней как-то умудрились друг к другу приспособиться. Нашли некое динамическое равновесие.

– И что теперь? Она уже не сойдёт с ума?

– Риск ещё есть. Но уже не такой высокий, как поначалу. Если ты поумеришь свою активность, у неё есть шансы продержаться.

Не скажу, чтобы выражение «поумеришь активность» сильно меня обрадовало. Я и так в последние дни веду почти растительный образ жизни. Куда уж умеряться-то!

– Послушайте, мадмуазель де Мюссе, – Фламмель говорит как будто мне в лицо, но смотрит сквозь меня. – Время Ваших... э-э-э... неприятностей уменьшается с каждым днём. Демон уйдёт в строго определённый срок. Осталось одиннадцать с половиной месяцев – меньше года! Наберитесь мужества и терпения, и Вы останетесь в полном порядке. Вы меня понимаете?

Моя голова слабо дёрнулась против моей воли. Мария кивнула, что ли? Да, что-то я совсем контроль ослабила...

...Фламмель ушёл, а я осталась в смятении чувств. Его последние высказывания напрочь снесли и смяли моё безмятежное расположение духа. «Время... уменьшается с каждым днём... Осталось одиннадцать с половиной месяцев!». Моё земное время уменьшается с каждым днём, с каждой минутой, каждой секундой! И плевать-то на тело – жила я и без него, оно даже взлететь не способно. Страшно другое: безвозвратно теряется время, которое я могла бы провести с НИМ! С моим Виктором (победителем)! Теряются мгновения неопишуемых наслаждений. Безграничного счастья. Как измерить, сколько счастья я уже потеряла из-за своей непрости-тельной медлительности?!

Я вдруг осознала, что машинально глажу рукой шероховатую доску скамьи, как могла бы гладить бархатную кожу ЕГО рук. Я узнала, что кожа у него бархатная, потому что Мария прикасалась к его пальцам, когда целовала их.

Счастливая! Всё ей! Хотя для неё это действие – всего лишь дань обычаям. Ритуал демонстрации почтения. Гомагиум, выражаясь по-научному. Вассал выражает почтение феодалу, adept религии – духовному пастырю. Так принято в их обществе. Целование руки другому человеку символизирует признание его превосходства и собственной готовности подчиниться.

Всего лишь обычай. Такой же, как снимать шляпу при встрече или отвешивать почтительный поклон.

...Так что же я сию?! Нельзя больше терять ни минуты. Нужно бежать, рассказать всё ЕМУ и отдаться обоюдному счастью целиком, с головой.

Я вскакиваю на ноги... и цепенею. Ну, хорошо, допустим, через пять минут я буду в храме, рядом с НИМ. Взгляну в его лицо. Или брошусь к его ногам. Неважно. А дальше?

Я легко могу накатать сколько угодно докладных Бахамуту. Я даже могу сочинить развёрнутую объяснительную самому Ваалу, главе нашего Департамента. И мне хватит широты моего лексикона, хватит умения обращаться с речевыми оборотами.

Но когда дело доходит до того, чтобы сообщить одному-единственному жалкому человеку о своих чувствах... Куда пропадает мой богатый словарный запас???

Делаю шаг. Останавливаюсь. Разворачиваюсь и иду в противоположную сторону. Потом бегу.

...Я догнала Фламмеля у дверей его дома. Чутьё помогло мне не сбиться со следа. Фламмель как раз ковырялся ключом в замке. Он нервно шархнул в сторону, когда я подскочила к нему с разбегу.

– Ты что? С ума сошла?

– Надо поговорить, – выпалила я, тяжело дыша.

– Кому надо? Мне, например, не надо.

– Мне надо.

– Может, потом как-нибудь?

– Нет. Время уходит.

– Ну, заходи, что ли, – колдун галантно пропустил меня вперёд, в дом.

Я остановилась на пороге.

– Ты разрешаешь мне войти, сам, по доброй воле?

В принципе, в дом к человеку можно заходить и без этой старинной формулы. Но утвердительный ответ даст мне возможность вернуться в любое время, уже не спрашивая согласия хозяина.

– Да ладно уж, по доброй, проходи давай.

Небольшой двухэтажный каменный домик целиком принадлежал Фламмелю. Внутри оказалось довольно уютно, хотя и немного пыльно. Хозяин бросил плащ на вешалку в прихожей и провёл меня наверх, в гостиную.

...Он сразу повалился в кресло-качалку возле камина. А я остановилась посреди комнаты, изучая обстановку. Просторное помещение служило одновременно и гостиной, и столовой. А также, похоже, и рабочим кабинетом, и, зачастую, спальней. Слева от входа размещался упомянутый уже камин – массивный, внушительных размеров, отделанный каким-то серым камнем. Справа, в глубине, у дальней стены, стоял широкий диван, застеленный красно-коричневым покрывалом. Над диваном висел не менее широкий, не первой свежести, гобелен с изображением сцены охоты.

Стена напротив двери выходила двумя окнами на улицу. И, наконец, в свободных промежутках по периметру комнаты располагались несколько стеллажей, заваленных всяким хламом. Я разглядела бумажные листы, книги, свитки, какие-то невыразительные коробочки, образцы минералов, алхимическую посуду, чучела мелких животных, несколько письменных приборов... Дальше я глядеть не стала. Женская рука явно не притрагивалась ко всему этому великолепию. Вся обстановка в доме выдавала во Фламмеле закоренелого холостяка.

В центре комнаты, на почётном месте, важно располагался большой овальный стол из тёмного полированного дерева. А вокруг него – четыре стула с высокими спинками, из того же материала. На столе попеременно валялись листы с рукописными текстами. Проследив за направлением моего взгляда, Фламмель не поленился подняться. Он аккуратно сгрёб листы в стопку и переложил на каминную полку. После чего вернулся на прежнее место.

Я снова взглянула на камин. На его полке разместилась целая кунсткамера в миниатюре. Здесь бок о бок вытянулись в ряд, по-порядку: статуя многорукого индийского божества с лицом слона; ярко раскрашенная маска шамана из племени, обитающего на другом континенте; резная шкатулка; чернильница с пером; кастрюлька с длинной ручкой, используемая

некоторыми народами для приготовления напитка «кофе»; склянка тёмного стекла с притёртой стеклянной же пробкой; вазочка с печеньем. И, с краю, довольно крупный серый булыжник неправильной формы.

Булыжник почему-то привлёк моё особое внимание. То ли своей неуместностью в жилище учёного человека... То ли напомнил о чём-то... Прихотливостью изгибов и выщербин своей поверхности он располагал досужего наблюдателя к философским размышлениям о смысле бытия.

Огня в камине, естественно, не было, ибо никто не потрудился заняться его разведением. Среди углей тускло отсвечивал металлическим боком небольшой тигель, установленный на треножнике. (Для тех, кто никогда не увлекался ни алхимией, ни тяжёлой промышленностью, поясню: тигель – это такая посуда конической формы, сужающаяся книзу, с толстыми стенками, предназначенная для расплавления тугоплавких веществ. Все уважающие себя алхимики и чернокнижники пытаются в тиглях переплавлять свинец в золото. Для тех, кто знаком с законами физики, совершенно очевидно, что такое превращение невозможно без ядерного синтеза. А для организации полноценного ядерного синтеза огня и тигля, как правило, мало-вато. Нужен ещё хотя бы философский камень...).

Из любопытства я подошла поближе к камину и заглянула внутрь, чтобы узнать, что за варево готовил мой колдун. На дне тигля, сквозь слой копоти, поблескивал свеженький слиток золота.

– Испачкаешься, – предупредил Фламмель. – Там копоти полно. Давно не чистил.

– Ты зачем золото в камине держишь? – только и смогла спросить я. В памяти всплыли недавние визиты к ювелирам. Поди, уже волосы на себе рвут с горя, бедолаги...

– А что? – невинно поинтересовался хозяин дома.

– Украдут же!

– Ерунда, – отмахнулся Фламмель.

– Ну, как знаешь, – я вернулась к столу и расположилась на одном из стульев. Стул был жёсткий.

– Кофе хочешь? – смилостивился хозяин.

– Спрашиваешь! Кстати, где взял?

– Мне из Турции привозят. Знакомые, с оказией.

– Что-то я больше ни у кого здесь, в городе, его не видела.

– А его здесь не пьют. Не принято как-то... Может, возить дорого... Да и вкус – на любителя.

Разговор возобновился, когда Фламмель пододвинул мне чашечку с ароматной чёрной жидкостью.

– У тебя, кажется, дело ко мне какое-то было. Срочное, – напомнил он.

– Ах, да, – я так зацепилась мыслями за золото в камине, что почти позабыла о первоначальной цели своего визита.

– Да... – я медлила, не зная, как начать разговор. – Как у вас, людей, принято объясняться в любви? – рубанула я, наконец, с плеча.

– Что??? – Фламмель вскинул брови. – Зачем тебе это?

Я ждала такого вопроса. И не могла дать на него вразумительный ответ. Не стану же я, в самом деле, делиться переживаниями с потенциальным клиентом. Да что там с клиентом – возможно даже с будущим рабом! Ибо он – нужно постоянно об этом помнить – чернокнижник, а, стало быть, готов продать свою душу любому более-менее сметливому дьяволу. Почему бы не мне? В своё время... Пока просто некогда этим заниматься.

– Так, любопытно, – отвечала я, стараясь казаться невозмутимой, и в то же время – не в силах скрыть раздражение. – Уж коль скоро я живу среди вас... Хочу узнать о вас побольше.

– А кто тебе объясняться собрался?

Нет, ну он мужчина или базарная сплетница? Неужели он не видит, что дама желает оградить свою личную жизнь от обсуждения?!

– Много претендентов, – бросила я высокомерно.

– Те стражники? Которые приставали к тебе ночью в парке?

Пока я размышляла, как бы так выразительнее объяснить человеку, насколько страшен воздушный демон в гневе, Фламмель допил свой кофе. Внезапно он вскочил на ноги и рухнул передо мной на одно колено.

– Мадам! – Фламмель прижал левую ладонь к своему сердцу, а правой ловко уловил мою руку. – То есть, мадмуазель! Вся моя прежняя жизнь была подобна жаркой бесплодной пустыне. Под палящим солнцем брёл я к неведомой обетованной земле, как одинокий паладин. И в тот миг, когда я уже готов был переступить грань отчаяния, утратив всякую надежду на спасение, Вы предстали передо мной, как животворный оазис! Вы и есть животворный оазис в пустыне моего одиночества. В Ваших руках сплетаются все нити моей судьбы. Вы – мой утраченный рай! Позвольте же припасть к Вам, как к неиссякающему источнику благодати. Позвольте покаянному грешнику вернуться в небесные чертоги!

Фламмель поглядел в моё оторопелое лицо своими честными глазами и запечатлел на моей кисти горячий, хотя и несколько театральный, поцелуй.

– Вот, примерно так, – сообщил он будничным тоном, встав и отряхивая колено.

– И что? – поинтересовалась я осторожно.

– В большинстве случаев срабатывает.

– В большинстве случаев?!

– В семи – восьми случаях из десяти, – уточнил он.

– А остальные... два – три?

– У них принципы. Или проблемы со здоровьем. Всяко случается...

Я задумалась. Вообще-то, его информация была мало применима к моей ситуации.

– Ладно, я поняла, – заговорила я. – Так в вашем мире мужчина объясняется с женщиной.

А если... наоборот?

– Наоборот? – колдун выглядел озадаченным. – Не, наоборот не получится.

– Почему?

– Видишь ли... Женщина – такое существо... В ней слишком много вашего, дьявольского. Она никогда сама не признается. Будет молчать до последнего. Намекать – это пожалуйста: взглядами, вздохами, телодвижениями, выражением лица... Одеждой... – (Фламмель покосился в вырез моего платья. Однако, там ничего особо вызывающего не просматривалось. Всё самое ценное было надёжно скрыто). – Но вот чтобы прямо сообщить обо всём словами – никогда!

– Но почему?!

– А чтобы высосать все соки у своей несчастной жертвы. И переложить всю ответственность.

– Как это?

– Ну, понимаешь... Сначала мужчина, имевший несчастье поддаться влечениям, героически молчит и ждёт, пока женщина рухнет в его объятия. Потому что по ней видно, что она уже полностью созрела. Сам-то он уже давно созрел и готов к активному, так сказать, взаимодействию... Их отношениям ничто не препятствует, так как, предположим, оба свободны, то есть, не скованы ни узами брака, ни какими другими обетами. Однако, время идёт, но ничего не происходит: дама лишь одаряет его загадочными взглядами и томными улыбками, а в исключительных случаях – нежным пожатием руки. В конце концов, мужчина, как человек дела, заявляет: сударыня, к чему терять время, мы ведь оба прекрасно понимаем... Она отвечает: да. И оба предаются акту любви.

– Ну?

– Гну! Наутро он узнаёт, что является коварным соблазнителем. А знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что она ему сообщает: «Мы созданы друг для друга. Такая великая любовь, как наша, не могла возникнуть без Божьего промысла. Значит, мы предназначены друг другу Богом, и наш союз задуман на Небесах. Значит, мы обязаны пожениться, чтобы остаться вместе навсегда».

– А-а... – у меня, в принципе, не было аргументов, чтобы возразить.

– Да, но! – продолжал, разгорячившись, Фламмель. – А что прикажете делать бедному кавалеру? Помышлял ли он, что единая ночь наслаждений повлечёт за собой столь глобальные последствия?

– А-а... разве нет?

– Так в том-то и дело! Он ведь как рассуждает? «Она – хочет, я – хочу. Обменяем взаимное желание на взаимное удовольствие». Верно?

– Э-э...

– И разве же может он помыслить, что в её понимании обмен должен длиться до самой гробовой доски? Всю оставшуюся жизнь?

Я задумалась. Колдун поднял непростые вопросы.

– Вот и я говорю, – продолжил Фламмель устало. – Он, мужчина, думает: «Я отдал ей всё, что мог. Чего же ей ещё надо?». О чём думает она – известно только Богу. Но если мужчина на ней немедленно не женился, на нём повисает клеймо: подлец. Так называют его её подружки, её тётушки, её соседки и прочая свора. Сама же прелестница будет утверждать, что он застиг её в минуту слабости, каковой слабостью и беззастенчиво воспользовался.

– А разве нет? – наивно вопрошаю я снова. Кажется, повторяюсь.

– В том-то и дело! – Фламмель многозначительно поднимает указательный палец. – Весь парадокс в том, что у несчастного соблазнителя не было выбора. Что, по-твоему, случилось бы, если бы он отказал даме в близости в минуту её так называемой «слабости»?

– Ничего бы не было?

– Был бы кошмар! Ужас, подобный которому не встретишь даже в вашей преисподней! Женщина этого не прощает никогда. Она бы его возненавидела всеми фибрами своей тонкой ранимой души! Он стал бы для неё личным кровным врагом на всю оставшуюся жизнь. Женщина, отвергнутая возлюбленным, мстит беспощадно! Она способна стереть его в порошок. Сосуд дьявола, что и говорить...

Фламмель сокрушённо замолк. Я переваривала информацию. Картинка вырисовывалась мрачноватая. Со слов Фламмеля получалось, что у мужчины, коль скоро его угораздит воспылать нежными чувствами к какой-либо особе женского пола, вообще нет шансов на благоприятный исход. Он либо получит отказ и вынужден будет страдать от неразделённого чувства, либо заработает репутацию негодяя, либо... Оставалось только выяснить, чем так страшно состояние, именуемое «брак».

– А чем же грозит мужчине брак? – осторожно спросила я. Интуиция подсказывала, что сейчас я услышу какое-то жуткое откровение.

– Чем грозит? В худшем случае, это несколько десятков лет жизни бок о бок, в наитеснейшем контакте, с совершенно чужим человеком. Совершенно чужим, понимаешь?... Возьмём такой пример. Допустим, мы с тобой поженились и обречены прожить вместе лет сорок. А то и все пятьдесят. Как тебе такая перспектива?

– Ну уж нет! – вырвалось у меня. – То есть, я хочу сказать: у меня на ближайшие пятьдесят лет несколько иные планы.

– Вот именно! – обрадовался чернокнижник. – И у меня тоже! Но женщина... Женщина этого не поймёт. У неё же другие цели, другое мироощущение. Допустим, мужчина питает

интерес к философии и... некоторым научным изысканиям. А то бывшее ребро, та дочь Евы, которую он имел неосторожность заполучить в супруги? Её с той же силой влекут золото, шелка и парча. Я не говорю, что философия – хорошо, а тряпки – плохо. Всё может быть хорошо, в надлежащее время в надлежащем месте. Но, сведённые воедино, смешанные в общее блюдо, они вызовут сильнейшее отравление у обоих! Ты понимаешь мою аллегория?

– Если я правильно поняла, при таком механическом соединении противоположностей ни мужчина не сможет с толком предаться своим занятиям, ни женщина не получит желаемое количество драгоценностей и нарядов?

– Примерно так, – вздохнул Фламмель. – Причём оба обвинят друг друга в своей неудовлетворённости. Каждый будет видеть в своей так называемой «второй половине» не собрата по несчастью, а источник своих бед!

– Какой ужас! – выдохнула я. – Неужто люди настолько слепы? Неужто нельзя как-то договориться по-хорошему?!

– Никак нельзя, – сокрушённо покачал головой Фламмель. – Война полов. Там, где вступают в бой половые взаимоотношения, нет места здравому смыслу.

– Но, погоди... погоди! Ведь они же в самом начале испытывали друг к другу что-то хорошее? Влечение какое-то, симпатию? Куда же оно девается? Неужели нельзя его в себе сохранить?

Фламмель красноречиво развёл руками.

– Попробую проиллюстрировать ещё на одном примере, – предложил он. – Возьмём условно опять же тебя и меня. Допустим, мы поженились, и ты, как супруга, вошла в мой дом законной хозяйкой. Ты, как хозяйка, хранишь в этом доме уют и порядок. Ты каждый день бываешь в этой комнате. Скажи пожалуйста, ты оставишь её в первоизданном виде?

Вживаясь в роль, я скептически окинула взором хлам на стеллажах. Фламмель всё понял без слов, по выражению моего лица.

– В первый же день хозяйствования ты выкинешь отсюда как минимум половину, – продолжил он. – После чего я не смогу отыскать ни одного нужного мне предмета. Более того. Сейчас эта комната для меня больше, чем просто жильё. Даже больше, чем рабочий кабинет. Это... своего рода святилище. Место обретения душевной гармонии и приобщения к высшим таинствам. И стол – как алтарь. И чернильница – как потир. И чернила в ней – не просто чернила; в момент священнодействия они мистическим образом превращаются в кровь... Пусть не Христову, но в мою собственную... А теперь вообрази, что орда иноверцев (а одна женщина стоит целой орды!) врывается в сей храм. У них – у неё – иная вера и иные атрибуты культа. Ты, конечно, понимаешь, что про веру я говорю здесь аллегорически, и для всего прочего общества мы с супругой оба будем честными католиками. Так вот, сюда является женщина, неся в душе свою собственную веру. И для неё сие помещение предстанет не величественным храмом, а простой захлавленной кладовкой. Каковой, возможно, и является в действительности... Как ты думаешь: как отреагирует супруга на мои гневные вопли, когда я столкнусь в этой комнате с результатами её усилий (заметь, вполне искренних!) по созданию уюта?

– Боюсь ошибиться... Но, как мне кажется, она не совсем поймёт причину твоего гнева. Может, даже обидится... Сочтёт тебя невоспитанным хамом...

– Не может, а точно. А в итоге: пара – тройка таких сцен, и прежние тёплые чувства развеются без следа. Что же придёт им на смену?

– Да, что?

– Разочарование. Раздражение. Досада. Поиски виновного. А виновный очень скоро будет найден, и ты уже знаешь, кто им окажется. А следом появится намерение настоять на своём любой ценой. И отомстить за «поруганную жизнь», из которой бесследно пропало счастье.

– Как на войне?

– Хуже. Если войну ведут не фанатики, а зрелые взрослые мужи, они всегда соотносят возможный выигрыш и цену, которую придётся за него платить. И, если цена слишком высока, отказываются от выигрыша. Так вот, в браке нет места зрелому здравому смыслу. В браке все становятся фанатиками.

Мы оба скорбно помолчали. Воистину, мир людей открывался мне как бесконечная юдоль страданий.

– В войнах фанатиков нет победителей, – закончил мысль Фламмель. – Даже если внешне кто-то одерживает верх, в глубине души он остаётся несчастен. А зачем нужна такая победа, которая не делает счастливым?... Чем же всё кончается? Нервные расстройства, моральная деградация, адюльтеры, болезни, смерть...

– Постой-ка! Ты, кажется, сказал, что всеми этими кошмарами брак грозит в худшем случае, – вспомнила я. – А что же тогда бывает в лучшем? Надежда всё-таки есть?!!

– В лучшем? А в лучшем случае кто-нибудь из супругов оказывается настолько мудр, что умирает вскорости после свадьбы. Этим он выигрывает всё. Срывает банк, так сказать. Ибо навеки остаётся чистым и прекрасным для своей вдовствующей половины. Воплощением всех добродетелей. И его достоинства с каждым годом, миновавшим с момента смерти, лишь ярче воссияют в памяти близких. Так и до святости недалеко...

...Я уходила от Фламмеля в сильнейшем смятении. Чтобы иметь возможность хорошенько обдумать дальнейшие действия, я выбрала самую длинную дорогу к дому. Ибо размеренная ходьба как нельзя лучше способствует упорядочению процессов мышления. Но хоть ноги мои ступали твёрдо и ровно, мысли всё равно безнадежно путались. Единственное, что я прочно для себя уяснила: действовать нужно решительно и быстро. Я не могу терять своё бесценное земное время, дожидаясь, пока Виктор преодолеет свойственные его мужскому полу колебания и сомнения в целесообразности инициирования любовных взаимоотношений. Ему, может, и некуда спешить, у него впереди ещё вся жизнь, а у меня – только одиннадцать с половиной месяцев.

Эпизод 9. «Ветер дует туда, куда прикажет тот, кто верит в себя»

*«Воздух выдержит только тех
Только тех, кто верит в себя.
И ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто...»*

«Наутилус Помпилиус». Песня «Воздух».

Это был мой день. Сегодня к мессе шла я – я сама. Нельзя было допустить, чтобы Мария всё испортила. Я решила рассказать Виктору о своих чувствах начистоту, не дожидаясь, пока он догадается о них по томным вздохам, жарким взглядам и глубине моего декольте. Этим я избавлю нас обоих от томительных недомолвок и мучительных ожиданий... От расшатывающей нервы неопределённости.

– ...Святой Михаил Архангел, защити нас в борьбе; против козней и напастей дьявола будь нам опорой. Да повелит ему Бог, смиренно молимся. Ты же, небесного воинства начальник, Божественною силою низвергни в преисподнюю сатану и прочих блуждающих в мире на погибель душам коварных духов. Аминь.

Смолкли под сводами последние звуки ЕГО голоса. Разошлись прихожане – топая, шаркая, вполголоса переговариваясь. Виктор заметил, что я осталась, и сам подошёл.

– Как Ваши дела, мадмуазель де Мюссе? Как Вы себя чувствуете?

– Нам надо поговорить. Наедине.

Виктор поспешно огляделся.

– Все уже ушли. Здесь никого нет, кроме нас, – сообщил он.

Я колебалась. Вести задуманный мной разговор в центральном зале, перед главным алтарём, куда в любую минуту может прийти кто-нибудь из служителей или мирян, представлялось не очень удобным. Виктор уловил мои сомнения.

– Давайте пройдем в часовню, – предложил он.

Под часовней подразумевалось боковое помещение слева от главного входа. Там действительно уютней: создаётся атмосфера некой обособленности. Единственным свидетелем разговора выступает распятый человеческий Мессия на стене. Он надёжный парень, никому не проболтается. Тем более, что он – всего лишь отлитая из металла фигура.

Мы с Виктором оказались лицом друг к другу. Он смотрел на меня участливо.

– Что случилось, мадмуазель де Мюссе? Что бы ни произошло, Вы можете на меня положиться.

Дальше тянуть не имело смысла.

– Виктор, – я взглянула прямо ему в лицо. – Я – Натанаэль. Воздушный демон. Сейчас с тобой говорю именно я, только я, от своего собственного имени, – я заметила, как он побледнел. – Ты должен кое-что знать. Видишь ли... Я не так уж часто имею дело с живыми людьми. И не так уж долго живу на земле, среди вас... Но из всех, кого я успела узнать... так оказалось, что ты – самый лучший. Ты, вроде бы, такой же, как они... И – не такой. Не могу выразить, чем ты от них отличаешься. В тебе всё прекрасно. Я радуюсь, когда тебя вижу. Я счастлива, когда о тебе думаю. Твой голос звучит для меня, как лучшая музыка. Мне кажется, ты очень добрый... У тебя добрые глаза. И улыбка. Я знаю, это не то качество, которое мы больше всего

ценим в людях. Но сейчас я не на работе, и мне не нужно тебя оценивать. Мне кажется... Кажется, я тебя люблю.

Не знаю, что я ожидала услышать в ответ. Виктор молчал – по-моему, в ужасе от происходящего. Внезапно мне подумалось: уж не усомнился ли он, что с ним говорю именно я? Вдруг он решил, что Мария зачем-то его разыгрывает, изъясняясь от моего имени? Тогда он действительно в щекотливом положении: ведь он может быть откровенен со мной – но не с ней. Как я могла упустить из виду: он привык воспринимать человеческое тело, стоящее перед ним, только в качестве своей прихожанки Марии де Мюссе. И ему сложно вообразить, что сейчас из этого тела к нему обращается совершенно иная личность. Нужно как-то доказать ему, что я – это я, а Мария не имеет к нашей беседе никакого отношения.

– Ты должен мне верить. Я на самом деле Натанаэль. Хочешь, я сделаю что-нибудь, чего не может ни один человек, а может только демон?

Виктор отрицательно мотнул головой.

Но я знала, что должна раскрыть ему свою сущность. Иначе сомнения останутся между нами вечным барьером.

Я огляделась, выискивая предмет, который помог бы мне продемонстрировать свою демоническую природу. Распятие, свечи на подставке, лампада... Ничего подходящего! Я скована телесной плотью, как колодками. Парадокс: я могу всё, если покину тело, но тогда он ничего не увидит, так как я буду для него невидима. Но, покуда я в теле, он тоже ничего не увидит, так как я способна лишь заверять на словах. Сотрясать воздух.

Воздух.

Воздух вокруг нас находится в постоянном движении, от чего колышутся огоньки свечей. Это сквозняки. Они просачиваются сквозь оконные щели, сквозь неплотно сомкнутые дверные створки. Будь я в своём обычном состоянии, я легко могла бы опереться на любую из этих воздушных струек, как сейчас опираюсь на каменные плиты пола. Но твёрдая человеческая плоть... Она проходит сквозь воздушные формы легче, чем самый острый нож через кусок подтаявшего сливочного масла.

Хотя...

Удалось же мне как-то замедлить падение во время прыжка из окна?

Всё равно, терять нечего...

Я широко раскидываю руки, ловя малейшие дуновения. Закрываю глаза. Сквозняки откликаются на мой зов. Они всё ещё подвластны моей воле – как и раньше, когда мы с ними принадлежали к одной стихии. Они устремляются ко мне, словно ночные мотыльки к источнику света: сами не понимая, зачем им это нужно, да и нужно ли вообще. Я чувствую, как они льнут ко мне, как обвивают моё тело десятками прохладных змеек.

Я не могу видеть сквозь сомкнутые веки, но знаю, что пламя свечей сейчас мечется, как сумасшедшее. Многие уже погасли.

Воздушные завихрения, облепившие меня, сливаются в единую невидимую длань. Она сжимает меня и отрывает от земли.

...Я, наконец, осмеливаюсь открыть глаза. Пол находится где-то в метре от моих стоп. Свечи погасли все, как одна. Лишь только пламя лампадки держится, не сдаётся, хотя воздушные потоки рвут его во все стороны. Виктор отпрянул назад, прижался спиной к стене, вжался в неё.

Спрашиваю – с трудом, хрипловато, ибо контроль над воздушной стихией требует постоянного, почти физического напряжения:

– Теперь понимаешь, кто я? Веришь?

– Я уже видел такое, – отвечает человек, преодолевая страх. – Однажды. Я знаю. Знаю, что ты демон. Я сталкивался с демонами, вселившимися в людей... несколько раз. Один из них

смог вот так же поднять человека в воздух. Но ни один не говорил таких странных вещей, как ты.

Ну всё, демонстрация прошла успешно, можно расслабиться. Отпущенные на волю сквозняки резво разлетаются по углам. Я довольно тяжело плюхаюсь на пол. (Вот сукины дети, могли бы опустить меня плавноенько!). Ладно хоть высота небольшая, так что удалось сохранить и равновесие, и эффектный имидж.

Теперь настало время разобраться, с какими это демонами он сталкивался. И каким, интересно, образом?...

- Где ты встречал других демонов? – спрашиваю довольно резко.
- Я... Здесь. В церкви. В приходе. Вселившихся в людей.
- Что ты с ними делал?
- С кем? С людьми или демонами?
- С демонами, конечно! – (он что, издевается? Плевать-то мне на людей!).
- Изгонял, – отвечает он с вызовом. И смотрит прямо мне в глаза.
- А-а-а...

Виктор, кажется, ожидал бури гнева, возмущения, бешенства. И морально приготовился, что я разнесу сейчас полхрама от негодования. Моя реакция показалась ему, мягко говоря, странной. Я же испытала сильнейшее облегчение.

Он всего лишь их изгонял. Эка невидаль! Он наверняка даже не представлял, с кем имел дело. Низшие из низших, мелкие сошки, «шестёрки» – тринадцатый ранг. Могут прилипнуть к человеку с неустойчивой психикой или слабо развитой индивидуальностью, но вылетают прочь от первого же настоящего пинка. Интересно, каких речей он от них наслушался?... Могли быть ещё и те из моих сородичей, что изначально имели ранг повыше, но потеряли статус: деградировавшие пьянчужки, которых уже не берёт на работу ни один отдел, даже в качестве подсобной рабочей силы. Эти ещё способны, подсобравшись, блеснуть в разговоре остатками былой интеллектуальности, но в итоге всё оборачивается обычной болтовнёй законченных неудачников: «Весь мир – бардак, в нём правят козлы, и просвету никакого не предвидится». Для них – точно не предвидится. Да и чёрт с ними. Обидно только, что по таким вот типам люди составляют представление обо всё демоническом сообществе.

– Теперь всё будет по-другому, – горячо шепчу я. – Раньше ты видел лишь самых жалких из моего народа. Одно только быдло. Тех, кого и демоном-то настоящим назвать – язык не поворачивается. Не стоит о них даже вспоминать. Выброси их из головы. Они – тени. Я – настоящая. И я – лучшая из всех, кого ты встречал. Я могу весь мир перевернуть ради тебя. Я сделаю тебя счастливым. Ты – чудо, настоящее чудо в моей жизни...

– Я знаю, что ты – демон, – медленно выговаривает священник, словно собираясь с мыслями. – То есть, дух, враждебный человеку. Коварный, опасный и лживый. Чуждый. Но только дух. У тебя нет ничего своего, кроме собственной злобы. Даже тело, которым ты распоряжаешься, принадлежит не тебе. И ты пытаешься что-то мне предлагать?!

Я опешила. Кажется, он ничего не понимает.

– Виктор, миленький, хороший, ты же ничего не понимаешь! Я не причиню тебе зла. Я вовсе не желаю тебе ничего плохого. Да, бывает, у людей и демонов возникают некоторые... противоречия. Да, наши интересы иногда расходятся с вашими. Но это всё потому, что на работе мы связаны определёнными обязательствами. У нас тоже есть свои законы, через которые нельзя переступать. Но только не сейчас! Сейчас я полностью свободна от работы и могу делать, что захочу. А я хочу быть с тобой! Я хочу тебя! Я уже твоя, и мы должны быть вместе.

– И сейчас ты морочишь мне голову, чтобы вовлечь меня в какую-то гадость, – горько констатировал Виктор.

– Вовлечь в гадость?! – я рассмеялась. – Да нет же! Ты мыслишь стереотипами, которые внушали тебе с детства. Ты слушал болванов, которые твердили, что демоны – это зло, а сами ни разу не видели ни одного из нас.

– Я сам видел некоторых из вас. То есть, не видел – вы же можете быть невидимы. Но я видел людей, одержимых вами. И никому ни один из вас не принёс счастья.

– Ты не встречал настоящих демонов, Виктор. Те, кого ты изгонял, занимают самую низшую ступень нашего общества.

– А ты?

– Я... Ну, я нахожусь где-то посередине. Но я лишь в начале пути.

– Так и возвращайся на свой путь, в свой ад, где тебе и положено находиться. Зачем ты мучаешь людей?

– Кого я мучаю?! – рывкнула я раздражённо. – Вот заладил! Две недели здесь живу – так никого ещё пальцем не тронула.

– Ты вселилась в тело юной девушки. Ты причиняешь боль её душе. Ты заставляешь её совершать поступки, противные её природе...

– Противные природе?! А она что со своей природой творит?! Человек должен жить: двигаться, бегать, прыгать... дышать, плясать... с окружающими общаться... Есть нормально, в конце концов. А она без меня только на диване чахла в обнимку с книжкой... Если уж девица её возраста и должна находиться на диване, что-то обнимая, то – отнюдь не книжку! И вообще. Я заняла её оболочку всего лишь на определённое время, по праву, данному мне свыше. Я не нарушила ни одного закона. Тебе не в чем меня винить! Так что покуда это тело и я – одно и то же.

– Посмотри на меня! – я шагнула на свет и расправила плечи. – Многие мужчины были бы счастливы обладать мной. Но ни один из них мне на дух не нужен. Для меня существуешь только ты! Я выбрала тебя, потому что... Потому что... Не знаю, как объяснить... Вот, всё вокруг было обычное, серое, никакое... И вдруг: появляешься ты. И вспыхивает радуга! Вроде бы, окружающий мир остался точно такой же, но я вдруг вижу, что в нём есть смысл и цвет!

– Зачем, ну зачем... – Виктор болезненно скривился. – Зачем манипулировать такими словами. Которые могли бы означать что-то хорошее... Твой повелитель, Сатана – отец лжи. И ты тоже дух лжи. И все слова твои лживы и толкают людей к вечной гибели. Так устроен мир. И сейчас ты жаждешь толкнуть к гибели меня. И ту девушку, которой завладела. Неужели ты думаешь, что я этого не пойму?

– Ты не понимаешь! – в отчаянии кричу я.

– Я не хочу винить тебя одну во всех несправедных делах твоего народа. Но ты – одна из них, и ты – такая же. И человеку ты способна принести только зло, потому что по природе своей ты – дух зла, что бы ни говорили твои уста. Ты не можешь изменить свою природу, потому что так устроен мир, таков Закон. А значит ты в самой природе своей несёшь человеку вред. Что бы ты мне сейчас ни наговорила, твоя природа от этого не изменится.

– Ну что ты всё твердишь про какой-то там порядок, закон, устройство мира! Вот же перед тобой я – живая, настоящая, единственная. Понимаешь? Я – единственная во всём мире, другой такой просто вообще нет. Я не связана сейчас никакими обязательствами, я свободна, люблю тебя и хочу дарить тебе свою любовь. Я молода, красива и сгораю от страсти. Чего тебе ещё надо? Зачем тебе какие-то законы?! Если уж говорить об устройстве мира, то он устроен так, что любящие мужчина и женщина соединяются в нём повсеместно.

– Ты не человек. И не тебе ссылаться на то, что делают люди.

– Хорошо. Я не человек. Я – больше и лучше, чем человек. Я умнее и могущественнее любого человека. И, если уж на то пошло, я оказываю тебе честь, выделив тебя из тысяч прочих.

– Спасибо. Как-нибудь обойдусь.

– Что-о-о????!!!

– Если хочешь оказать мне честь, оставь девушку в покое и возвращайся в преисподнюю.

– Да ты... – я задыхаюсь от возмущения. – Ты... Ни за что! Не дождёшься!!! Ты ещё увидишь... Да вообще, пошёл ты!...

Хочется что-нибудь швырнуть. Но распятые слишком прочно прикреплено к стене, да и тяжело будет. Приколоченный к нему Мессия смотрит на нас с укором. Ещё бы! Сколько народу вокруг бродит, а никто даже не попытался помочь ему, снять с этой деревяшки. Что за глупость: радоваться чужим страданиям. А они все здесь это делают. Как были люди кретины, так и остались.

С досады пинаю подставку со свечами. Она валится – твёрдая, железная, ногу больно. Пожара не будет, ведь свечи давно уже не горят. Прихрамывая, неровными, но быстрыми шагами ухожу прочь.

...В преисподнюю. Это же надо! Ладно, если я туда пойду, то ты – отправишься вместе со мной. Я устрою для тебя персональную преисподнюю здесь, на земле. Ты сам подписал себе приговор!

Я ухожу, унося в сердце клочущий Везувий. Ещё с утра это тепло готово было ласкать и нежно обволакивать. Сейчас же оно способно только выжигать дотла, обрушиваться огненным дождём, заливать потоками кипящей лавы, неся с собою смерть и опустошение. Трепещи, человек: твоя Помпея уже близко!

...А ведь нам могло бы быть так хорошо вместе...».

Эпизод 10. «Искушение»

«– О, любовь! – сказала она, и голос её задрожал, а глаза блеснули. – Это когда два существа сливаются в одно, когда мужчина и женщина превращаются в ангела. Это – небо».

В. Гюго. «Собор Парижской Богоматери».

*«Суккубы... – демоны, принимающие... женский (суккуб, от лат. *succubare* – „лежать под“) облик и вызывающие ночной кошмар или вступающие в половую связь с человеком...»*

Махов А. Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. – М.: Intrada, 2006, с. 208—213.

«Не страх, но презрение является подлинно христианским отношением к бесам».

«Ангелы и бесы в духовной жизни по учению восточных отцов».
Василий (Кривошеин), архиепископ.

«...Этого просто не может быть. События сегодняшнего утра могли бы показаться просто дурным сном, если бы не тупая ноющая боль в большом пальце правой ноги. Я всё ещё прихрамывала, меряя шагами дорожки пустынного парка, хотя время уже перевалило далеко за полночь. В таком состоянии не хотелось видеть никого из смертных, а уж тем более ту парочку, что наивно полагает себя моими родителями.

Этого просто не может быть. Это невозможно! Неслыханно! В голове не укладывается. Я предложила ему свою любовь и нежность, а он послал меня ко всем чертям! Ну, не совсем к чертям, он выразился как-то иначе... В преисподнюю.

Здесь что-то не так. Это противоестественно.

Я протопала к ближайшей луже и замерла над ней, вглядываясь в отражение. На фоне голубого мартовского неба и лёгких облачков колыхался мелкой рябью ослепительно прекрасный девичий образ. Против такой красоты не способен устоять ни один человеческий самец. Если только он не... Нет, ни в коем случае, я бы почувствовала!

Поначалу я готова была его убить. Но чем больше обдумывала ситуацию, тем больше склонялась к мысли, что упускаю какой-то существенный момент, который мог бы всё объяснить. Уж слишком противоестественным казалось его поведение.

В самом деле. Редко кому из смертных выпадает честь стать избранником демона. И ещё реже – гораздо реже! – демон снисходит до того, чтобы объяснить человеку свои чувства в столь вежливой, деликатной манере, как это сделала я. Я издавна имею в своём кругу репутацию персоны интеллигентной, воспитанной, незлобивой. За что иной раз слышала насмешки сородичей в свой адрес... Впрочем, руководству мой норы нравится: я не создаю проблем. А если я в ладу с руководством, то что мне за дело до злопыхательств жалких завистников?

Как я уже отмечала, высшие существа (то есть, мы и ангелы) достаточно часто вступают в сексуальные отношения с представителями людского рода. Люди весьма темпераментны, бывают приятны по своей внешности, к тому же представляются лёгкой добычей. Кто-то сблизается с ними с целью развлечься, кто-то снимает таким образом психоэмоциональное напряжение, кто-то преследует спортивные интересы, а кто-то – упрощает выполнение служебных задач. В любом случае, выбранное для контакта человеческое существо не удостаивают долгих объяснений, а просто ставят перед фактом: «Ты избран!». А далее, в лучшем случае, уточняют по ходу дела: кем избран и для чего.

При этом негласно подразумевается, что избранный для контакта объект должен быть до безумия счастлив от того, что его никчемное существование наконец-то получило хоть какой-то высший смысл. У него не остаётся времени для вопросов и сомнений... Да и выбора тоже – не остаётся.

Какую реакцию я ожидала встретить со стороны Виктора? Удивление? Восторг? Пожалуй, и то, и другое – с примесью благоговейного страха. (Да, страх придаёт пикантности романтическим отношениям. Усиливает чувствительность и обостряет наслаждение...). Возможно, я рассчитывала даже на его благодарность – за то, что поговорила с ним начистоту, избавив от лишних сомнений и колебаний. В конце концов, я повела себя с ним предельно честно. А как он меня за это назвал? «Лживый дух»!

Да, я понимаю, его сознание жёстко зашорено стереотипами. Система воспитания и образования построена у них на культивировании негативного отношения ко всему, что хоть как-то связано с нашим народом. Однако, с другой стороны, запрет порождает собой и острое вожделение к запрещённому. Сотни и тысячи любителей острых ощущений на земле еженощно вычерчивают магические символы и расставляют зловещие чёрные свечи по углам пентаграмм. И я готова поспорить на что угодно, что если в руки господину священнослужителю попадётся какая-нибудь «Демонология», он не швырнёт её немедленно в огонь, даже не раскрыв, а для начала просмотрит хотя бы пару абзацев.

Так что же мешает ему раскрыть мне свои объятья? Неземное счастье само идёт к нему в руки, в моём лице, а он – гонит его прочь, да ещё в оскорбительных выражениях! (Ну, ладно, допустим, я с ним тоже пару раз вела себя не очень вежливо. Но ведь он меня вынудил!). Тем более, что связь со мной была бы для него абсолютно не обременительна: через год я вообще исчезну с поверхности земли и освобожу его от всех обязательств. На мне не нужно жениться, на меня не нужно тратить деньги, меня не нужно уговаривать отдаться – я идеальная любовница! А это очень удобно для мужчины.

Только не говорите мне, что его сдерживают какие-то принципы и убеждения. Я в них не верю.

Мы – те, кто производит посмертный досмотр человеческих душ, – слишком хорошо знаем цену всем их принципам. Принципы, равно как и убеждения, пригодны лишь для одного: мостить дорогу, ведущую напрямик в вечный огонь Геенны.

Так что же я сделала не так? Что помешало нашему счастью??? Если дело не в моей привлекательности (она безупречна!) и не в его физиологии (она человечна!), тогда... Я вновь и вновь прокручивала в памяти события сегодняшнего утра... Если подвергнуть всё тщательному логическому анализу... Виноват контекст!

При нашем разговоре присутствовал некий символический свидетель. И пусть для меня это всего лишь железная статуя, закреплённая на перекрестье деревянных балок. Но для Виктора это – вполне вещественный знак присутствия его живого бога. (Они всё время делают акцент: ЖИВОЙ бог! Как будто кому-то нужны мёртвые боги... Мёртвые демиурги автоматически утрачивают божественный статус и превращаются в идолища поганые...).

Всё сходится: я неправильно выбрала место и время! Виктор был на работе, он не мог расслабиться и стать самим собой. Ему приходилось играть роль грозного судии, ибо он постоянно ощущал присутствие незримого супервизора, отслеживающего каждый его шаг. Если вдуматься, он даже имел право разозлиться на меня, поскольку я откровенно подставляла его в глазах начальства. Пусть даже сие начальство, с моей точки зрения, имеет сугубо воображаемый характер.

Насколько мы, демоны, прагматичны и здравомыслящи, настолько же люди – суеверны и склонны к мистицизму. И если я хочу успешно с ними взаимодействовать, то обязана принимать в расчёт это обстоятельство.

Как только все детали уложились у меня в голове в стройную концепцию происходящего, мне стало легко и радостно. От утреннего неприятного осадка не осталось и следа. Даже ушибленный палец болел как-то по-весеннему жизнеутверждающе. Теперь не составит труда построить план дальнейших действий...

... Настоящий демон в своей жизни должен сделать три вещи. Во-первых, купить душу у чернокнижника. Во-вторых, растлить девственницу. И, в-третьих, совратить священника.

Чернокнижник на примете у меня уже есть. С ним проще всего, он со своей душой никуда не денется, так что можно оставить вопрос купли-продажи до более спокойных времён. У них у всех одно на уме: лишь бы заключить сделку с подходящим дьяволом. Вот и пусть подождёт.

Остаются девственница и священник. И вот тут-то у меня появляется возможность сразить единым выстрелом обе цели! Нет никаких оснований сомневаться в девственности Марии. Достаточно вспомнить весь её образ жизни до моего появления. Тут не то, что к семнадцати годам невинность сохранить – тут в могилу её с собой унести можно запросто!

А что касается Виктора... Странно: стоит подумать о нём, и вся моя хваленая бесовская решительность проваливается куда-то в пятки. Я ощущаю себя ватной куклой, не способной ни на один толковый поступок. Я замираю там, где застанет меня эта мысль (и замирать приходится очень часто, ибо мысли о нём водят в моих мозгах бесконечные хороводы), и не знаю, что только что собиралась делать, и собиралась ли вообще. Я рассеянно улыбаюсь. Смотрю невидящим взором сквозь окружающих людей. Пропускаю мимо ушей их речи. И ускользаю прочь, в какой-нибудь уютный уединённый уголок, чтоб продолжить грезить наяву.

Вот уже два дня прошло с тех пор, как я приняла решение о необходимости активных действий. Прошло два дня, а я ещё и пальцем не пошевелила, чтобы воплотить свою мечту в реальность.

Но сегодня ночью всё изменится. Я, наконец, вступлю в утерянный рай. Я совершу свой марш-бросок через Рубикон, и неприступные стены Карфагена в одно мгновение рассыплются в прах. Я готова.

Моё окно вызывающе распахнуто в ночь. Я привычно взбираюсь на подоконник. Лунный свет передо мной сгущается, собирается в складки и пологими ступенями спускается к земле сада. Я делаю шаг. Скольжу по ступеням. Вниз по небесной лестнице... Так языческие, ныне проклятые, богини спускались к смертным. Богини, ставшие теперь символами прелести и безнравственности. Богини, которым поклоняются нынешние Римские Папы.

Я иду, чтобы дарить лучшее, на что способна. Чтобы отдать самое ценное из того, чем располагаю: себя. Чувства переполняют меня, их слишком много, и если я немедленно не поделюсь ими, то рискую в них утонуть.

... Я знаю, где он живёт: разведала накануне. Он живёт совсем один, в собственном маленьком домике, в пяти минутах ходьбы от храма. Там нам не помешает никто.

Я ступаю по земле, но не чувствую её под ногами. Знакомые переулки кажутся преобразившимися, многозначительно-торжественными.

Наверное, Виктор уже спит – ведь время близится к полуночи. Полная луна расплывается пятном света в облачной дымке. Воздух влажен и терпок. В нём копится напряжение, предвещающее великую перемену в моей жизни.

... Вот и цель моего пути: неказистое каменное строение, окружённое с боков узким палисадником. Останавливаюсь перед дверью. При свете дня было бы заметно, что краска на ней во многих местах облупилась, а древесина старая и рыхлая. Дверь заперта изнутри. На засов. Глупая железка, зачем она пытается предотвратить неизбежное? Последний бастион на пути победоносно шествующей великой армии. Последний форт перед полчищем, имя которому – легион. Этот засов, эта дверь, эти стены – как жалкая горстка защитников уже не существую-

щего государства. Их столица уже захвачена, земли разграблены, правитель пленён; они сами обречены и прекрасно это понимают. Но продолжают из последних сил, по инерции, выполнять свой воинский долг, пока милосердная рука победителя не освободит их от всех тягот, связанных с земным существованием.

Я прикладываю ладонь к двери. Шершавые, щербатые доски злобно щетинятся потенциальными занозами. Железная задвижка вздрагивает, почуяв сквозь слой дерева власть магнита, в который на время превращается моя рука. Раньше мне не удавался этот фокус. Но сегодня на моей стороне играет полная луна, а уж она, как никто, умеет притягивать всё, что пожелает. Я учусь у неё. Она благосклонно взирает с небес.

Глупой маленькой железке уже не вырваться из захвата: силовые линии магнитного поля прочно связывают её с моей рукой. Я веду руку вбок, и засов тяжело движется следом, покидая свой боевой пост.

Дверь отперта. Дорога свободна.

...Она ещё попыталась скрипом предупредить своего хозяина о визите ночной гостьи. Не нужно, милая дверь! Пусть будет сюрприз. Людям нравится получать приятные сюрпризы.

На цыпочках скольжу через прихожую и коротенький коридор. Мои земные глаза ничегошеньки не видят в кромешной тьме, но собственное чутьё позволяет аккуратно обходить все преграды – углы, выступы, мебель.

Дверь спальни приоткрыта. Обострившимся слухом улавливаю мерное дыхание спящего человека. С минуту наслаждаюсь этой сладчайшей музыкой. Двигаюсь дальше. Среди мрака белёсым пятном выделяется постель. Подобно маяку, она указывает мне направление пути.

Глаза, кое-как привыкшие к темноте, начинают различать детали.

...Человек не спит. Когда он успел проснуться? Уловил шорох шагов? Или почувствовал моё приближение? Он сидит на постели, судорожно вцепившись в одеяло, машинально подтягивая его к груди, и всматривается в тёмное пространство комнаты. Он не может толком разглядеть мой силуэт, но знает, что я – там.

Я слишком взволнована, чтобы думать. Нужно что-то сделать, или сказать – не знаю...

– Привет, – говорю я.

– Ты кто? – спрашивает он хрипло.

– Ты уже знаешь, кто я. Ты узнал меня.

– Демон?

– Натанаэль. Лучше зови меня: Натали. Это ближе к вашему языку и легче произносится.

– Ты – привидение?

– Да нет же! Я живая, во плоти. Такая же, как была все эти дни.

– Зачем ты здесь?

По его тону можно предположить, что в ответ он ожидает услышать примерно следующее: «Чтобы высосать твою кровь и забрать твою душу». Ничего глупее и придумать невозможно, но люди склонны реагировать именно так. Внезапно мне приходит в голову, что если он сможет видеть меня получше, то это обстоятельство несколько разрядит обстановку.

– Если будет светло, ты перестанешь бояться, – говорю я. – Давай зажжём свечу. И ты убедишься, что я не привидение.

Поскольку Виктор молчит и не двигается, я сама начинаю шарить на его столе. Вот свеча в подсвечнике, но где хоть какой-нибудь источник огня? Чем они его добывают? Ну, должно же в этом доме быть хоть что-то зажигательное... С досады щёлкаю пальцами, пытаюсь сообразить, с помощью чего эти отсталые существа запускают процесс горения. Меж пальцами проскакивает крупная искра. Ну, ни черта себе! Второй раз щёлкаю пальцами уже над фитилём. Искра попадает в цель, свеча с лёгким потрескиванием разгорается.

Сбрасываю на спинку стула уже не нужный плащ. Из одежды на мне остаётся одна нижняя рубашка – белая, длинная, до пола. В ней я, пожалуй, и впрямь немного похожа на призрак. Эта мысль кажется мне забавной, я улыбаюсь.

Дальше стоять посреди комнаты как-то неловко. Я присаживаюсь на край постели, у ног Виктора. Он поспешно отодвигается прочь, подтягивая ноги под себя. Выражение его лица становится затравленным.

Нужно как-то его успокоить.

– Виктор, миленький... Можно, я буду называть тебя покороче? Вик? Ладно, мне можно... Вик, послушай. Ты думаешь, что я чем-то для тебя опасна. Но на самом деле всё по-другому. Я ещё никому из людей не желала добра так, как тебе. Я на самом деле хорошая. Ты сам можешь убедиться. Только поверь мне!

Я придвигаюсь чуточку ближе. Он пытается отползти ещё дальше, но ему мешает спинка кровати. Дальше отступить некуда. Я не хочу торопить события. Лучше сначала выскажусь.

– Вик... Я пришла к тебе с добром. Я люблю тебя. И пришла только поэтому.

– С добром? – переспрашивает он, стараясь, чтобы тон звучал язвительно – но в голосе проскакивают истерические нотки. – Без стука? Без предупреждения? Как вор?!

– Я пришла без злого умысла и без оружия! Даже если я и не предупредила тебя... То это лишь потому, что ты сам не понимаешь, чего хочешь. Если бы ты только мог быть правдивым перед самим собой!... Я хорошая, Вик. И ты обязательно меня полюбишь, когда узнаешь поближе. Меня невозможно не любить. Потому что такое чувство, как моё, обязательно вызовет в тебе ответное. Мой внутренний огонь воспламенит и тебя, как только что воспламенил эту свечу. Я ведь и сама не знала, что могу так... Но теперь – знаю. Я – лучшее, что было, есть и будет во всей твоей жизни. Я счастлива, что повстречала тебя. И хочу подарить тебе ответное счастье. Просто доверься и прими...

Я развязываю тесёмку рубашки. Стягиваю рубашку с одного плеча, затем с другого. Дальше она уже спадает сама. Перемещаюсь в сторону Виктора ещё на пару сантиметров.

Он соскакивает с кровати вместе с одеялом, пытаясь завернуться в него, словно в кокон.

Я встаю следом. Я полностью обнажена. Стою в круге света, излучаемого свечой. Волосы отливают золотом в отблесках пламени.

– Пожалуй, я немного слукавила насчёт оружия. Ты видишь, что у меня нет при себе посторонних предметов. Но красота – это тоже оружие, верно? И я складываю его к твоим ногам. Сегодня я принадлежу тебе. Я – в твоей власти.

По коже бегут мурашки от предвкушения его прикосновений. Сладко ноют соски, и томление поднимается к животу от лона. Дальше тянуть время невыносимо! Я делаю к нему два шага, и мы уже стоим лицом к лицу.

Виктор зажмурился и втянул голову в плечи, как человек, ожидающий удара. Я приподнимаюсь на цыпочках, вытягиваю шею и касаюсь губами его губ.

Кажется, он вздрогнул. Не отпрянул, но и не подался мне навстречу. Его губы горячие и сухие. Я несколько отступаю назад, чтобы дать мужчине возможность опомниться и самому проявить инициативу.

– Вик, миленький, – шепчу ободряюще, – здесь никого нет, кроме нас. Никто не следит за нами. Мы можем побыть самими собой. Мы оба свободны, молоды, красивы. Мы созданы друг для друга. Мы больше не можем жить друг без друга. Ты ведь и сам это знаешь! Сейчас мы можем делать всё, что захотим. А я так хочу тебя!...

Виктор смотрит на меня. Я знаю, что прекрасна, и мне не нужно зеркало, чтобы удостовериться в своём великолепии: я вижу своё отражение на дне его расширившихся зрачков. Он что-то произносит – беззвучно, одними губами, я не могу разобрать ни единого слова. Его правая рука, подрагивая, неуверенно тянется в мою сторону. Он решился!

Теперь уже я мечтательно закрываю глаза, дожидаясь, пока он сожмёт меня в объятиях. Пока его уста жадно прильнут к моим. Пока...

...Резкий удар по щеке наотмашь заставляет меня отлететь назад; но, шатаясь, я кое-как умудряюсь сохранить равновесие. Ошалело таращу глаза. Хватаю ртом воздух. Что происходит?!!! Когда он успел подкрасться? Как он осмелился бить женщину по лицу?!

Виктор стоит на прежнем месте. Такое же белое привидение в ночной рубашке, каким была и я, пока не разделась. Его правая рука, направленная в мою сторону, снова прочерчивает воздух крестным знаменем. Он продолжает твердить слова, и теперь я уже могу их слышать.

– Pater noster, qui es in caelis; sanctificetur nomen tuum; adveniat regnum tuum; fiat voluntas tua, sicut in caelo et in terra...

Его голос обретает силу. Я получаю новый хлесткий удар по лицу, словно от невидимой огненной плети, хотя Виктор не коснулся меня и пальцем. От боли и неожиданности лечу на землю, неловко взмахивая руками. Оказываюсь на полу, на четвереньках, в самой жалкой позе, какую только можно вообразить. Инстинктивно пригибаю голову, словно это поможет защитить лицо. А новый удар уже обрушивается мне на спину...

...Et ne nos inducas in tentationem; sed libera nos a malo!...

«И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Удары уже сыплются градом со всех сторон, от каждого произнесённого им слова – по спине, груди, голове. Кажется, вся моя кожа исполосована розовыми горящими следами-ожогами. Да что же это делается, а? В панике пячусь на четвереньках к входу. Что на него накатило? Ведь всё так хорошо начиналось! В какой-то момент осознаю, что моё отступление до крайности унижительно, и, воспользовавшись краткой паузой, преодолевая боль, поднимаюсь на ноги. На один миг наши взгляды встречаются. Мы прожигаем друг друга насквозь, до самых потаённых глубин. Я знаю: он уже почувствовал власть надо мной – ту самую власть, которую я столь опрометчиво пообещала ему совсем недавно. Да, но я никак не ожидала, что он использует её именно таким образом...

– Pater noster, qui es in caelis...

Преследуемая невидимыми плетями, выскакиваю в коридор. Не разбирая дороги, сворачивая всё на своём пути, мчусь к дверям. Прочь, прочь отсюда!

В коридоре поскользываюсь, хватаюсь за какую-то тряпку и вместе с ней, с грохотом и, кажется, собственными воплями, вылетаю на крыльцо. Дверь торжествующе захлопывается, отрезая меня от мирка, в котором укрылся Виктор. Теперь меж нами ещё большая преграда, чем была час назад.

...И что теперь? Кое-как усаживаюсь на земле. Локти в ссадинах. Ноги в грязи. Каждое движение отдаётся болью. К счастью, ночь ещё в разгаре, улица совершенно пуста, и нет свидетелей моего позора. Крупная тяжёлая капля смачно шлёпается мне на макушку. Почти сразу – вторая, на нос. И вот уже бессчётное множество капель, сливающихся в отвесные струи, обрушивается на меня и всё окружающее пространство. Земля мгновенно превращается в липкое склизкое месиво. Внешний холод пробирает до костей, а навстречу ему, из глубин тела, поднимается ещё более жестокий озноб. Вся моя немногочисленная одежда осталась в доме, и нет никакой надежды заполучить её обратно. Под руку попадает какая-то тряпка. Ах, да, я ухватилась за неё, когда чуть не упала в коридоре. Похоже на плащ... По крайней мере, её можно как-то на себя намотать...».

Сгорбленная бесформенная фигура бредёт по тёмной улице, сквозь ливень. Струйки воды стекают с её длинных волос, слипшихся сосульками, со складок неопределённого одеяния, пробегают по босым ногам и смешиваются с жидкой грязью, покрывающей дорогу.

Эпизод 11. «Последнее слово»

Лихорадка растянулась на четыре или пять дней. Я потеряла им счёт.

Плохо помню, как добралась в ту ночь до дома. Долго стучала кулаком в дверь – монотонно, размеренно, как молотобоец в кузне. Пока не открыли. Вокруг всколыхнулась суета, женщины причитали, отец что-то бубнил. Смутно припоминаю, как мне мыли ноги в тазике, укладывали в постель, совали под нос кружку с горячим питьём...

Мне было уже всё равно, что со мной вытворяют и что происходит вокруг.

Жизнь потеряла смысл.

Большую часть времени я так и валялась в постели, под кучей одеял. Прогулка под дождём не прошла даром. Тело, пылавшее снаружи, содрогалось от внутреннего холода. Полагаю, у меня был жар с ознобом.

Приходил доктор: солидный благообразный господин лет пятидесяти. Заглядывал мне в горло, оттягивал веки, прослушивал дыхание через деревянную трубочку. Прописал какой-то гадостный отвар, трижды в день. Я добросовестно глотала лекарство, от которого дико тошнило. Но и это уже было мне безразлично.

Вместе с болью и тошнотой в мозгу билась одна и та же мысль: я ничтожество.

Бездарность. Ничтожество. Жалкая никчёмная тварь. Коль скоро я не способна вызвать в человеческом сердце не то, что любовь, а даже элементарную симпатию, то и не заслуживаю участия лучшей, чем имею. Всё, что я получила – это лишь самое естественное развитие событий. Я не пригодна ни для чего иного, кроме бессмысленных бесконечных страданий.

Всё чаще в доме звучало вычурное слово: экзорцизм. Его произносили многозначительным шёпотом, с придыханием, с трагическим выражением лица, и сопровождали косыми взглядами в мою сторону.

Экзорцизм – от греческого «εχορσίο» – «обязывать клятвой», «заклинать». Как будто я не понимаю, кого именно и какой конкретно «клятвой» собираются «обязать»! Что ж, это будет закономерный итог моих злключений. История моих бедствий получит единственно верное окончание.

Давайте уж, что ли, экзорцируйте побыстрее. Туда мне и дорога. Как он сказал? «Убирайся ко всем чертям...». Нет, не так. Он сказал: «Возвращайся в преисподнюю».

Я жажду получить справедливое возмездие за мою полную несостоятельность. Я заслуживаю самого сурового наказания. Я не имею права даже зваться демоном. Позор воздушного племени! Только смерть избавит меня от страданий. Но, кажется, я бессмертна? Или уже нет? Впрочем, какая разница... Люди склонны считать, что после смерти у них всё кончится – а оно только начинается. Я полагала, что у меня всё только начинается – а оно взяло и разом закончилось. Мир вывернулся наизнанку... Какая разница...

Сегодня утром приходил Виктор. Якобы, обеспокоенный состоянием Марии. Ещё бы – одна из самых пунктуальных его прихожанок уже неделю не показывалась в церкви! А памятуя о том, что у неё в последнее время отмечалось некоторое расстройство здоровья, он испытывал вполне естественную тревогу: не случилось ли чего? Не требуется ли помощь? Вот и зашёл узнать.

Родители встретили его суетливым оживлением.

– Проходите, отец Виктор, располагайтесь... Мари – ничего, только простыла, у неё жар, пятый день в постели...

Отец нервно поджимает губы, но они всё равно дрожат. В глазах у матери стоят сдерживаемые из последних сил слёзы. Они плещутся, как два озера, готовые перелиться через края берегов...

– Убегала из дома... Как – непонятно, через окно, что ли? Все двери были заперты изнутри... Явилась среди ночи, колотила в дверь, перебудила весь дом... Вся мокрая до нитки, насквозь, на улице – ливень... Ничего не слышит, не соображает, как опoённая чем... Ничего не говорит, молчит, и лицо такое... застывшее... Словно неживая уже... С тех пор вот и с постели не встаёт... Горячка началась... Доктор Жирандоль подозревает пневмонию...

Мать уже рыдает, отвернувшись к стене, закрывая лицо платком. Отец не знает, к кому броситься – к ней или к дорогому гостю. Однако, Агнесса находит в себе силы собраться с духом и продолжить:

– И Вы знаете, отец Виктор... Когда она пришла... На ней из одежды была только какая-то накидка... чужая... А под ней, – голос матери падает до шёпота, – она была голая... совершенно!

– Я знаю, – ЕГО голос звучит, словно гром среди ясного неба. От неожиданности я едва не свалилась с потолка. Оказывается, во мне на минуту пробудилось прежнее любопытство, и я, покинув бесполезное ныне тело, просочилась в комнату этажом ниже, чтобы подслушать разговор.

И тут – нате вам! Неужели он совсем ничего не собирается скрывать? Любой порядочный мужчина на его месте умолчал бы об этом сомнительном эпизоде. Ведь это бросает тень не только на честь дамы (какая уж тут честь, если голая является посреди ночи!), но и на его собственную репутацию. А он, как-никак, священник! Что о нём подумают в приличном обществе?

– Она приходила ко мне, – твёрдо продолжает Виктор.

Родители оба, кажется, на грани обморока. Что-то им сейчас рисует воображение?

– Она пришла не по своей воле, – поспешно поясняет Виктор. – Её вёл вселившийся демон. Мадмуазель Мари не могла контролировать свои действия.

– И... что? – дружно ахают супруги де Мюссе.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, всё в порядке. То есть, как сказать, в порядке... Демон всё ещё живёт в ней, с этим я пока ничего не смог сделать...

– А... со всем остальным? В смысле, для чего она... он, демон, приходил к Вам? И почему он выбрал для своих целей её, нашу дочь? Что она у вас делала?!

Вопросы вылетают в него с двух сторон, без пауз, как снаряды при перекрёстном обстреле. Наконец-то наш Непогрешимый, кажется, смущён. По крайней мере, опускает очи долу.

– Демоны приходят к людям, чтобы вовлечь их во грех. И этот демон ничем не отличается от прочих.

Нет, ну каково, а?! Ничем не отличается от прочих! Он когда-нибудь перестанет смешивать меня с грязью?! Я не нахожу места от возмущения. В гневе хватаю со шкафа какой-то предмет – им оказалась довольно крупная книга – и запускаю в дальний угол. Со стороны смотрится жутковато: книга сама собой поднимается в воздух, стремительно проносится через комнату, трепеща растопыренными страницами, с силой ударяется о противоположную стену и обрушивается на пол. Злость придала мне сил – иначе я вряд ли справилась бы с перемещением столь увесистого объекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.